Школа вдумчивого чтения

Н. И. Дужина

Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован»

МГУ

Программа «МГУ – школе»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Повесть Андрея Платонова «Котлован» — одно из самых необычных событий русской литературы — почти публицистически насыщена реалиями времени и является ярким документальным источником драматической отечественной истории XX века. Путеводитель по «Котловану» в доступной, увлекательной форме рассказывает о фактической основе этого сложного иносказательного произведения; о философском подтексте повести, о литературных параллелях ее сюжета, композиции и образов.

Для учителей школ, лицеев и гимназий; студентов, старшеклассников, абитуриентов, специалистов-филологов и широкого круга читателей.

Summary

The School for Thoughtful Reading Series

N. I. Duzhina.

A Guide to A. P. Platonov's Story 'The Foundation Pit' (Kotlovan): a manual. Moscow: Moscow University Press, 2010.

Andrey Platonov's story 'Kotlovan' (The Foundation Pit) — one of the most unusual events in Russian literature — is almost journalistically saturated with realia of the time and constitutes a vivid documentary source of dramatic 20th century Russian history. In a stimulating and accessible style the guide to 'Kotlovan' tells the readers about the factual basis of this complex parable-like work; about the philosophical implications of the story, about the literary parallels with its plot, structure and images.

For teachers of schools, lyceums and gymnasia, students of higher educational establishments, high school pupils, school-leavers taking university entrance exams, philologists specializing in literary studies and the general reading public.

- Дужина Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован»
  - Введение
  - Глава 1. События общественно-политической жизни страны, получившие отражение в «Котловане»: Город и деревня
    -
    - Вощев: «Я хочу истину для производительности труда»
    - «Другой город»: строители «общепролетарского дома»

        - «Другой город»: «общий дом пролетариату», или «эсесерша наша мать»
        - Деревня и коллективизация
        - Вощев «собирал в выходные дни всякую несчастную мелочь природы»
        - «Язык утопии» в «Котловане» и датировка повести
    - Глава 2. Идеи и образы «Котлована» в ретроспективе культуры
        -
        - Что есть истина?
        - Град грядущий: башня Церкви и ее строители
        - Апокалипсис коллективизации
        - «Превратить знание в исследование причин смерти ради дела воскрешения»
        - Проблема поэтики «Котлована»
    - Рекомендуемая литература о «Котловане»
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114

- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158

- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202

- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224

Дужина Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован»

Введение

Повесть Андрея Платонова «Котлован» не имеет авторской датировки. Только анализ исторической основы содержания позволяет предположить, что она написана, вероятнее всего, в первой половине 1930-х гг. Именно на это время пришелся один из самых драматических периодов отечественной истории, по глубине осмысления и оригинальности изображения которого Платонову нет равных в русской культуре XX века.

В конце 1920-х годов наша страна, согласно официальной политической фразеологии, приступает к «построению социализма». Цель предыдущего курса — новой экономической политики — определяли более скромно: восстановление разрушенной в гражданскую войну экономики и «строительство социалистического фундамента народного хозяйства»[1]. Считалось, что к 1927 г. нэп выполнил свою задачу: «социалистический фундамент народного хозяйства» был построен; далее предстояло воздвигнуть само здание социализма. 1929 год, который начинал «первую пятилетку по строительству социализма», Сталин назвал «годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства»: в области производительности труда, «строительства промышленности» и «строительства сельского хозяйства». Оптимизм вождя поддержала и «служанка» режима — советская литература. Однако реальность, отраженная в многочисленных документах времени, причем не только неофициальных (письма), но и официальных (периодическая печать), говорила об обратном: глубоком равнодушии большинства населения к проводимым в стране преобразованиям и низкой производительности труда, а также отсутствии у власти реальных средств для развития промышленности. «Строительство» же сельского хозяйства, закончившееся насильственной коллективизацией 1930 г., привело к окончательному «слому» деревни и позволило переосмыслить знаменитое сталинское выражение.

Значение этих событий и безусловный приоритет Андрея Платонова в литературе о них М. Геллер объяснил так: «Реальным событиям, строго определенным временем и пространством, Платонов придает символический смысл, превращающий „Котлован“ в единственное в литературе адекватное изображение событий, значение которых в истории страны и народа превосходит значение Октябрьской революции»[2].

М. Геллер указал на две особенности платоновской прозы: реальность и конкретность событий, положенных в основу

содержания, и символический смысл, который придает им Платонов. Если символизм платоновских образов давно признан и стал предметом литературоведческого анализа, то их реальная основа осталась практически без внимания исследователей. И это при том, что тексты Платонова отличает почти публицистическая насыщенность фактами реальной жизни. Третья черта платоновской прозы, на которой отчасти и основан ее символизм, тоже неоднократно называлась: опора писателя на философский (точнее, литературный в широком смысле) контекст. Вот как об этом пишет М. Золотоносов, делая особый акцент на реализме Платонова: «Философский контекст естественно сопрягается в произведениях Платонова с современным ему политическим контекстом. Собственно говоря, попытка философского осмысления политических реалий 20-х годов и создает своеобразие платоновских художественных текстов <…>: с помощью философии как универсального знания писатель пытался объяснить (или скомпрометировать) конкретную политическую реальность, обступавшую его со всех сторон и чрезвычайно интересовавшую его. Отсюда наложение политического и философского контекстов <…>; отсюда же необычайное внимание и почти исчерпывающее знание социально-политической и идеологической повседневности <… >. Проза Платонова реалистична, можно сказать, изощренно реалистична»[3]. Синтез трех этих черт — реальной основы образов, их философского подтекста и символического смысла — и создает феномен прозы Платонова. Данная особенность в сочетании с оригинальностью платоновской оценки происходящего делает «Котлован» не только одним из самых необычных произведений русской литературы XX века, но и одним из самых сложных и «непрочитанных».

Своеобразная поэтика, обилие реалий времени, непонятных современному читателю, очень непростой философский контекст, но главное — то особое место, которое занимает Андрей Платонов в русской культуре XX века и современном осмыслении нашей истории, приводят к мысли о необходимости подробного комментария к платоновской повести. Потребность в таком комментарии вызвана еще и тем обстоятельством, что «Котлован» входит не только в вузовскую, но и школьную программу по литературе.

При составлении комментария мы опирались на манеру Платонова сопрягать современную реальность с тем, что можно назвать «культурным контекстом»: мифологическими, философскими, религиозными идеями, а также собственным ранним творчеством. Поэтому рассмотрели следующие мини-

сюжеты «Котлована» сначала на фоне событий общественно-политической жизни страны, а затем — в ретроспективе культуры:

Главный герой повести Вощев: его увольнение с предприятия и поиски истины.

«Другой город», в который приходит Вощев в поисках истины и нового места работы; артель строителей, к которой он присоединяется.

Основной строительный объект этого города — башня «общепролетарского дома»: разные стадии ее строительства; девочка Настя и ее мать, связь Насти с «общепролетарским домом».

Деревня и коллективизация.

Вощев: собирание «вещественных остатков потерянных людей».

Даже при таком схематичном воспроизведении содержания «Котлована» бросается в глаза иносказательность и «литературность» его сюжета и образов. Более неожиданным становится то, что повесть полностью вписывается в социально-политическую повседневность 1929–1930 гг. При этом и ее название, и композиция имеют свои объяснения и параллели как в современной Платонову действительности, так и в значимых для него по каким-то причинам произведениях культуры.

В процессе работы над рукописью повести Платонов значительно сократил ее текст. Однако некоторые из таких исключенных фрагментов дают представление об общей атмосфере, в которой создавался «Котлован», и проливают свет на наиболее спорные вопросы его проблематики. Их мы тоже включили в наш анализ и прокомментировали. Динамическая транскрипция рукописи «Котлована» опубликована в сборнике материалов его творческой истории, изданных Пушкинским Домом: Андрей Платонов. «Котлован»: Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. Текст повести цитируется по этому изданию.

Глава 1. События общественно-политической жизни страны, получившие отражение в «Котловане»: Город и деревня

Первое, что производит впечатление на всякого читателя «Котлована», — это заглавный образ. Он настораживает и вызывает тревожные предчувствия. Современный читатель может не знать, что котлован был распространенным в первую пятилетку строительным объектом, а знаменитая повесть Платонова названа по аналогии с популярным в конце 1920-х — начале 1930-х годов индустриальным романом: «Доменная печь» (1925) Н. Ляшко, «Домна» (1925) П. Ярового, «Стройка» (1925) А. Пучкова, «Цемент» (1925) Ф. Гладкова, «Лесозавод» (1927) А. Караваевой, «Бруски» (1928–1932) Ф. Панферова и др. Многие из этих названий не лишены метафорической переносности или даже, как писали в учебниках советской литературы, символического подтекста. Например, гладковский цемент — это не только продукция завода, но и «рабочий класс, скрепляющий трудовые народные массы и становящийся фундаментом новой жизни»[4]. Платонов не отступает от литературного шаблона: котлован в качестве производственного объекта, на котором происходит действие, выносится в заглавие. И точно так же, как у современных Платонову советских писателей, этот образ несет дополнительную смысловую нагрузку. Его символический подтекст опирается на ассоциации, подкрепляемые сюжетом, — яма и могила. Такое восприятие заглавного образа признают практически все. Вот, например, как пишет об этом А. Павловский: «Образ Котлована как углубляющейся Могилы является одним из символов этой горькой, пророческой и, к несчастью, оправдавшейся мысли художника»[5]. Так обычный строительный объект первой пятилетки становится символом исторического тупика, а повесть А. Платонова вписывается в современную ему литературу.

Кроме названия удивляет и композиция «Котлована»: повесть как бы распадается на две приблизительно равные по объему части, одна из которых посвящена городу, а другая — деревне. Такую кажущуюся самостоятельность частей некоторые современные критики даже посчитали признаком незавершенности повести и отсутствия у автора единого замысла. Но дело в том, что именно так («Город и деревня») назывался один из разделов речи Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., которая стала толчком к

событиям, изображенным в «Котловане». Эта речь Сталина под названием «К вопросам аграрной политики в СССР» была посвящена в основном проблеме «уничтожения противоположности между городом и деревней» и их «смычке» в условиях набирающей темп индустриализации. «Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства», — говорит Сталин и предлагает через коллективизацию (т. е. ликвидацию мелких единоличных хозяйств и их укрупнение) сделать сельское хозяйство способным к такому же «расширенному воспроизводству». Сталин это называет: повернуть крестьян «лицом к городу» и уничтожить «противоположность между городом и деревней»[6]. Вокруг этих полюсов социальной жизни 1929–1930 гг. — «город и деревня» — вращается и публицистика. Сюжет платоновской повести является в какой-то степени ответом Платонова на тезисы сталинской речи: принцип, по которому увеличивается количество трупов в «Котловане», тоже можно назвать «расширенным воспроизводством»; на котлован в финале повести Вощев приводит и «колхоз», осуществляя своего рода «смычку» города и деревни — противоположность между городом и деревней ликвидирована, теперь у всех одна судьба.

Название и композиция «Котлована» обнаруживают ориентацию Платонова на идеологическую ситуацию в стране и диалог с современностью. Еще больше об этом свидетельствуют необычный сюжет и странные образы повести, «строительным материалом» которых М. Золотоносов уверенно называет исчерпывающее знание Платонова «социально-политической и идеологической повседневности». Это действительно так: все (все!) действия героев «Котлована», все коллизии повести мотивированы в первую очередь реальной жизнью советского общества, которую Платонов знал в совершенстве и «слышал» до полутонов.

В город, где планируется строительство «общепролетарского дома», приходит главный герой повести Вощев. И «сердечная озабоченность» героя (он ищет смысл жизни и истину), которая-то и привела его в город; и странная деятельность Вощева (собирает в мешок «вещественные останки» и всякую мелочь) в гораздо большей степени, чем принято считать, связаны с внутрипартийной борьбой, политическими кампаниями и бытом 1929–1930 гг. В городе Вощев встречает строителей будущего дома. Строители дома, как верно подметил А. Харитонов, — это не случайный набор лиц, а собирательный «образ исторического развития России в 1929–1930 годах», «социально-психологическая

панорама советского общества „года великого перелома“. <…> Все классы, все сословия, все типы представлены здесь. Все — в котловане»[7]. Поэтому образ котлована — это не только разоблачение социалистических идеалов и планов первой пятилетки, но и модель советского общества. Среди строителей дома появляется и девочка Настя — один из основных символов платоновской повести. Знание фактического положения дел в стране помогает понять функции и этого образа. Итак, посмотрим на городскую часть сюжета и на тот реальный контекст, в котором она создавалась, сначала — в самом общем плане.

1929–1930 гг. в общественно-политической жизни страны характеризуются следующими событиями (назовем только те из них, которые имеют отношение к «Котловану»), В ноябре 1929 г. закончился первый год первой пятилетки, названный Сталиным в одноименной статье «годом великого перелома». В основе пятилетнего плана народного хозяйства СССР, принятого XVI партконференцией (апрель 1929 г.), — сталинские (как известно, заимствованные у Троцкого, да еще «с превышением») проекты сверхиндустриализации страны, «*ускоренный темп*[8] развития средств производства» и «решительный перелом в области производительности труда»[9]. Курс на индустриализацию страны сам Сталин в борьбе с Бухариным назвал «генеральной линией партии», пополнив ее и курсом на коллективизацию сельского хозяйства. Таким образом, «генеральной линией партии» назывался «решительный курс на индустриализацию страны и социалистическое переустройство деревни». В противоположность «генеральной линии партии» существовала еще «линия группы т. Бухарина», которую Сталин называет «линией *правого* уклона».

В идеологическом плане жизнь страны в это время подчинена борьбе Сталина с Бухариным, теоретические проблемы которой получили освещение в работах Сталина «О правой опасности в ВКП(б)» (1928) и «О правом уклоне в ВКП(б)» (1929). Разногласия между двумя политическими лидерами касались приоритетов в развитии промышленности (первоочередную задачу промышленности Бухарин видел в ликвидации товарного голода; Сталин настаивал на необходимости максимальных капиталовложений в тяжелую промышленность), плана реконструкции сельского хозяйства (Бухарин предлагал поддерживать индивидуальное крестьянское хозяйство; Сталин — создавать колхозы). Но главным пунктом их разногласий стал вопрос о темпах индустриализации: Бухарин считал взятые темпы не только чрезмерными, но и губительными, так как они не могут

быть обеспечены имеющимися сырьевыми и денежными резервами и строительными материалами; Сталин же требовал все большего и большего увеличения темпов развития индустрии. Другое разногласие между Сталиным и группой Бухарина касалось вопроса о классовой борьбе: Бухарин говорил о «затухании классовой борьбы при диктатуре пролетариата», а Сталин, как известно, — об «обострении классовой борьбы» и «усилении сопротивления капиталистических элементов города и деревни» в «ходе успешного наступления социализма». В связи с проблемой сопротивления «элементов капитализма» особую значимость приобретает и вопрос о «врагах пролетариата» — «советской» буржуазии: кулаках, нэпманах и старой буржуазной интеллигенции, которых Сталин называет «умирающими классами», не желающими «добровольно уходить со сцены». Статья «О правом уклоне в ВКП(б)» была написана после «шахтинского дела» (1928 г., обвинение 53 специалистов угольной промышленности в сознательном причинении вреда молодой советской экономике, а после непризнания ими своей вины — расстрел всех участников этого первого большого политического процесса), поэтому Сталин говорит и о такой работе «классовых врагов», как «вредительство». Проблема «вредительства» с этого времени прочно входит в идеологию, а борьба с ним — в практику сталинской внутренней политики. Одним из ее внутренних рычагов вновь становится лозунг «чистки партии» и «очищения» партии и советского госаппарата от враждебно настроенных и чуждых элементов. Борьба с внутренними врагами постепенно набирает силу.

В ноябре 1929 г. «правая опасность» объявляется главной — ЦК выводит Бухарина из Политбюро (до того, в апреле 1929 г., сняв его с поста главного редактора «Правды»). Другой представитель «правого уклона», руководитель профсоюзов М. П. Томский, в апреле 1929 г. тоже снят с поста председателя ВЦСПС. К этому времени уже покончено и с основным представителем «левой» опасности — в начале 1929 г. Л. Троцкий выслан из страны.

Ноябрьский пленум ВКП(б) 1929 г. не только победно рапортует о выполнении с превышением плана первого года «первой пятилетки по строительству социализма», но и намечает расширение планов на второй год пятилетки и увеличение темпов — в соответствии с «генеральной линией партии». Внутри «генеральной линии» безусловно приоритетным был курс на ускоренную индустриализацию и соответственно на развитие города, который ее осуществлял. Жизнь города проходит под лозунгом: «догнать и перегнать» в техническом отношении

капиталистические страны. Со страниц газет и журналов, из рупоров громкоговорителей, с заводских плакатов рабочих призывают к энтузиазму на трудовом фронте, к развертыванию творческой инициативы, к повышению производительности труда, к соцсоревнованию и ударничеству.

Однако с трудовым энтузиазмом и производительностью труда не у всех и не все обстоит благополучно. Из-за плохих условий работы, низкой зарплаты и глубокого равнодушия к проводимой политике многие рабочие нередко переходят с одного предприятия на другое («летуны»), не выполняют плана, опаздывают или вовсе не являются на работу (прогульщики и лодыри). В порядке «самокритики» пресса такие факты (весьма многочисленные) тоже освещает[10]. Злостных нарушителей трудовой дисциплины увольняют, прочих же призывают ударить «по расхлябанности, разгильдяйству, прогулам, лодырничеству, пьянству и вредительству». Появляются такие формы общественного порицания, как «черные доски» (на которых вывешивали фамилии отстающих), «черные кассы» (где выдавали зарплаты «лодырям»), «кладбища прогульщиков» (раздел стенгазеты, где символически «хоронили» не явившихся на работу) и «гробы пятилетки» (урна, в которую «опускали», например, проваленную культработу)[11].

В стране в соответствии с планом индустриализации и социалистического переустройства СССР начинается строительство новых производственных объектов. Для многочисленных запланированных строек требовались люди и средства.

Человеческие ресурсы были сосредоточены в основном в деревне. В связи с постоянным ухудшением ее положения многие крестьяне еще и до начала первой пятилетки шли в город («в отход») на заработки. Работы носили сезонный характер (теплое время года), а сами рабочие назывались «сезонники», или «отходники». В связи с усилением «чрезвычайных мер» против крестьянства в 1928–1929 гг. количество уходящих в город увеличилось, а с началом сплошной коллективизации достигло небывалых размеров. Они-то и составили основную рабочую силу первой пятилетки. Условия жизни таких рабочих в городах, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Общежития (а точнее, бараки) для «отходников» были мало приспособлены для жилья, что видно на снимках, которые публиковали периодические издания. Например, в журнале «Культурная революция» (1929, № 19) помещена фотография «В бараке сезонников»: грязь, количество спальных мест в комнате равно не одному десятку.

Часть денег на проведение индустриализации руководство

страны принудительно изымало у населения под видом «займов». Другой способ, с помощью которого власть (как объявлялось) надеялась эти средства получить, — это сбор утильсырья. Утиль собирали и раньше, но в 1930 г. его объявляют чуть ли ни средством спасения страны. В первых числах января 1930 г. начинается «месячник по сбору утиля»[12]. Однако в январе кампания по сбору утильсырья не заканчивается[13]. И февральские, и мартовские, и апрельские номера периодических изданий еще пестрят названиями: «Миллионы на помойках и свалках»; пояснениями: «Речь идет об утилизации отходов и отбросов промышленности, сельского хозяйства, домашних многомиллионных хозяйств, что даст дополнительные валютные средства для индустриализации»; и призывами: «Собирайте утильсырье и сдавайте его на склады Госторга!»[14].

Неизменной спутницей советской действительности была проблема бюрократизма, не сходящая со страниц периодических изданий. Борьба с бюрократизмом никогда не прекращалась и всегда носила дополнительную политическую окраску. В это время по призыву партии страна борется с бюрократизмом в госаппарате. Официальная версия причин бюрократизма состоит в том, что этот аппарат-де достался советскому государству в наследство от капитализма, в нем работают старые чиновники, пропитанные духом бюрократизма. Борьба с бюрократизмом стоит и в повестке XVI партконференции (апрель 1929 г.), которая предлагает два пути решения проблемы, один из которых — «чистка» и проверка всех членов и кандидатов в члены ВКП(б), всех наркоматов, органов управления, предприятий и пр. 1929 и 1930 гг. — проходят под знаком «очищения» партии, всех советских организаций и учреждений от некоммунистических и чуждых элементов. О множестве сломанных судеб говорят неофициальные документы этого времени (жалобы, протесты, письма во власть): людей выгоняли с работы, из учебных заведений; выселяли из квартир; лишали продовольственных карточек, оставляли без куска хлеба и средств к существованию. Партконференция назвала и другой путь борьбы с бюрократизмом — это создание новых кадров рабоче-крестьянских специалистов.

Кадры, таким образом, оказываются в повестке дня. Но вопрос о подготовке квалифицированных кадров из чисто технического становится идеологическим и увязывается с уже начавшимися политическими процессами над технической интеллигенцией (1928 г. — «Шахтинское дело»). Необходимость обучения и воспитания новых кадров руководство страны объясняет не только бюрократизмом в среде старых специалистов, но и вредительством со стороны дореволюционной

интеллигенции. Поддерживая версию об «обострении классовой борьбы» и росте «сопротивления капиталистических сил города и деревни» по мере успехов социалистического строительства, власть постепенно берет разгон в проведении репрессий. Документы этого времени говорят об арестах (еще не массовых, но уже и не единичных) граждан по самым незначительным поводам.

Подготавливая почву к «сплошной коллективизации», ноябрьский пленум 1929 г. рапортует и об успехах в сельском хозяйстве, где, согласно резолюции пленума, меры по организации бедноты, повышению удельного веса обобществленного сектора и пр. якобы «обеспечили благоприятный ход хлебозаготовок, значительно превышающий результаты прошлых лет и позволяющий уже в текущем году создать резерв до 100 млн пудов хлеба»[15]. Тот же оптимизм демонстрирует и Сталин в статье «Год великого перелома» (7 ноября 1929 г.): «Мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса. <…> Наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»[16]. Однако в действительности положение дел в стране и с хлебом, и с другим продовольствием отличалось от официальной версии. Большая часть населения голодала. В 1929 г. введены хлебные карточки, а все основные продукты (которых к тому же в продаже не было) отпускались по «заборным» книжкам; при этом и карточки, и книжки имели далеко не все категории граждан.

В августе 1929 г. состоялся Первый Всесоюзный слет пионеров, который вызвал много публикаций на темы нового поколения, заботы о детях при социализме, образования и воспитания детей. Но в центре внимания были исключительно дети рабочих, батраков и бедноты. О судьбе детей из «классово чуждой» среды пресса не сообщала ничего. Однако неофициальные документы свидетельствуют о сломанных судьбах и физической гибели многих таких детей.

На этом фоне разворачивается действие городской части «Котлована».

Вощев: «Я хочу истину для производительности труда»

«Котлован» начинается с рассказа об увольнении Вощева. Увольнение, несмотря на нехватку рабочих рук, — типичная для первой пятилетки ситуация. «Нарушение трудовой дисциплины» — основная причина увольнения. Случаев «расхлябанности и разгильдяйства» на предприятиях было много, а еще больше —

глубокого равнодушия к производству и всему социалистическому строительству. Вопреки сложившемуся представлению о всеобщем трудовом энтузиазме начала 30-х годов дисциплина — серьезная проблема первой пятилетки. «Ослабление трудовой дисциплины» называют «одной из главных причин, задерживающих рост промышленности и всего хозяйства», а борьбу за ее укрепление — основной задачей профорганизаций[17]. Однако профсоюзы, судя по всему, не проявляли должного внимания к вопросам трудовой дисциплины. Это реальное безразличие к социалистическому строительству идеологи страны квалифицируют как проявление «хвостизма» (т. е. жизнь требует повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины, а профсоюзы, которые этого не учитывают, оказываются «в хвосте требований жизни» и масс). Обвинение профсоюзов в «хвостизме» за равнодушие к нарушениям дисциплины — одно из нареканий в адрес этих органов. Руководство страны призывает профсоюзы укреплять трудовую дисциплину двумя способами: во-первых, «путем культурно-просветительной работы», т. е. разъясняя влияние трудовой дисциплины на производительность труда; во-вторых, «путем репрессивных мер», т. е. увольнения. Вощева, который тоже нарушил трудовую дисциплину («стоял и думал среди производства»), уволили: завком его «механического завода», в соответствии с требованиями жизни и партии («Мы не желаем очутиться в хвосте масс»), проявил внимание к вопросам трудовой дисциплины, но предпочел «репрессивную меру». На что Вощев резонно замечает: «Вы боитесь быть в хвосте <…> и сели на шею» (23).

Пикантность увольнения Вощева заключается прежде всего в том, что он думал как раз о повышении производительности труда («О чем ты думал, товарищ Вощев? <…> Я мог выдумать что-нибудь, вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность»). Причем думал тоже не случайно, а откликнувшись на призыв партии, обращенный к рабочим массам и к их профессиональным союзам: к рабочим — сознательно участвовать в деле социалистического строительства, а к профсоюзам — повернуться «лицом к производству» (с осени 1929 г. это был новый «лозунг» профсоюзной работы). Данная ситуация требует комментария и воспроизведения определенного социально-политического контекста конца 1929 — начала 1930 г., связанного с ситуацией вокруг профсоюзов и их руководства.

В апреле 1929 г., как мы уже писали, с должности председателя ВЦСПС был снят М. П. Томский. Шел первый год первой пятилетки. По официальной версии, страна успешно

выполняла план, увеличивая темпы развития индустрии, а реально жила в ситуации «прорывов» на многих участках социалистического строительства, низкой трудовой дисциплины на предприятиях и равнодушия рабочих к проводимой политике. После снятия Томского все промахи в организации производственного процесса списали на недостатки в работе «старого профсоюзного руководства» (среди которых был и «хвостизм» в вопросах трудовой дисциплины) и несоответствие «старых форм и методов» профсоюзной работы возросшим требованиям жизни[18]. Об этом говорит и Сталин в речи «О правом уклоне в ВКП(б)» на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б):

«Мы говорим, что классовые сдвиги в нашей стране диктуют нам новые задачи, требующие систематического снижения себестоимости и укрепления трудовой дисциплины на предприятиях, что проведение этих задач невозможно без коренной перемены всей практики в работе профессиональных союзов. Ат. Томский нам отвечает, что все это — пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает „прорабатывать“ его, т. е. т. Томского»[19].

Последующий период в истории страны проходит под знаком критики деятельности этого «старого руководства» и выработки новой тактики профсоюзов по отношению к «рабочей массе» и производственному процессу. Состоявшийся после отставки Томского II пленум ВЦСПС принимает решение о необходимости изменения «темпов работы профсоюзов» и пересмотра «форм и методов» их деятельности[20]. 6 сентября 1929 г. «Правда» публикует письмо ВЦСПС «За поворот профсоюзов лицом к производству. За решительную перестройку форм и методов работы профсоюзов. Ко всем профорганизациям, ко всем членам профсоюзов, ко всем работникам и работницам». «Письмо» профсоюзного руководства в очередной раз называет ошибки в прежней работе профсоюзов: «непонимание новой эпохи, <…> медлительность темпа <…>, бюрократизм и отрыв от масс, крохоборчество и неумение увязать защиту повседневных интересов и нужд рабочих <…> с задачей дальнейшего подъема и социалистического переустройства всего нашего хозяйства». Новую задачу профсоюзов его руководство формулирует так: «Перестройка всех форм и методов работы профорганизаций <…> заключается прежде всего в том, чтобы поставить профсоюзы и все их органы сверху донизу лицом к производству». ВЦСПС предлагает своим организациям быть внимательнее к «творческой, бьющей ключом инициативе масс», к предложениям

рабочих и направлять их на конкретное дело, на подъем производства. ВЦСПС продолжает развивать свою «новую» установку: «Нужна решительная борьба с бюрократическим отрывом от масс со стороны профсоюзных органов, профсоюзных работников». Отныне два этих призыва («Лицом к производству» и «Ближе к массам») считаются основными лозунгами перестройки профсоюзной работы. Они наполняют периодические издания, с их позиций критикуют текущую работу профсоюзных деятелей.

Однако по публикациям в периодической печати видно, что для профсоюзных организаций требование перестройки и новизны в работе было очень сложным. Рекомендации III Пленума ВЦСПС (ноябрь 1929 г.) по поводу перестройки профсоюзов не отличались ясностью: «Эту перестройку нельзя подменить изменением форм и методов работы. И в культработе, как во всех областях профработы, речь идет об изменении *содержания* профработы: лицом к производству, ближе к массам»[21]. Задача была не из простых, и никто не знал, что делать, чтобы наполнить профсоюзную работу новым содержанием и при этом повернуться «лицом к производству» и стать «ближе к массам», тем более что действительной новизны в этих «лозунгах» не было.

На «новые лозунги профсоюзной работы» откликнулись два персонажа «Котлована», каждый по-своему: Вощев и председатель окрпрофбюро Пашкин.

У профсоюзного лидера Пашкина готовность отвечать на призыв партии повернуться «лицом к производству» проявилась следующим образом: «Близ начатого котлована Пашкин постоял лицом к земле как ко всякому производству» (34). О том, как Пашкин выполнял другой лозунг профсоюзной работы — «ближе к массам» — будет сказано ниже.

А вот поворот Вощева «лицом к производству» был действительно новым — его идея состояла в том, что изменить отношение людей к труду можно только одним способом: наполнив их жизнь высшим смыслом. В размышлениях Вощева появляется слово «истина». «Я хочу истину для производительности труда», — говорит он. Тему истины исследователи платоновского творчества называют основной в «Котловане». Но она связана уже с философской проблематикой повести, поэтому к вопросу об истине мы обратимся в следующей главе. Уволенный Вощев отправляется в «иной» город — искать работу и тот высший смысл, который дал бы потерявшему жизненный интерес человеку стимул к труду и повысил его производительность.

То, что произошло с главным героем в этом «другом городе»,

при работе сначала с рукописью, а потом с машинописью Платонов значительно сократил. В результате действие повести развивается так: озабоченный поисками истины Вощев попадает на стройку, где рабочие ему объясняют, что истину выдумать нельзя, до нее можно только доработаться (данное убеждение рабочих было основано, видимо, на положении марксистско-ленинской философии о практике как критерии истины). Поэтому Вощев решает больше не «выдумывать» и не вспоминать истину, а в качестве землекопа познать ее на практике. Подобное развитие сюжета стало возможным после исключения Платоновым большого фрагмента текста, согласно которому Вощев сначала устроился на котлован в качестве профсоюзного культработника. Правка и сокращение в процессе работы ранее написанного — дело для Платонова совершенно обычное. Сам замысел произведения часто рождается прямо под пером писателя. Не всегда Платонов находит ему сразу нужные формы. Он вычеркивает длинные монологи и отдельные эпизоды, с которыми уходят и их участники; корректирует действия оставшихся персонажей. Изменениям подвергается и дописанный до конца текст. Платонов убирает из него все с его точки зрения лишнее. Мотивы, которыми он при этом руководствуется, могут быть разными и не всегда понятными стороннему взгляду. В «Котловане» значительная часть правки пришлась на начало повести, откуда Платонов исключил целые сюжеты, в том числе историю общения Вощева с профуполномоченным и устройства его профсоюзным культработником на стройку. В результате сокращения, о котором сейчас пойдет речь, социально-политические мотивы поведения героя отступают на второй план, на первый же план выходит философская проблематика, к чему, видимо, и стремился Платонов. Однако этот исключенный Платоновым фрагмент дает представление об общей атмосфере, в которой создавался «Котлован», помогает понять многие оставшиеся в повести детали реального контекста, а для современного читателя не лишен исторического интереса и любопытен. Поэтому кратко воспроизведем и прокомментируем его содержание.

Пришедший в «новый город» и ищущий работу Вощев встречает «профуполномоченного», который его «вербует» на строительство «общего дома» (вербовка — основной способ найма сезонных строительных рабочих в это время; профуполномоченный — освобожденный профсоюзный работник на стройке). Вощев признается, что «стукать ничего не может», но зато может выдумать смысл жизни. Профуполномоченный, отвечающий не только за наличие рабочей силы, но и за

повышение производительности труда, живо откликается на предложение Вощева: «А может твой смысл повлиять на выработку труда?» (182). После утвердительного ответа профуполномоченный обещает Вощеву «поговорить в окрпрофбюро насчет необходимости истины для трудящихся, ведь истина, действительно, укрепляет ум и повышает производительность человека» (183). По его совету «Вощев написал заявление в культотдел окрпрофбюро. <…> Вощев просил для себя предоставления труда по отысканию истины путем постоянной мысли» (183). Он преисполнен сознанием ответственности и обещает: «Я устрою человека». Далее Платонов объясняет, почему «заявление Вощева не имело отказа»: «Окрпрофбюро того города <…> заботила культурная скудость тружеников; культработники мучились над улучшением классовой сущности пролетариата, и в такое время было получено заявление Вощева. Уже то, что вопрос о необходимости смысла жизни ставился безработным трудящимся, — было учтено как признак повысившегося культурного уровня. <…> „Мы должны поддерживать всяческие начинания масс“, — сказал заведующий культотделом» (183).

«Культурная скудость тружеников» — действительная проблема руководства страны, постоянно обсуждаемая на страницах периодической печати. То «улучшение культурной сущности пролетариата», которое было доступно культработникам, ограничивалось в основном развитием «физкультурного движения»: «Сейчас, когда все виды культурной переделки рабочих масс приобретают особое значение, вопрос о физкультурном движении ставится по-новому»[22], — пишет журнал «Культурная революция». На физкультуру возлагались большие надежды: оздоровляет труд и быт рабочих, положительно влияет на производительность труда и т. д. и т. п. (в «Котловане» ослабевшему Козлову рабочие тоже советуют «записаться в физкультуру»). Кроме физкультуры рекомендовались и другие способы «вызвать интерес к производству»: конкурсы, беседы на открытом воздухе, соревнования, «переклички», экскурсии, стенгазета, живгазета, радио[23] и др. Но все это «старые формы» профработы с массами, а партия, как мы показали выше, настойчиво требовала новых. Принимая предложение Вощева, культработники «того города» действуют не по собственной инициативе, а строго в согласии с требованиями вышестоящих организаций поддерживать «культурное движение масс»[24], их «культурный рост» и «подъем классовой сознательности»[25]; пересмотреть «содержание культурной работы»[26]; привлекать «к практической работе

добровольцев из числа рабочих, интересующихся культработой»[27] и т. п. Готовность культработников поддерживать инициативу Вощева объясняется прежде всего тем, что он-то как раз предлагает внести в культработу «новое содержание».

Зачисленному на культработу Вощеву «дали шестой разряд» и «положили жалованье по 38 рублей в месяц» (184). Эту деталь можно тоже прокомментировать, хотя она и не связана напрямую с содержанием платоновской повести. Прежде всего отметим, что работу Вощева «по отысканию истины» культработники оценили очень низко. Обещанные 38 рублей относили героя к разряду «низкооплачиваемых категорий»: в середине 1929 г. средняя заработная плата по союзу строителей, к которому Вощев теперь принадлежал, составляла 130 руб. 97 коп., при средней заработной плате рабочих 68 руб. 48 коп., административно-технического персонала — 231 руб. 87 коп. и младшего обслуживающего персонала — 45 руб. 71 коп.[28]

В этом эпизоде есть еще одна любопытная деталь — Платонов пишет, что положенные Вощеву 38 рублей соответствовали шестому разряду тарифной сетки. По этому поводу отметим следующее. До конца 1929 г. для оплаты труда рабочих применялась 17-разрядная тарифная сетка. В октябре 1929 г. прошло Всесоюзное тарифное совещание, наметившее реформу тарифной системы, которая началась в конце 1929 г. и должна была завершиться в 1930 г. Суть реформы состояла в упразднении части разрядов, не применявшихся при оплате труда рабочих. Вводимая с конца 1920 г. тарифная сетка была 7-разрядная, и 6-му разряду в ней по союзу строительных рабочих соответствовало, в зависимости от района, 60–65 рублей, а не 38, как у Вощева[29]. Следовательно, Вощев получает разряд по старой системе. И хотя реформу провели, видимо, не в одночасье (среди объявлений о поисках работы, публикуемых периодическими изданиями, в первой половине 1930 г. можно встретить предложения от рабочих 8-го и 9-го разрядов), однако данная деталь должна свидетельствовать о том, что действие повести происходит достаточно близко к началу 1930 г. Знание последних обстоятельств, связанных с оплатой труда главного героя платоновской повести, конечно, мало отражается на понимании основного ее содержания, но дает представление о расслоении советского общества 1929–1930 гг., пренебрежительном, вопреки лицемерным заявлениям, отношении к труду рабочих и в особенности к вопросам культуры.

«Другой город»: строители «общепролетарского дома»

Уволенный с «механического завода» Вощев на поиски работы отправляется в «другой город». Случаи перехода рабочих с одного предприятия на другое или даже переезда в другой город (по своей ли воле — из-за плохих условий труда, по причине ли увольнения — из-за равнодушия к производству, как в случае с Вощевым) типичны для первой пятилетки: текучесть кадров была большая, а рабочие руки требовались везде — страна строилась. Пресса в это время полна рассказов о строительстве бурными темпами новых заводов, фабрик, электростанций, железных дорог. На фоне расширяющегося производственного строительства и рассказов о нем в стране растет, крепнет, а иногда и практически воплощается идея качественно нового жилья для рабочих, проходят конкурсы проектов социалистических городов и домов будущего. Тот «другой город», в который приходит главный герой в поисках работы, тоже своего рода Город будущего: в нем должен быть построен «единый общепролетарский дом», который станет для обитателей надежным спасением «от непогоды и невзгод» и куда войдут на «вечное, счастливое поселение» все жители старого города. К артели строителей, которая строит этот «общий дом пролетариату», и присоединяется Вощев. Однако эта типичная жизненная ситуация в повести Платонова далека от бытовой.

В мировосприятии советского человека рубежа 1920–1930-х годов простые понятия «город», «дом», «строители» наполняются особым смыслом. Что касается города, то именно он дает образ мечте о будущей счастливой жизни: планируют Города будущего. Кроме того, в условиях сталинской пропаганды «город» противопоставляется «деревне» и становится одним из двух пунктов «построения социализма», в котором городу отводится ведущая роль. Слова же «дом» и «строители» приобретают дополнительное метафорическое значение: сталинская фразеология опирается на «строительную» терминологию. Строительство социализма, к которому страна приступит с началом новой пятилетки, в официальной пропаганде будет прочно ассоциироваться с возведением дома, а существительное «строители» войдет в устойчивый оборот «строители социализма». В художественном языке Платонова образы-понятия «город», «дом», «строители» аккумулируют все оттенки значений, свойственных эпохе. С проблематикой «города» в большей степени связана башня «обшепролетарского» дома. Мы же обратимся сначала к ее строителям.

Выше мы приводили точку зрения А. Харитонова о том, что

персонажи «Котлована» подчинены определенной задаче — показать советское общество во всем его своеобразии. По мнению исследователя, в характеристике платоновских героев преобладает тенденция к универсализации, они «выстраиваются в единую систему и становятся — вместе с выражаемыми ими мнениями, взглядами, позициями — гранями одного целого, которое в первую очередь наиболее сильно и ярко воспринимается читателем». Это «целое» и есть модель советского общества. С советским обществом частично отождествлялось понятие «строители социализма». Их-то и представляют в «Котловане» Чиклин, Сафронов, Козлов, Пашкин и Жачев (роль Прушевского, как идеолога всего строительства, особая). Об этих героях много писали, в основном с точки зрения поэтики имен. Но до конца «артель строителей» как единое целое и объект горькой авторской иронии воспринимается только на фоне повседневности 1929–1930 гг. Посмотрим, что, с точки зрения Платонова, представлял «отряд строителей социализма» в период великого перелома. В социально-политическом контексте времени рассмотрим личные качества героев, их высказывания и особенности бытового поведения, а также документы, на которые они ссылаются. Такое исследование не только помогает лучше понять детали содержания повести и общую атмосферу, в которой она создавалась, но и дает материал для датировки «Котлована».

Землекоп Чиклин — это основная «рабочая лошадь» первой пятилетки. На такую роль Чиклина в строительстве «общепролетарского дома» указывает прежде всего его фамилия (по наблюдению А. Харитонова, происходит от диалектного глагола «чикать» — бить). Чиклин «из пролетариата», плоть от плоти революции и, следовательно, «нынешний царь», как иронично замечает сторож с кафельного завода. Однако социальное преимущество никак не сказалось на положении Чиклина: «со времен покорения буржуазии» Чиклин имел один желто-тифозного цвета пиджак. Все время Чиклин проводил в работе, он «либо бил балдой, либо рыл лопатой, а думать не успевал». Последняя характеристика важна — так же бездумно подобные «чиклины» выполняли и приказы сверху.

Чиклин является одним из участников сцены, которая показывает, какими силами выполнялась первая пятилетка. Приведем эту сцену.

Первый рабочий день Вощева на котловане заканчивается приказом Прушевского кончать работу:

«— В понедельник будет еще сорок человек. А сегодня — суббота: вам уже пора кончать.

— Как так кончать? — спросил Чиклин. — Мы еще куб или

полтора выбросим, раньше кончать не к чему.

— А надо кончать, — возразил производитель работ. — Вы уже работаете больше шести часов, и есть закон» (30).

Закон, на который ссылается Прушевский, — это «Постановление Народного комиссариата труда СССР от 27 февраля 1930 г. № 74», опубликованное в газете «Известия» 28 февраля 1930 г.: «О недопустимости удлинения рабочего дня и неиспользовании выходных дней». Хотя ст. 103 КЗОТа тоже запрещала сверхурочные работы, однако в первую пятилетку со сплошными «прорывами» в экономике на это никто не обращал внимания, поэтому и потребовалось дополнительное постановление, напоминающее «о недопустимости удлинения рабочего дня»:

«В настоящее время имеют место факты, когда по предложению администрации предприятий и местных организаций, по инициативе отдельных групп рабочих на предприятиях выносятся постановления о добровольном удлинении рабочего дня или об отказе от использования выходных дней, в целях успешного проведения социалистического соревнования, ликвидации обнаружившихся прорывов по выполнению промфинпланов» и т. д.

Упоминание о постановлении от 27 февраля 1930 г. на одной из первых страниц «Котлована» может быть свидетельством того, что Платонов приступил к работе над повестью не раньше весны 1930 г.

Социалист Сафронов — другой яркий представитель советского общества. Если «чиклины» были движущей силой первых пятилеток, то такие, как Сафронов, служили идейной опорой режима. В характеристике героя Платонов подчеркивает его убежденность в правоте проводимой политики и верность «генеральной линии». Сафронов — типичный выразитель официальной идеологии; он даже назван «вождем ликбеза и просвещения» в пародийную параллель титулу Сталина «вождь всего прогрессивного человечества».

Сафронов поддерживает Сталина и в вопросе о классовой борьбе — одном из пунктов полемики вождя с Бухариным и так называемыми «правыми». Эта полемика получила отражение в речи Сталина на апрельском Пленуме 1929 г. «О правом уклоне в ВКП(б)». Сталин осуждает «немарксистский подход т. Бухарина к вопросу о классовой борьбе в нашей стране»[30], который состоит в том, что «тов. Бухарин думает, что при диктатуре пролетариата классовая борьба должна *погаснуть*». В идеологической борьбе со своими противниками Сталин всегда прибегает к помощи Ленина: «Уничтожение классов *путем ожесточения классовой*

борьбы пролетариата, — такова формула Ленина. Уничтожение классов *путем потухания классовой борьбы и врастания капиталистов в социализм*, — такова формула т. Бухарина». Сталин неоднократно возвращается к «ошибке т. Бухарина», которая «состоит в неправильном, в немарксистском подходе к вопросу об обострении классовой борьбы». Таким образом, в общественном сознании точка зрения Бухарина на классовую борьбу при социализме закрепляется в формуле «затухание классовой борьбы», а Сталина — в формуле «обострение классовой борьбы». Сафронов обобщает эту полемику в выражении: «жар жизни вокруг костра классовой борьбы» (54). Об этом «костре» Сафронов говорит неоднократно: «Мы уже не чувствует жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где же тогда греться активному персоналу?» (64). Образ горящего костра опирается на центральные понятия в позиции «правых»: «погаснуть» и «потухнуть». Платонов утрирует мысль вождя, который не согласен с тем, что классовая борьба должна «погаснуть»: где же тогда греться активному персоналу?

Характеристике героя как идейного представителя советского общества и опоры режима соответствует и его фамилия, которая, как пишет Харитонов, «происходит от канонического мужского личного имени Софроний, от греческого *sophron* — здравомыслящий, благоразумный». А. Харитонов обратил внимание и на другую деталь характеристики героя через его фамилию: «вместо орфографически точного, т. е. последовательно „здравомыслящего и благоразумного“ написания *Софронов*, она дается в повести как *Сафронов*. Изменена всего одна буква, но этого достаточно, чтобы разрушить искомые „благомыслящим“ героем порядок и совершенство»[31].

Эта деталь важна, она акцентирует ту черту Сафронова, которая подтверждается и его высказываниями: несмотря на свою лояльность режиму, Сафронов в политическом плане малограмотен. Так, например, о «ликвидации кулачества как класса» Сафронов говорит: «мы же, согласно пленума, обязаны их ликвидировать не меньше как класс». Опираясь на эту реплику, исследователи платоновского творчества пытались найти в истории нашей страны такой пленум, который принял решение о «ликвидации кулачества как класса». В этой связи называли то апрельский, то ноябрьский пленумы 1929 г. (что сказалось и на датировке повести — 1929 г.). Однако в данном случае ссылка Сафронова на пленум — лишь устойчивый оборот, речевой штамп как следствие неточности его политических знаний и поверхностности убеждений. Пленума же такого просто не было: впервые политика «ликвидации кулачества как класса» была

провозглашена Сталиным в его речи «К вопросам аграрной политики в СССР» на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.: «От политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике *ликвидации* кулачества как класса». Так Платонов показывает, что идейной опорой сталинского режима были «сафроновы» — «благомыслящие» с изъяном.

Приспособленец Козлов — третий представитель советского общества. Он тоже участвует в общем «строительстве»; и таких, как эта «рвущаяся вперед сволочь», при любом режиме бывает большинство. С образом Козлова, ушедшего с котлована на общественную работу, связанно несколько реалий времени, не только ярко характеризующих этого несимпатичного рабочего, но и дающих материал для датировки повести.

Свое право на уход с тяжелой работы на котловане Козлов мотивирует тем, что «он видит в ночных снах начальника Цустраха товарища Романова и разное общество чисто одетых людей» (48). Данная деталь любопытна в двух отношениях — как показательная для уровня «политической грамотности» Козлова и как корректирующая датировку «Котлована». Дело в том, что товарищ Романов (Романов М. И.) никогда не был начальником Цустраха (Центральное управление социального страхования — орган при Наркомате труда СССР). А был тов. Романов начальником Главсоцстраха (Главное управление социального страхования — орган при Наркомате труда РСФСР). Начальником же Цустраха с марта 1929 г. был Котов В. А.[32] Опубликованные в прессе многочисленные документы по социальному страхованию подписаны то «начальник Главсоцстраха РСФСР тов. Романов», то «начальник Цустраха тов. Котов», а под некоторыми стоят подписи обоих начальников. Так что перепутать их было немудрено, что и сделал Козлов, демонстрируя свою политическую малограмотность (видимо, такая путаница не являлась приоритетом Козлова). Но Козлов не просто перепутал Котова с Романовым, он еще и не уследил за административными перестановками, что в ситуации темпов первой пятилетки тоже было нетрудно, но для будущего идеологического работника не извинительно. Отчеты, циркуляры и пр. Главсоцстраха, которые публикуют газеты «Труд», «Известия», журнал «Социальное страхование», до конца 1929 г. подписаны тов. Романовым. Но в конце 1929 г. и в начале 1930 г. в НКТ РСФСР проходит «чистка», о которой сообщает журнал «Вопросы страхования». В ходе чистки некоторые чиновники смещаются со своих постов («вычищаются»). Видимо, нечто подобное произошло и с тов. Романовым в январе 1930 г.: февральский номер журнала

«Социальное страхование» за 1930 г. в разделе «Как живем, что делаем в Главсоцстрахе РСФСР» сообщает: «Вместо тов. Романова М. И. начальником Главсоцстраха РСФСР назначен зав. фондовым отделом Главсоцстраха тов. Михайлов М. К.». Подпись Романова М. И. на некоторое время исчезает из документов, но в сентябре 1930 г. опять появляется, сначала с такой расшифровкой: «за Народного комиссара труда РСФСР М. Романов», а через некоторое время и «Нарком труда РСФСР М. Романов». Видимо, М. И. Романову удалось «отмазаться». Впрочем, эти события находятся уже за пределами предполагаемого времени работы Платонова над «Котлованом». Таким образом, Козлов не только перепутал начальников (или возглавляемые ими ведомства), но и не был в курсе смещения с поста интересующего его лица, что возможно все-таки только в какое-то обозримое после этого смещения время, т. е. тоже не позднее весны 1930 г.

Прокомментируем и план личного «спасения» с котлована, который возникает у этого типичного советского приспособленца, — современному читателю платоновской повести он, скорее всего, не понятен. Платонов описывает это так: Козлов постепенно понимает, что «строительство» на котловане — совсем не то, о котором заявляет официальная пропаганда обещаниями построить новую жизнь, и совсем не то, на что надеялся Козлов лично для себя. Поэтому-то Козлов решает покинуть «строительство котлована» и найти для себя более подходящее «строительство» — организационное. Его план состоял в следующем — «перейти на инвалидную пенсию, чтобы целиком отдаться наибольшей общественной пользе» (47). Дальше происходит конфликт, который требует комментария. Когда Козлов объявляет остальным строителям, что пойдет в соцстрах «становиться на пенсию» и будет «за всем следить против социально вреда и мелкобуржуазного бунта», возмущенный Жачев бьет этого «летуна» головой в живот, объясняя пытающемуся его остановить Чиклину: «Я хотел, чтоб он первый разряд пенсии получил!» (47). Какую же дополнительную услугу оказал Козлову Жачев? Согласно «Положению о пенсиях и пособиях по социальному страхованию» (Постановление ЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР), утвержденному 13 февраля 1930 г. и опубликованному 19 февраля 1930 г. в газетах «Труд» и «Известия», «право на пенсию по инвалидности имеют лица, работающие по найму, в случае наступления у них инвалидности (стойкой нетрудоспособности)». «Стойкая нетрудоспособность» у работающего по найму Козлова была и раньше. Но даже если бы эту нетрудоспособность вызвала реальная инвалидность,

существенных преимуществ она не давала — на общую инвалидную пенсию можно было «протянуть ноги», если они были. Следовательно, важно не столько «право на пенсию», сколько ее размер. По этому поводу опубликованное 19 февраля 1930 г. «Положение о пенсиях» гласило:

«Инвалиду, который совершенно неспособен к труду и нуждается в постоянном уходе (инвалиду первой группы), пенсия назначается а) в размере его полного заработка от работы по найму, если инвалидность наступила вследствие несчастного случая, связанного с работой по найму».

Инвалид Жачев за публикациями документов по социальному страхованию, видимо, следил и был в курсе всех новостей в этой области, особенно в части пенсий по инвалидности ввиду актуальности для него самого данной проблемы. Жачев-то и обеспечил Козлову необходимый «несчастный случай». Спустя некоторое время Козлов действительно является на котлован уже в новом статусе — он занимается профсоюзной работой и получает пенсию «по 1-й категории». Это значит, что комиссия признала его «неспособным к труду и нуждающимся в постоянном уходе (инвалидом I группы)», а причиной инвалидности — «несчастный случай, связанный с работой по найму», и назначила пенсию в размере его полного заработка. Получать пенсию в размере полного заработка — совсем не то, что жить на обычную инвалидную пенсию. Для сравнения: безногий Жачев — тоже инвалид 1 группы — должен был получать около 20 рублей, если принадлежал к «контингенту империалистической войны»; «контингент гражданской войны» получал рублей на пять больше (до 1930 г. включительно размер пенсии немного различался по областям, только с 1931 г. введены единые нормы выплат; информацию о размере пенсий публикует журнал «Вопросы страхования»[33]), а Козлов как бывший строительный рабочий должен был получать около 70 рублей. Случай, произошедший с Козловым, был, видимо, типичным для этого времени: пресса сообщает о многочисленных недостатках и нарушениях в работе врачебной экспертизы по установлению инвалидности; об отсутствии врачебно-страхового подхода в определении степени утраты трудоспособности; о неудовлетворительном составе врачебно-экспертных комиссий; о многочисленных случаях непризнания инвалидами людей со стойкой утратой трудоспособности, равно как и о попадании в число инвалидов случайных людей[34]. Можно предположить, что часть таких же «активных», как Козлов, строителей социализма, устраивала себе пенсию «по 1-й категории», что Платонов и отразил в своей повести.

Но Козлов, как сказано у Платонова, «дополнительно к пенсии по 1-й категории обеспечил себе и натуральное продовольствие» (63). Сделал он это следующим образом:

«Зашед однажды в кооператив, он подозвал к себе, не трогаясь с места, заведующего и сказал ему:

— Ну хорошо, ну прекрасно, но у вас кооператив, как говорится, рочдэльского вида, а не советского! Значит, вы не столб со столбовой дороги в социализм!?

— Я вас не сознаю, гражданин, — скромно ответил заведующий.

— Так значит опять: просил, он, пассивный, не счастья у неба, а хлеба, насущного черного хлеба!? Ну хорошо, ну прекрасно! — сказал Козлов и вышел в полном оскорблении, а через одну декаду стал председателем лавкома этого кооператива» (64).

Данная речь Козлова — еще один образец его политической безграмотности, а также тактики в достижении своих целей. Любопытна первая реплика этой обличительной речи: «Но у вас кооператив, как говорится, рочдэльского вида, а не советского!» Любопытна тем, что кооператив, в который зашел Козлов, не принадлежал к «рочдельскому виду» и принадлежать не мог по той простой причине, что таких кооперативов в СССР просто не было, все были «советского».

Информация о рочдельских кооперативах периодически появляется в печати 1920-х годов — волею судьбы они объявляются главным антагонистом кооперативов «московского/советского типа». В 1925 г. несколькими изданиями выходит брошюра «Москва или Рочдель», в которой опубликованы два доклада — старейшего представителя кооперативного движения, французского профессора Шарля Жида «Рочдель и Москва» и старого большевика, одного из главных советских специалистов по кооперативам, автора нескольких книг и статей на эту тему Н. Л. Мещерякова: «Москва и Рочдель». Рочдель — город в Англии, в котором в 1844 г. и появились кооперативы, принципы работы которых завоевали себе многочисленных сторонников: рочдельская кооперация стала самым распространенным видом кооперации во всех странах мира. Отличия «московского типа» кооперации от рочделького подробно описаны, хотя и с разных точек зрения, в докладах Ш. Жида и Н. Мещерякова. Мы кратко приведем некоторые из них: рочдельская кооперация — это свободный и независимый от государства союз добровольных членов, «московская» — государственная организация, почти обязательная для не лишенных прав граждан; рочдельская кооперация открыта для всех, «московская» — закрыта для «классово чуждых»; рочдельская кооперация распределяет

прибыль между своими пайщиками, «московская» об этом и речи не ведет и т. д.[35] Но наибольшее раздражение идеологов советского кооперативного движения вызывал пункт в программе рочдельцев, который декларировал нейтралитет кооперации в области политики и религии и принципиальное неучастие в классовой борьбе. «Малая советская энциклопедия» по этому поводу с возмущением пишет: «Революционные кооператоры капиталистических стран и СССР отбрасывают эти принципы и ведут против них энергичную борьбу, требуя от кооперации участия в революционной борьбе пролетариата в союзе со всеми другими революционными организациями рабочего класса»[36]. Именно по причине своего демонстративного аполитизма рочдельская кооперация и становится главным жупелом советских идеологов кооперативного движения. Существенным отличием в работе этих диаметрально противоположных типов кооперации являлось и качество обслуживания. Рочдельские кооператоры требовали «продавать только доброкачественные продукты, соблюдая правильную меру и правильный вес», чего в советских кооперативах, как свидетельствуют сообщения в официальной прессе, не было и в помине: информацией о многочисленных злоупотреблениях, порче товаров и отсутствии их в кооперативах полны периодические издания этого времени. И конечно, не был исключением в этом плане и тот кооператив, в который пришел Козлов.

Во второй угрозе Козлова в адрес заведующего кооператива («Значит, вы не столб со столбовой дороги в социализм!?») обычно видят перекличку со сталинской статьей «Год великого перелома», в которой Сталин неодобрительно отзывается о людях, не желающих признавать, что колхозы являются «столбовой дорогой» вовлечения крестьянских масс в дело построения социализма. Однако смысл этой реплики Козлова в другом.

Поиск «пути к социализму» занимал представителей партийной верхушки с начала 1920-х годов, и понятие «столбовой дороги к социализму» было в ходу уже давно, но относилось оно к проблемам «социалистического переустройства деревни». На XIV конференции РКП(б), которая состоялась в апреле 1925 г., Ю. Ларину, призывавшему создавать в деревне колхозы, возражал Н. Бухарин: «Колхоз — это есть могущественная штука, но не это столбовая дорога к социализму»[37]. Сам Бухарин считал, что «столбовая дорога к социализму» проходит прежде всего через кооперацию в области закупки товаров, сбыта продукции и пр., а не производства (т. е. отдавал предпочтение, как говорили, «низшим формам кооперации»). Эти свои взгляды Бухарин

развивает и в ряде работ, в том числе в брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925), один из разделов которой так и называется: «Столбовой путь к социализму». Основным оппонентом Бухарина становится Сталин. В работе «К вопросам ленинизма» (1926) Сталин пишет: «Кооперирование миллионных масс крестьянства является столбовой дорогой социалистического строительства в деревне»[38]. В дальнейшем Сталин будет настаивать на том, что «столбовой дорогой» социализма в деревне являются колхозы. Но в случае с Козловым дело даже не в разногласиях двух партийных лидеров, а в том, что Козлов употребляет данный оборот политического языка не к месту: кооператив, к которому у него был личный интерес, никакого отношения к полемике о «столбовой дороге» не имел. Козлов или мало разбирается в том, что читает, или сознательно манипулирует словами: новый знакомый Козлова заведовал таким же кооперативом, какие были по всей стране, и «столбом» с той дороги, по которой вся страна шла в социализм, конечно, был. Но заведующий больше понимал, чем слышал (почти как другой платоновский герой, который «понимал еще больше, чем видел»): в ответ на замечание он тут же сделал Козлова председателем лавкома своего кооператива, учтя «не только ярость масс, но и качество яростных».

Лавкомы (лавочные комиссии) — это органы рабочего контроля за деятельностью кооперативов, которые были введены как реакция на многочисленные злоупотребления в их руководстве: манипуляции с карточками, распределение дефицитных товаров по личным каналам, плохое качество и хранение продаваемых товаров, а чаще их полное отсутствие и пр. Однако вскоре после введения лавкомов в печати появляются сообщения о том, что лавочные комиссии не справляются с задачами рабочего контроля над кооперацией: они «сращиваются с кооперативным аппаратом и становятся участниками преступлений»[39]; звучит даже требование «перешерстить лавкомы, чтобы отсеялись все шкурники»[40]. Председателем такого лавкома и был Козлов, а следовательно, и имел натуральное продовольствие дополнительно к пенсии по 1-й категории.

Свой социализм Козлов, таким образом, уже построил. Поэтому Козловым гордился профсоюзный лидер Пашкин, который, глядя на Козлова, «верил в тот близкий день, когда весь пролетариат примет образ авангарда своего: это и будет социализм» (64). Для окончательного построения социализма остальным рабочим осталось повторить путь первопроходца Козлова, который дает «ближним землекопам» напутственное

пожелание: «Не будьте оппортунистами на практике!» (64). Эту реплику Козлова комментаторы платоновской повести связывают с конкретными партийными документами, причем достаточно поздними[41]. Однако на самом деле она восходит к устойчивым газетным оборотам типа «оппортунизм в теории и на практике», «теоретические основы правого уклона и оппортунизм на практике» и др., например: «Усилим вооружение ленинского комсомола в борьбе с оппортунизмом в теории и на практике»[42]; «Партия ведет борьбу и против теоретических основ правого уклона, и против оппортунизма на практике»[43]; «Усилим огонь по теории и практике правого уклона»[44]. «Оппортунизмом на практике» во время разгара борьбы с Н. Бухариным и группой правых называлось обычно лояльное отношение к «кулакам» и их пребыванию в колхозах. Так что призыв к землекопам «не быть оппортунистами на практике» направлен, мягко говоря, не по адресу, а Козлов опять достаточно бессмысленно использует политическую терминологию.

Определенным образом характеризуют Козлова и те «лозунги-песни», которые он заучил и любил произносить, например: «Прелестна вы, как Ленина завет!». В стране, выполняющей «первую пятилетку по строительству социализма», не только «кричали голоса ударных бригад» (112), но и пели тысячи «синеблузных» коллективов и артистов эстрады. Проблема их музыкального репертуара была настоящей головной болью работников культурного фронта. Журнал «Культурная революция» пишет: «Музыка — самая заброшенная область художественной работы союзов, ей уделяется меньше всего внимания. <…> Здесь процветает халтура, здесь торжествуют идеологически чуждые и вредные влияния»[45]. Основная проблема эстрадников — отсутствие музыки и текстов революционного содержания или механическая связь с этим самым революционным содержанием. Журнал приводит и образец такой механической связи — слова песни в духе тех, что любил повторять Козлов («Прелестна вы, как Ленина завет»): «Сердце-то в партию тянет»[46]. Козлов — не Сафронов и не Вощев; у него нет ни твердой идеологической установки, которая могла бы защитить от вредных влияний; ни ума и вкуса, которые оградили бы от пошлости.

Платонов через имя дает Козлову определенную характеристику: доносчик; кляузник, обуреваемый комплексом власти; ночной рукоблуд и «рвущаяся вперед сволочь»[47]. Но некоторые черты этого социально-психологического типа раскрываются только на фоне политической повседневности: нетвердая ориентация в событиях окружающей жизни, но зато

четкая направленность на свои личные интересы; начетничество при отсутствии понимания, но в соединении с умелой манипуляцией формально усвоенными словами; глубинная пошлость и отсутствие всяких принципов.

Следующий типичный представитель этого времени — безногий инвалид Жачев. После двух войн, империалистической и гражданской, таких искалеченных людей в стране хватало, и положение их было тяжелым — мизерные пенсии выбрасывали из жизни тех, кто сделал революцию. Платонов дает Жачеву несколько определений: «жирный калека», «могучий увечный», «урод империализма», «безногий инвалид». Из всех этих характеристик самым эмоционально окрашенным и даже возвышенным кажется слово «увечный», но именно оно и было официальным термином для фактических изгоев общества. Несмотря на очевидность и необратимость увечья, такие люди регулярно проходили экспертизу инвалидности. Журнал «Вопросы страхования» (1929, № 2) под призывом «Добиться улучшения экспертизы инвалидности» публикует фотографию одного из них: безногий человек в кабинете врача и подпись «Увечник на приеме в БВЭ» (БВЭ — больница врачебной экспертизы). Однако действительные инвалиды типа Жачева (многие из которых были участниками гражданской войны) не только регулярно проходили экспертизу инвалидности, но часто вовсе не могли ее получить в отличие от «инвалидов» вроде Козлова.

Искалеченность Жачева и отсутствие у него половины туловища для Платонова, безусловно, символичны: Платонов неоднократно подчеркивает, что Жачев — «урод империализма». Эта аллегорическая деталь почему-то важна писателю[48].

В положении Жачева Платонов акцентирует его «выброшенность», а в позиции — неуемное чувство социальной справедливости; непримиримость ко всему, что чуждо революции; оппозиционность. Жачев, который считает себя «по человечеству лучше», облагает собственным налогом «достаточных лиц», т. е. советских функционеров; он мечтает убить «всех больших жителей своей местности, <…> оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство»; за все его разоблачительные высказывания в адрес «новых буржуев» Жачева осуждает «носитель официальной идеологии» Сафронов, призывая «всецело подчиниться производству руководства». Последнее обстоятельство очень важно: в этих упреках «верного ленинца» Сафронова А. Харитонов услышал отзвуки политических дискуссий 20-х годов, а в личности и позиции самого мятежного обвиняемого — сходство с главным

оппонентом Сталина — Л. Д. Троцким. Харитонов подчеркивает, что свою борьбу со Сталиным Троцкий строил на обвинениях в «обюрокрачивании рабочего государства» и расслоении в рядах правящего класса при сталинском режиме, появлении среди коммунистов высокооплачиваемых функционеров-бюрократов, положение которых разительно отличается от положения коммуниста, работающего в угольной шахте и получающего 50–60 рублей в месяц. В распоряжении таких коммунистов-функционеров, а фактически «новых буржуев», имеются автомобили, хорошие квартиры, пайки, партмаксимумы и пр. Подобные взгляды высказывает и Жачев. Харитонов отмечает, что «Жачев и личными своими чертами походит на „неистового Льва“: он беззастенчив, по-своему красноречив, склонен к демагогии»; «он, как и Троцкий, фанатик революции». Даже в фамилии героя отозвалась изначальная жесткость позиции Троцкого в вопросах коллективизации и индустриализации. И, безусловно, немаловажным объединяющим моментом в судьбе крупнейшего политического деятеля (фактически второго лица в государстве) и безногого героя платоновской повести является именно «вы-брошенность»: в 1929 г. Троцкого, одного из организаторов революции и победы в гражданской войне, выставили из страны. Троцкий, конечно, не является в привычном смысле прототипом Жачева. Его тема — лишь часть образа Жачева и лишнее свидетельство «ориентации писателя на идеологический контекст эпохи», а также особых принципов построения платоновского образа и многоплановости его художественного текста.

Председатель окрпрофбюро Лев Ильич Пашкин — главный объект нападок Жачева. Лев Ильич является тем высокооплачиваемым функционером-бюрократом, которых критиковала и «левая оппозиция». Пашкин «состоит в авангарде», т. е. является членом партии, и при этом живет «в основательном доме из кирпича, чтоб невозможно было сгореть» (38), ездит на автомобиле и получает паек. Пашкин исключительно дисциплинированный коммунист и откликается на все директивы партии. Его «добросовестность» в исполнении «нового лозунга» профсоюзной работы «лицом к производству» мы показали выше: «близ начатого котлована Пашкин постоял лицом к земле как ко всякому производству». Не оставил без внимания он и второй лозунг профсоюзной работы — «ближе к массам». Во исполнение этого требования Пашкин, как сказано у Платонова, «научно хранил свое тело». На его рабочем столе «находились различные жидкости и баночки для укрепления здоровья и развития активности», из которых профсоюзный лидер время от времени

выпивал по капле. И делал он это «не только для личной радости существования, но и для ближних рабочих масс» (39).

Платоновская ирония по поводу того, как Пашкин выполнял «новые лозунги профсоюзной работы», несомненна. Однако все оттенки этой иронии становятся понятными только при знакомстве с повседневностью, в которой повесть создавалась. В начале 1930 г. центральная пресса с удивительной регулярностью рекламировала три препарата «для укрепления здоровья и развития активности» схожего наименования и, возможно, действия: «Секарская жидкость. Extractum testiculorum», «Спермин-фармакон» и «Спермоль»[49]. Назначение одного из них, «Спермоли», реклама объясняла так: «Для укрепления всего организма, нервной системы, улучшения деятельности сердца и как общетонизирующее». Про «развитие активности» в газетной рекламе «Спермоли» не было сказано ничего. Однако названия препаратов, а также их состав («вытяжка из семенных желез») наводят на мысль об «активности» вполне определенного рода. Действие «Секарской жидкости» в газете никак не разъяснялось, но ее латинское наименование (Extractum testiculorum) эту версию укрепляет (testiculus, i m — мужское яичко; мужская сила). Других препаратов «для развития активности» (и вообще никаких других, разве что изредка гематоген) пресса не рекламирует, так что во исполнение «нового лозунга» профсоюзной работы «ближе к массам» Пашкин, как послушный партийной печати гражданин, пил, видимо, эти (не исключено, что Платонов обыграл здесь какую-то общеупотребительную шутку, связавшую лозунг «ближе к массам», а также стремление руководства страны всячески активизировать равнодушное к проводимой политике население с рекламой «Секарской жидкости» и ей подобных препаратов «для развития активности»: несмотря ни на что, на злободневные политические темы народ шутил и, в согласии с традициями народной смеховой культуры, шутил не всегда прилично; информация о подобного рода вольностях даже просачивалась в печать — тема, к которой мы еще вернемся).

Не менее иронично Платонов описывает, как живо Пашкин откликнулся на призыв партии бороться «за режим экономии», купив себе вместо старого экипажа новый автомобиль. Произошло это следующим образом. Продав экипаж «в эпоху режима экономии», Пашкин некоторое время приезжал на котлован верхом на коне; когда же «во время пеших отлучек Пашкина в глубь котлована» Жачев опоил его коня, Пашкин перестал «ездить всадником и прибывал на автомобиле» (48).

«Эпоха режима экономии» началась с «Обращения ЦК ВКП(б)»

25 апреля 1926 г. «О борьбе за режим экономии»:

«Ко всем парторганизациям, ко всем контрольным комиссиям партии, работающим в хозяйственных, кооперативных, торговых, банковских и др. учреждениях. Перед нашей партией и страной стоят задачи максимального обеспечения подъема индустрии. <…> Для усиления социалистического накопления важнейшее значение приобретает <…> установление строжайшего режима экономии в расходах всех без исключения административных, хозяйственных, торговых, кооперативных, банковских и других учреждений и организаций снизу доверху»[50].

Все последующие партийные документы вплоть до осени 1929 г. призывают бороться «за режим экономии». Резолюция XVI партконференции (апрель 1929 г.) подводит итог этой борьбы: «Борьба за режим экономии и развертывание работы по рационализации советского аппарата за последние два года дали уже значительные практические результаты»[51]. Немного раньше резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г., повествуя о неудачной хлебозаготовительной кампании, призывала «с величайшей настойчивостью бороться за режим экономии в области расходования хлеба и со всякими растратами наших хлебных ресурсов»[52]. В резолюции же ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. уже ничего не говорится о «режиме экономии в области расходования хлеба», но зато победно заявляется о «благоприятном ходе хлебозаготовок», которые значительно превысили «результаты прошлых лет и позволили уже в текущем году создать резерв до 100 млн пудов хлеба»[53]. Это изменение идеологической «установки» (именно «установки», а не ситуации в стране, потому что народ по-прежнему голодал и хлеба не хватало) Платонов с не меньшей иронией отразил в сцене с «сытным бутербродом», который «нечаянным движением» столкнул со стола «главный революционер», видимо, в ознаменование того, что «режим экономии в области расходования хлеба» отменен. Когда Пашкин, подзабыв о новой «установке», бутерброд поднял, «главный революционер» его осадил: «Не стоило нагибаться, <…> на будущий год мы запроектировали сельхозпродукции по округу на полмиллиарда» (65). Пашкин живо вернул «бутерброд обратно в корзину для бумаг, боясь, что его сочтут за человека, живущего темпами эпохи режима экономии» (65).

Строители «общепролетарского дома» — это и есть собирательный образ советского общества, которое оказывается в «котловане». Этот образ Платонов создает в полемике с официальной версией о «строителях социализма», представленной на страницах периодических изданий. Ее образец

можно найти в «Рабочей газете»:

«Пролетариат создает новые формы труда, новые отношения между людьми, создает новый тип человека — строителя социализма. И в эти ленинские дни наш взор обращается прежде всего на эту могучую армию строителей. <…> Мы сдаем на слом старую экономику. И вместе с ней мы сдаем на слом старого человека. Люди, строящие социализм — их миллионы, — быстро перерабатывают и самих себя»[54].

Как видим, в отношении реальных строителей социализма Платонов не имел иллюзий: горькая ирония пронизывает его повествование. Что же строят эти строители?

«Другой город»: «общий дом пролетариату», или «эсесерша наша мать»

По сюжету, они строят «единственный общепролетарский дом» — главное сооружение того Города, в который приходит Вощев. Проектируемые города и многочисленные стройки — это, как мы уже упоминали, реальность рубежа 1920–1930-х годов. Но не только реальность. Из бытовой ситуации стройка становится символом времени, метафорой, идеологемой: создается впечатление, что люди верят (и некоторые действительно верят) в то, что они строят не просто тот или иной завод, дорогу, электростанцию или дом, а нечто гораздо большее: «люди закладывают новые здания — новую жизнь»[55]. «Мы строим и построим социализм»[56] — таков оптимизм официальной пропаганды. В очерке Н. Немчинского «Повесть о Турксибе»[57] приведены слова песни «Наш рапорт» (якобы коллективное творчество рабочих): «Построим мы социализма здание / Упорной волей, силою труда». Так абстрактная идея «строительство социализма» в языке и мышлении советского человека получает конкретный образ строящегося здания. И строго в соответствии с тенденцией времени основная метафора эпохи «строительство социализма», как неоднократно отмечали в работах о «Котловане»[58], реализуется в строительстве «общепролетарского дома». Но центральное событие платоновской повести больше, чем простая реализация этой метафоры.

Наименование объекта, на котором трудится артель строителей, постоянно изменяется: «единственный общепролетарский дом», «общепролетарская жилплощадь», «общий дом пролетариату», «единый новый дом» и др. И по смыслу «общепролетарский дом» — образ многоликий: его смысловой компонент вариативен, поэтому границы того, что артель строит, все время передвигаются. Это и новый дом, в котором «детский персонал» будет «огражден от ветра и простуды каменной стеной» (58). И новый город, который возникнет на месте старого. И город — двигатель ускоренной индустриализации, форпост построения социализма. И социализм «в рамках одной страны». И социализм в мировом масштабе. И такое общественное устройство, которое избавит человека от страданий и спасет от голода, болезней, трагедий и бед. И страна под названием Союз Советских Социалистических Республик, которая должна стать раем на земле — «эсесерша наша мать», земля обетованная всех трудящихся, «общий дом

пролетариату». Так реализация метафоры превращается у Платонова в обобщение многих тем и проблем эпохи, а обычный строительный объект — в сложный аллегорический образ, который охватывает все теоретические аспекты и практические особенности «построения социализма» в нашей стране.

Строительство «обшепролетарского дома» — стержень сюжета «Котлована» и, пожалуй, наиболее трудная для комментирования часть содержания. Главная трудность заключается в том, что Платонов создает свой образ с учетом многозначности языкового понятия «дом». Так, слово «дом» в русском языке имеет следующие значения: 1) «жилое здание» (например, каменный дом); 2) «свое жилье; семья, люди, живущие вместе» (например, родной дом); 3) «место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования» (например, общеевропейский дом)[59]. Но писатель не просто опирается на эти привычные для слуха сочетания со словом «дом» и их общеупотребительную семантику. Он использует тенденцию языка к метафорическому переосмыслению данного слова, увеличивая функции своего «общепролетарского дома» за счет политических коннотаций[60] всего выражения. Вторая сложность, с которой сталкивается комментатор стержневого события «Котлована», является следствием иносказательности всех коллизий строительства «общепролетарского дома», которое к тому же предполагает две формы: строительство воображаемое и фактическое. Определенные затруднения вызывает и необычное построение сюжетообразующего образа: «общепролетарский дом» имеет в повести человеческую ипостась — это девочка Настя. Обратимся сначала к «дому», всем формам его представления в «Котловане» и возможным интерпретациям данного образа.

Дом, на строительство которого попадает главный герой повести, должен стать для будущих жильцов надежным укрытием от непогоды, «чтобы дети там росли и жили, защищенные стенами и людьми» (193). «Дом должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишней теплотой жизни, которая названа однажды душой» (33). Дом должен быть построен «вместо старого города», где есть еще «бедные жилища и скучные условия, а также кладбища» (191) и люди живут «дворовым огороженным способом» (32).

Данные фрагменты интересны в том плане, что в каждом из них актуализированы разные словарные значения лексемы «дом» — характерный для Платонова прием. В первом случае дом, о котором идет речь, — это «жилое здание»; во втором — «место, где хорошо и тепло и люди любят друг друга», в третьем — «место, где живут люди, объединенные общими условиями

существования». Три приведенные выше характеристики будущего дома можно рассматривать как вариации на темы нового быта и оптимального устройства новых социалистических домов и городов, которые обсуждались на страницах периодической печати и были взяты за основу в некоторых реальных строительных проектах. Общепролетарский дом, изображенный в таком ракурсе, — вполне реалистический образ. На это его качество обратила внимание Эл. Маркштейн, которая пишет, что «общепролетарский дом у Платонова <…> имеет вполне реальный прототип в действительности»[61] в лице одного из тех домов-коммун и городов-коммун, которые в это время строили по особым проектам и с особой целью — изменить быт и создать лучшие условия для жизни и воспитания нового человека. Маркштейн приводит названия некоторых таких проектов (по сборнику «Из истории советской архитектуры 1926–1932 гг.»): «Проект социалистического расселения», «Дом-коммуна», «Квартал-коммуна», «Город-коммуна», «Жилище пролетария».

Но все-таки «общепролетарский дом», как неоднократно подчеркивалось в литературе о «Котловане», — не столько реалистический образ, сколько символ. Он опирается, как мы писали выше, на общую тенденцию языка к метафоризации ключевого слова, а также на ключевые метафоры сталинской эпохи «строительство социализма» и «здание социализма»: Платонов использует существующую в языке модель типа «общеевропейский дом», но наполняет ее новым политическим содержанием. С символической стороны «общепролетарский дом» предстает в следующих ситуациях:

«Единственный общепролетарский дом» предназначен для всего пролетариата данного города. Но «общепролетарский дом» — лишь первый шаг на пути к более совершенному строению, башне в середине мира, которую построят после дома и «куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всего земного шара» (32).

Строительство в городе «единого здания», в которое «войдет на поселение весь местный класс пролетариата», М. Геллер и А. Харитонов рассматривают как аллюзию[62] на сталинское построение социализма в одной, отдельно взятой стране. Эту идею Сталин развивал в полемике с Троцким и его теорией «перманентной (непрерывной) революции», охватывающей сразу весь мир и переходящей из страны в страну. Проблеме распространения социализма Сталин уделяет внимание в некоторых работах середины и второй половины 1920-х годов: «Об основах ленинизма» (1924), «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (1924), «К вопросам ленинизма»

(1926), «Международный характер Октябрьской революции: К десятилетию Октября» (1929) и др. Полемизируя с оппозицией (так называемым «троцкистско-зиновьевским блоком»), Сталин настаивает на возможности «победы социалистического строительства» сначала в одной стране, которая должна стать «очагом социализма в океане империалистических стран»[63] и «базой мировой революции»[64]. В параллель с этими планами поэтапной победы социализма (сначала «в рамках одной страны», а затем «в мировом масштабе») могут быть поставлены и мечты Прушевского о башне в середине мира, которую построят после «общепролетарского дома» уже для «трудящихся всего земного шара». Таким образом, удвоенный «общепролетарский дом» размышлений Прушевского — «единый дом» в центре города / «башня в середине мира» — несет печать актуальной для времени политической полемики и отражает теоретические предпосылки социализма как новой организации жизни, исключающей зло и страдания. Поэтому «общий дом пролетариату» — прежде всего идеальное сооружение, предназначенное для счастья всех людей. Значимо то, что к возведению его артель строителей так и не приступила.

Однако у социализма существует не только идеальный, но и реальный аспект. И реальное «здание социализма» в жизни все же строится. Одновременно оно поднимается и в платоновской повести. В «Котловане» есть еще один «дом», который обычно рассматривают как разновидность «общепролетарского»: вскоре после своего прибытия в Город Вощев наблюдает за строительством неизвестной башни (обратим внимание на эту деталь: тоже башни). Она-то и имеет черты реально строимого «здания социализма».

Эта башня отчасти построена: «рабочие шевелились равномерно, без резкой силы, но что-то уже прибыло в постройке для ее завершения» (26). Наблюдение за строящейся башней позволяет Вощеву осознать побочный эффект «строительства» (фрагмент, сокращенный писателем на стадии правки машинописи): «Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? <…> Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?» (26, 184). Мысль о негативных последствиях и бесчеловечном характере «социалистического строительства» еще более резко и наглядно выражена в словах Сафронова. Постройку «общепролетарского дома» он описывает так: «Мы все свое тело выдавливаем в *общее здание* (зачеркнуто. — Н.Д.) для общего здания» (41, 213). Идею этих фрагментов Платонов повторяет неоднократно, создавая картину почти телесного перехода людей в возводимые ими

сооружения.

На эмоциональном уровне образ понятен: так как в нищей стране не было ни средств, ни ресурсов, «строительство» (социализма, страны, городов, промышленности и пр.) осуществлялось только за счет колоссального напряжения сил «строителей». Они трудятся с утра до позднего вечера, часто по ночам и в выходные дни; работают до изнеможения, а изнемогают до смерти; отдают «общему дому» всю свою энергию, изнуряют и калечат тело. И только так «здание» сооружается — из самих строителей, превращающихся в «строительный материал». Языческими корнями социализма объяснил М. Золотоносов такую строительную практику, назвав строителей «общепролетарского дома» «строительной жертвой, принесенной в настоящем во имя будущего». Любопытно, однако, что в столь необычном восприятии «социалистического строительства» Платонов не одинок — для человека 1920-х годов это было, видимо, общее чувство. Комментируя соответствующие фрагменты «Котлована», М. Золотоносов приводит свидетельство одного из представителей того поколения, к которому принадлежал и Андрей Платонов: «Весь трагизм нашего поколения в том и заключается, что оно было дважды строительным материалом, дважды — лишь средством, а не целью, не самоцелью. Но пришло время — и в сознании современника идет обратный процесс»[65]. Критик развивает эту мысль: «Для Платонова *время пришло* к концу 20-х годов: именно тогда он и ощутил весь „трагизм поколения“, всю безнравственность „строительной жертвы“».

Живой строительный материал — только одна из особенностей реального «здания социализма». Следующий поворот аллегорического сюжета посвящен котловану под «здание» и некоторым чертам фактического, а не воображаемого процесса «строительства».

Строительство «общепролетарского дома» начинается с рытья котлована. Однако скорость работ не устраивает начальство («темп тих»). Для увеличения темпов строители, оставив котлован, переходят в овраг, потому что «овраг — это более чем пополам готовый котлован». Когда же в «овражном котловане» «маточное место для будущего дома было готово», вновь недовольное начальство решает, что масштаб дома «узок» для будущего счастливого пролетариата, и отдает приказ разрыть маточный котлован вчетверо больше. Пока приказ дошел до строителей, эта цифра еще увеличилась («в шесть раз больше»): «темп» снова оказался «тихим». Даже не начав строить дома, строители оставляют и второй, «овражный котлован», чтобы помочь коллективизирующейся деревне. Завершается повесть

возвращением на котлован не только самих строителей, но и колхозников, которые тоже «в пролетариат хотят зачисляться». Поэтому котлован вновь начинают разрывать — еще шире и глубже.

В превратностях этого «котлованного строительства» М. Золотоносов увидел «обобщенный образ общественного развития в 1929–1930 годах» и принцип сталинской внутренней политики — не решив одних задач, целиком переключиться на другие. Так в 1928 г. Сталин приступил к быстрой индустриализации и ускоренной коллективизации, хотя основная проблема предыдущего курса — товарооборот между городом и деревней — не была решена; так он будет действовать и впредь. Трудно комментировать этот фрагмент сюжета более конкретно: он слишком абстрактный по форме и обобщающий по содержанию. Но интерпретация в реальном контексте основного объекта действительного строительства — котлована под фундамент «общепролетарского дома» — сомнений не вызывает.

Растущие планы организаторов «строительства» приводят к бесконечному рытью все углубляющегося котлована. На этом фоне умирают или гибнут: буржуйка Юлия, социалист Сафронов, приспособленец Козлов, мужик с желтыми глазами и другой — «смертельный вредитель Сафронова и Козлова», мужики-подкулачники, активист и пр. Еще живой Сафронов объясняет «ликвидацию кулачества как класса»: «Это монархизму люди без разбора требовались для войны, а нам только один класс дорог, — да мы и класс свой скоро будем чистить от несознательного элемента» (62). Подлежащий «ликвидации» мужик высказывает пугающее предположение: «Глядите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. Так и войдет в социализм один ваш главный человек!» (93). И действительно, количество трупов в «Котловане» растет в геометрической прогрессии, так что итог строительства — пропасть котлована — воспринимается как могила и врагов пролетариата, и самих строителей.

Этому шествию смерти по «Котловану» в полной мере соответствовала массовая гибель людей в стране. Запущенный революцией механизм истребления работал безотказно, постепенно набирая обороты и увеличивая радиус действия. Преследовали и убивали: представителей враждебных классов, идейных противников, политических соперников и прочих потенциальных врагов, а затем «несознательных элементов» своего класса, бывших соратников и, наконец, самых ярых сторонников революции. Чистки, начавшиеся политические процессы, раскулачивание и другие формы установки социалистической справедливости сломали и погубили

миллионы жизней. В пьесе «Шарманка», которую Платонов напишет сразу после «Котлована», он перефразирует знаменитое выражение одного из участников французской революции: «Революция, подобно Сатурну, пожирает своих собственных детей». По мнению М. Геллера, «единственный из писателей своего времени, Платонов понял неумолимый характер механизма геноцида, пожирающего тех, кто привел его в движение»[66]. Указывая на анаграмму фамилии «Платонов» в названии повести «Котлован», М. Золотоносов делает вывод о том, что, «возможно, писатель имел в виду роль своего поколения как „ямы“ под фундамент социализма». На таком фундаменте — яме, заполненной трупами, — и строилось реальное «здание социализма».

И это при том, что в идеале цель построения «дома» предполагалась благая: спасение «от непогоды и невзгод» (как и построения социализма — рая на земле). Идея спасения человека от всевозможных трагедий (стихий, болезни, смерти и пр.) — сквозная в творчестве Платонова. Н. Малыгина подчеркивает, что проекты переустройства мира в Дом — основа большинства его произведений; «общепролетарский дом» восходит к образам «дома-сада» и «ветрогона» («Рассказ о многих интересных вещах»), которые задумываются как средство преодоления враждебных сил природы; а, также к образам «корабля» и «двигателя» как средствам спасения человечества в других ранних произведениях (например, в рассказах «Маркун» и «Лунная бомба»). Таким образом, делает вывод исследовательница, «образ дома в „Котловане“ становится многозначным символом. Его важнейшая функция — служить средством спасения трудящихся»[67]. В начале своего писательского пути причиной человеческих трагедий писатель считает природу. Будучи по образованию и роду деятельности инженером, в качестве средства спасения он предлагает какое-нибудь техническое новшество. В этой связи понятно, почему главный герой ранних произведений Платонова — инженер, как и сам автор. Однако «Котлован», посвященный трагическим последствиям социальных преобразований, — произведение остро политическое, а не научно-фантастическое. Поэтому удивляет, что инженером является и Прушевский, который «выдумал единственный общий дом» и руководит работами по его строительству. Прушевский — ученый, и его детище, «общепролетарский дом», прежде всего плод знаний и науки. На первый взгляд этот милый интеллигент мало похож на руководителей нашей страны. Его образ, логичный в контексте творчества Платонова, кажется выпадающим из политической проблематики повести. Однако это не так.

Обратимся к исследованию о советской эпохе А. Синявского и в свете некоторых его наблюдений посмотрим на личность «производителя работ общепролетарского дома». Любопытно, что именно научные амбиции марксизма-ленинизма, первого главы государства и его правительства Синявский считает наиболее характерной чертой раннего периода советской истории:

«Во главе Советской России после революции встало государство ученых. Конечно, возможны и другие повороты в трактовке и оценке этой диктатуры. Но именно этот поворот — государство ученых — представляется мне особенно интересным в раскрытии нашей темы. Уже марксизм рассматривает себя как науку, самую научную науку в отношении истории и человеческого общества. Ленинизм покоится на том же безграничном научном авторитете <…> Непонятность Ленина именно в его всепоглощающем интеллектуализме. В том, что из-под его вычислений, из-под его аккуратного пера-карандаша проливаются моря крови. <…> Столь велико было преклонение Ленина перед всесилием науки и техники. И эта научность заложена в Ленине с самого начала, как некое исходное свойство его личности»[68].

Сам Платонов в начале своего писательского пути тоже утверждал: «Революция рождена знанием. Наука — голова революции» («Сила сил», 1920). Загадка Прушевского не в том, что он инженер — эта деталь понятна как в контексте творчества Платонова, так и нашей истории. При очевидных политических аллюзиях в образе создателя «домостроительного» проекта и руководителя «строительства» нелогичным кажется его поведение в деревне: вместе с другими строителями Прушевский приходит сюда «как кадр культурной революции» и остается в новоиспеченном колхозе обучать местную молодежь. Такой сдвиг смыслового компонента художественного образа действительно необычен, но он целиком отвечает поэтическим принципам Платонова. Это же свойство его поэтики на уровне языка впервые исследовала Е. Толстая[69]. Оно состоит в способности платоновского слова (которое, как и всякое слово, является комплексом смыслов) в каждом новом лексическом окружении переключать значение в другой регистр (осуществлять своего рода семантический сдвиг). «Комплексом смыслов» часто является и платоновский образ, в том числе «общепролетарский дом» и его главный строитель. Основой для такого «комплексного» образа интеллигента Прушевского стала многообразная роль интеллигенции в нашей истории: с одной стороны, именно интеллигенция вдохновляла на революцию, планировала социальные преобразования и организовывала

«строительство социализма»; с другой — тому новому миру, который интеллигенция вызвала к жизни, она сама оказалась ненужной; наконец, интеллигенция, несмотря ни на что, всегда была готова «идти в народ» и учить его.

Подведем предварительный итог «домостроительной» проблематики «Котлована». Итак, «общепролетарский дом», предназначенный для спасения людей «от непогоды и невзгод», является и реалистическим образом, и образом-сим-волом. Как реалистический образ он опирается на реальные проекты по строительству домов, быта и городов нового типа и ставит проблемы создания удобного жилища и теплой душевной атмосферы дома, преодоления взаимной отчужденности жителей города. Как образ-символ «общепролетарский дом» обобщает теорию и практику «построения социализма» и имеет два аспекта: идеальный и реальный. В своем идеальном аспекте «общепролетарский дом» предполагает две стадии: «единый дом» в центре города («социализм в рамках одной страны»), а затем башню в середине мира (социализм в мировом масштабе).

И вот на строительстве «дома» появляется и остается жить сирота Настя — безусловно, тоже один из главных символов «Котлована» и к тому же как-то связанный с «общепролетарским домом». И хотя Насте посвящено немало исследований, вопрос о значении образа девочки-сироты остается открытым. Определенную помощь в ответе на него может оказать знание реального контекста и принципов поэтики платоновской повести. Образ Насти построен так же, как и образ «общепролетарского дома»: его смысловой компонент опирается на несколько близких, но не тождественных значений, и в ходе повествования допускает ряд сдвигов. При этом трагическая история Настиной жизни типична для ребенка непролетарского происхождения и иносказательна от первого до последнего эпизода. Аллегорическое значение имеют детали биографии и личные черты маленькой героини, обстоятельства появления при «общепролетарском доме» и смерть.

Настя — дочь «буржуйки» Юлии, которую еще до революции любили пролетарий Чиклин и интеллигент Прушевский. Как все «буржуи», Юлия обречена. Девочка же спасена от почти верной смерти (**Анастасия**[70] в переводе с греческого означает **воскрешенная**, как отмечали многие исследователи) и вынесена пролетарием Чиклиным из «гроба», в котором осталась лежать ее мертвая мать. Чиклин приводит Настю на стройку. Но девочка тоскует по умершей матери, не выдерживает такой жизни и тоже умирает.

Символичность этой ситуации обратила на себя внимание

уже с первой публикации «Котлована» на Западе. А. Киселев, откликнувшийся на появление столь необычного произведения советского писателя статьей в журнале «Грани» (1970 г.; статья опубликована под псевдонимом: А. Александров), высказал предположение, что повесть Платонова посвящена судьбе России; умершая и оставленная лежать под спудом мать Насти символизирует вечную Россию, Россию историческую, ушедшую в прошлое без возврата; сама же Настя является символом новой советской России, ставшей «сиротой» без России исторической и по этой причине погибающей[71]. Это ценное наблюдение осталось почти без внимания исследователей, а ведь сравнение маленькой героини с юной страной находит подтверждение в тексте «Котлована»: Платонов неоднократно ставит Настю в прямую параллель с «девочкой-эсесершей». В этой связи вывод о значении образа Юлии напрашивается сам собой. При такой интерпретации двух женщин — матери и дочери, старой и молодой — значимым оказывается юность, буржуазное происхождение и сиротство девочки. Они указывают на молодость страны, которая была плотью от «буржуйской» плоти, но в новых исторических условиях осиротела и пытается забыть о своем происхождении. С трактовкой образов матери и дочери как символов двух Россий согласуется замечание Эл. Маркштейн, считающей смерть Насти эпизодом, в иносказательной форме говорящем о невозможности будущего без прошлого, настоящего без исторических корней.

Такие черты Настиной биографии, как происхождение и сиротство, требуют особого комментария. Дело в том, что Платонов всегда был убежден в непролетарском родословии советской России и повторял эту мысль неоднократно, например в ранней статье «Воспитание коммунистов» (1920):

«Пролетариат рожден буржуазией и тоже не сбросил, еще носит буржуазные многие замашки, буржуазную привычку мыслить и жить. С этим надо кончить. Прошлое надо отрубить от грядущего, раз навсегда забыть вчерашний день».

Маленькая героиня «Котлована» как раз и воплощает эту давнюю мысль писателя: рождение нового общества от буржуазии, отрыв прошлого от грядущего, забвение вчерашнего дня. Только теперь Платонов видит в этом опасность для советской России.

Другой важный фактор Настиной биографии — ее сиротство — многие исследователи называли причиной смерти девочки. Эта частая в прозе Платонова биографическая подробность тоже имеет символическое значение. Важность для писателя темы сиротства подчеркивает Н. Корниенко: «Сиротство героев

Платонова — это не индивидуальная черта их характера, а знак-символ разрушенной целостности национальной жизни и обезбожения мира»[72]. Вероятно, и Настино сиротство символизирует отрыв советского общества не только от исторических корней, но и от Бога как небесного Отца.

Настю часто связывают с темой «социалистических/ пролетарских детей» и «социалистического поколения»[73]. Однако пролетарским ребенком, как мы показали, она не была. Более того, знакомство с документами конца 1920-х — начала 1930-х годов показывает типичность Настиной судьбы именно для «буржуазных» детей и обилие сирот «непролетарского происхождения» в молодой стране Советов, а также наводит на мысль о том, что Платонов не случайно выбирает такого ребенка для олицетворения «девочки-эсесерши». Периодические издания этого времени поражают как представительностью детской темы, так и строгой дифференциацией детей по социальному происхождению: «новое поколение» отождествляется только с детьми рабочих, батраков, бедноты и колхозников. За ними видят будущее, о них предлагают заботиться, для них требуют школ, дошкольных учреждений и пр. О печальной судьбе других детей говорят неофициальные вестники эпохи — письма:

«Многоуважаемый тов. Луначарский. Я с подругой просим вас ответить на один важный вопрос <…>. В программе для поступающих в техникумы мы прочли, что дети, родители которых лишены избирательных прав, или же сами они не допускаются даже до проверочных испытаний. Да и теперь на примерах в настоящее время мы видим, что детей, родители которых в старое время жили на нетрудовые доходы, вычищают из школ II ступени и высших учебных заведений. Скажите, чем виноваты эти дети? Что родители их когда-то жили на нетрудовые доходы? У таких родителей большей частью дети отличаются замечательными способностями <…>. У большинства таких родителей не осталось ничего от прежней жизни <…>. В Советском Государстве, по нашему мнению, молодое поколение должно быть равноправно, так как молодому поколению придется строить новую лучшую жизнь и уничтожать остатки старого дряхлого быта. <…> Не подумайте, что мы дети лишенцев, нас интересует будущее этих детей»[74].

Больше всего свидетельств о трагической участи «классово-чуждых» детей в письмах «раскулаченных» и сосланных на север крестьян: от голода, холода и неустроенности их дети ежедневно умирали сотнями. Как свидетельствуют документы, целые штабеля из детских трупов можно было видеть вблизи тех мест, где жили переселенцы. Письма и жалобы крестьян переполнены

отчаяния: «Дети не должны умирать как класс»; «Это была революция. Она всегда побеждает, имея жертвы», но нельзя приносить «детей в жертву революции». Отправляясь в ссылку, многие крестьяне просили власти оставить детей у родственников, но им отвечали: «Мы хотим вырвать зло с корнем»[75]. И вот для олицетворения молодой пролетарской страны Платонов выбирает одного из таких многочисленных «буржуазных» детей-сирот, очевидно, не без полемики с официальной идеологией, которая не оставляла им будущего. Писатель как бы предупреждает: «девочка-эсесерша» сама разделит судьбу детей, принесенных в жертву социализму.

Как было отмечено выше, Платонов допускает несколько сдвигов смыслового компонента образа главной героини своей повести. В некоторых контекстах Настя олицетворяет не столько «девочку-эсесершу», сколько «новое историческое общество», с которым ее связывают личные черты, также имеющие аллегорическое значение. Как олицетворение «нового исторического общества», Настя оказывается далекой от идеала. Грубая, жестокая, обработанная софистикой, не знающая отца и потерявшая мать; гомункулюс из алхимической реторты устроителей счастья — так характеризует юную героиню платоновской повести Эл. Маркштейн[76]. М. Геллер называет девочку, не знавшую отца и сначала потерявшую мать, а потом отрекшуюся от нее, уже мертвой, — «безотцовщиной». Эти черты и были свойственны тому историческому обществу, которое создавалось после революции и с которым Платонов прямо отождествил маленькую героиню в более поздней приписке к машинописному тексту повести.

Настя воплотила все грани и оттенки молодой страны Советов, как «общепролетарский дом» — «строительства социализма». Еще одна печальная особенность Настиного прообраза — «девочки-эсесерши» — состояла в контрасте между благоустроенностью номенклатуры и нищетой большей части населения страны. «Социализмом в босом теле» называет девочку Платонов, проводя аналогии с разоренной страной, строящей социализм. Она обречена на гибель еще и потому, что из ее худенького и бедного тела Пашкин — это воплощение материальных устремлений наиболее активных «строителей социализма» — «сало съел» (64).

Именно такой и видел Платонов современную советскую Россию — юной сиротой непролетарского происхождения, не знающей Отца и демонстративно отрекшейся от матери, но помнящей ее и тоскующей по ней; босой и голодной; разоренной и разоряемой; грубой и обработанной софистикой. Все детали

Настиной биографии, обстоятельства появления на котловане и смерть в аллегорической форме изображают безысходность трагических поворотов российской истории, как их понимал Платонов; его представление о сущности современного общества и опасения писателя за будущее молодой страны.

После смерти матери Настя оказывается на стройке. Сюда девочку привел Чиклин, здесь она и поселилась, став для землекопов своего рода наглядной заменой еще не построенного «общепролетарского дома» — так же «веществом создания и целевой установкой партии» (58); «будущим радостным предметом» (64), ради которого стоит жить и работать. При этом Платонов называет Настю и «фактическим социализмом». В приписке к машинописному тексту, как мы отмечали, он отождествил ее с «новым историческим обществом». Таким образом, по совокупности обстоятельств и из прямого авторского текста понятно, что Настя олицетворяет и наличную реальность социализма; и уже «построенное» советское общество; и то будущее, которое создается; и тех людей, для которых строители трудятся. Короче говоря, девочка и дом — одно и то же, так что она могла бы смело сказать: «Дом, который вы предполагаете строимым, — это я». Пребывание Насти на фоне строящегося дома и ее с ним отождествление, конечно, тоже символичны, но они получают объяснение уже не в политической повседневности рубежа 1920–1930-х годов, а в тех произведениях, под влиянием которых написан «Котлован».

Следует отметить, что столь необычное построение образа, имеющего персонификацию своего настоящего («девочка-эсесерша») и символизацию идеала (строящийся дом), находит подтверждение в других произведениях Платонова. В раннем «Рассказе о многих интересных вещах» таким сложным образом является Невеста: устроенный «земной нацией большевиков» на месте прежней Суржи «один большой дом на всех людей», дом-сад, который назвали «Невеста», тоже имеет человеческую ипостась. Это девушка, Каспийская невеста, которая живет среди новоявленной нации большевиков и служит им связью с миром («через нее мы слушаем мир, через нее можно со всем побрататься»). Аллюзии, на которых построен образ Невесты, могут помочь и в прочтении образа Насти, но это также относится к культурным контекстам платоновской повести.

Итак, Настя умирает. Платонов недвусмысленно называет умершую девочку — настоящее советской страны — «мертвым семенем будущего» (308). На аналогии будущего молодой страны с судьбой умершей девочки и основан трагизм финала «Котлована». Это предупреждение об опасности хотел донести до

своих читателей Платонов. Смерть связывает Настю, олицетворявшую юное пролетарское государство, с теми детьми непролетарского происхождения, которые были «принесены в жертву революции». Труп Насти (а в ее лице и этих детей), погребенный вблизи котлована, становится тем краеугольным камнем, на котором будет возводиться все здание. Литературоведы квалифицировали захоронение Насти в фундаменте будущего дома как «строительную жертву», сравнив такое захоронение с языческим обычаем закладывать в фундамент живое тело. Захоронением мертвой Насти — «строительной жертвы» и жертвы строительства — котлован под будущее «здание» превращается в могилу[77].

Страна Советов, с которой Платонов сопоставляет свою юную героиню, имеет в повести два близких по значению, но не тождественных именования: «девочка-эсесерша» и «эсесерша наша мать». Так как СССР считался «общим домом пролетариату» и был тем местом, в котором возводилось «здание социализма», то «эсесерша-мать» естественно ассоциируется и с «общепролетарским домом», и с городом, где его строят и куда в поисках истины приходит Вощев. Этот многогранный Город вбирает в себя всю актуальную политическую проблематику «города» и расширяет свои границы до размеров страны. Но окончательное разрешение проблема «другого города», получает только в ретроспективе культуры.

Деревня и коллективизация

Главным событием «Котлована», стержнем его сюжета и проблематики является строительство «общепролетарского дома». Концентрацией же драматизма повести стали, без сомнения, деревенские сцены. Происходящее в деревне, видимо, дало не только непосредственный толчок к написанию «Котлована», но и дополнительную мотивировку заглавному образу. Именно деревенская часть позволяет довольно точно датировать время действия повести. Восстановим хронологию реальных событий, которые легли в основу этой части сюжета. Главное из них — «ликвидация кулачества как класса», о которой многократно упоминается в «Котловане».

На предложение Насти убить двух мужиков Сафронов отвечает: «Не разрешается, дочка: две личности это не класс <… > Мы же, согласно пленума, обязаны их ликвидировать не меньше как класс» (61–62). Активист объясняет интересующемуся построением плота середняку: «А это для ликвидации класса организуется плот», а затем пишет «рапорт о точном исполнении

мероприятия по сплошной коллективизации и о ликвидации, посредством сплава на плоту, кулака как класса» (84). При этом возникает коллизия с запятой, которую активист не ставит после слова «кулака», потому что в соответствующей директиве ее не было — вот несколько упоминаний о политике «ликвидации кулачества как класса» в тексте повести. Ту же самую формулу, заметил М. Золотоносов, Платонов еще и пародирует: «Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме» (63). Кроме того, Платонов неоднократно акцентирует ключевое слово данного лозунга: Вощев собирает в свой мешок «вещественные останки» «ликвидированных тружеников», а активист составляет из принесенного «перечень ликвидированного насмерть кулаком как классом пролетариата, согласно имущественно-выморочного остатка» (99); мужики в деревне «ликвидируют весь дышащий живой инвентарь» (86) и др.

Первое из этих упоминаний о политике «ликвидации кулачества» («мы же, согласно пленума, обязаны их ликвидировать не меньше как класс») было прокомментировано выше в связи с характеристикой Сафронова: его ссылка на пленум — это речевой штамп человека, плохо ориентирующегося в событиях политической жизни и равнодушного к ним. На самом деле политика «ликвидации кулачества как класса» провозглашена Сталиным в речи «К вопросам аграрной политики в СССР» на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.: «От политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике *ликвидации* кулачества как класса»[78]. По отношению к «кулачеству» власть, конечно, и раньше не была лояльной, а апрельский и ноябрьский пленумы принимали то или иное решение, декларирующее очередное наступление на «капиталистические элементы деревни» и «чрезвычайные меры против кулачества», но все дело было в ключевом слове политики, которая имела свое название для каждого временного отрезка: ограничение, вытеснение, наступление и, наконец, ликвидация (хотя сам Сталин в статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса», опубликованной 21 января 1930 г. в газете «Красная Звезда», уверяет запутавшееся в словах население, что это одна и та же политика). Хронология же событий после провозглашения Сталиным 27 декабря 1929 г. курса на ликвидацию кулачества такая.

6 января 1930 г. в «Правде» было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», на следующий

день воспроизведенное и другими газетами, где первым пунктом значилось: «перейти от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». 11 января «Правда» вышла с редакционной статьей «Ликвидация кулачества как класса ставится в порядок дня». 21 января «Красная Звезда» напечатала статью Сталина «К вопросу о ликвидации кулачества как класса». При этом самое первое печатное объявление о новой политике (публикация в «Правде» 29 декабря 1929 г. речи Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР») в выражении «ликвидация кулачества, как класса» имело запятую, последующие же публикации на эту тему и, вероятно, директивы непосредственным исполнителям были уже без запятой, что и озадачило активиста (на реальную основу его пунктуационных колебаний указал М. Золотоносов). Кампания по «ликвидации кулачества» (конфискация имущества, выселение и переселение в северные и отдаленные районы), как видно из публикаций в прессе, сводок ОГПУ и докладов наркому земледелия Яковлеву Я. А., началась во второй половине января 1930 г., а в некоторых областях даже в феврале (например, в ЦЧО)[79].

Но активист в «Котловане» не просто проводит «линию партии по ликвидации кулачества как класса». В «свежей директиве из области» его работа уже признана «сползанием по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии»; сам же он за то, что «забежал в левацкое болото правого оппортунизма», назван «врагом партии» и даже понес наказание (суровое — поплатился жизнью), правда, всего лишь от руки Чиклина, нанесшего активисту «карающий удар», но действующего, по словам Жачева, в согласии с линией партии («Твоя рука работает как партия»). Данные события связаны со следующим этапом в ходе «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса», который тоже имеет свою строгую хронологию.

После того как до руководства страны стали доходить сообщения о перегибах в ходе раскулачивания (раскулачивали середняков и даже бедняков, выселяли часто по личным мотивам, отбирали все до детской пеленки) и коллективизации (записывали в колхозы под угрозой высылки на Соловки, под дулом пистолета, а порой и заочно), а также о массовых крестьянских волнениях, 2 марта 1930 г. Сталин выступил в «Правде» со знаменитой статьей «Головокружение от успехов». А 15 марта было опубликовано «Постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором было предложено «всем партийным комитетам повести

решительную борьбу с этими искривлениями и их носителями», виновных «привлечь к строжайшей ответственности», газете же «„Правда“ — систематически разоблачать искривления партийной линии». Вскоре (3 апреля) появилась в «Правде» и статья Сталина «Ответ товарищам колхозникам» с обвинениями в адрес «опьяненных успехами товарищей», которые «стали незаметно сползать с пути наступления на кулака на путь борьбы с середняком».

Вот что говорят документы о случившемся после публикации постановления ЦК ВКП(б) и очередной статьи Сталина. В «Справке Информационного отдела ОГПУ о перегибах в ходе коллективизации в Московской области по материалам на 19 марта 1930 г.», составленной зам. председателя ОГПУ Ягодой, отмечается растерянность и замешательство среди проводивших коллективизацию «в связи с последними директивами партии о борьбе с административными перегибами и головотяпством». В несколько более поздней «Политсводке секретариата Совнаркома СССР по приему заявлений и жалоб по вопросам сельского хозяйства» от 3 апреля 1930 г. значится: «Имеются уже жалобы местных работников на привлечение их к ответственности за перегибы и искривления при коллективизации». А апрельские и майские сводки говорят о массовом привлечении к судебной и административной ответственности исполнителей партийных решений по коллективизации и раскулачиванию. В «Докладной записке прокурора ленинградской области Кондратьева в обком ВКП(б) С. М. Кирову о перегибах в деревне» от 24 апреля 1930 г. отмечается: «Возбуждено уголовных преследований за перегибы и искривления — 111 дел (по 4 округам)». В сводке НКВД РСФСР «О количестве привлеченных к ответственности за извращения и перегибы в колхозном строительстве», составленной в начале июня 1930 г. (не позднее 6 июня), дана информация уже и об осужденных, число которых по ЦЧО, например, достигло 1201, а по Ленинградской области — 154 человек. При этом в примечании к сводке отмечается, что сведения с мест получены неполные, а среди осужденных есть и приговоренные к расстрелу[80].

Действия активиста тоже были осуждены (в тех же выражениях, которые содержались в указанном постановлении ЦК и статье Сталина), а сам активист даже понес наказание — строго в соответствии с директивами партии и практикой их исполнения на местах.

На основании реального контекста событий повести можно сделать предположение и о том времени, когда Платонов приступил к работе над «Котлованом» — скорее всего, это

произошло не раньше апреля 1930 г. Прочие события деревенской части повести также имеют под собой реальную основу.

Предзнаменованием трагического финала «Котлована» и зловещим прологом к деревенской части является история с гробами, которую Платонов перенес сюда из написанного незадолго киносценария «Машинист». Эти гробы крестьяне приготовили в преддверии коллективизации, спрятали в овраге как свое последнее и самое дорогое имущество, к которому приставили охрану — мужика с желтыми глазами. Гробы нашли строители дома и два из них взяли для Насти — живой цели и смысла своего труда. За гробами приходит на котлован другой мужик, Елисей, требуя их назад со словами: «У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство!» (61). Появление же гробов Елисей объясняет так: «Мы те гробы по самообложению заготовили» (60).

В этих словах есть ирония, которую не может почувствовать современный читатель. «Самообложение» — вид местного налога и фактически принудительное изымание денежных средств у сельского населения. Собранные «по самообложению» средства должны были идти на «удовлетворение имеющих общественное значение местных культурных и хозяйственных нужд»[81]. Считалось, что решение о сборе средств на строительство дорог, школ, больниц, колодцев, кладбищ и прочих объектов общественного значения принимается на общем собрании и по общему согласию жителей данного селения. Размер «самообложения» определялся в процентном отношении к сельхозналогу (который в свою очередь зависел от величины и крепости конкретного крестьянского хозяйства). Поэтому основной тяжестью «самообложение», как и прочие налоги, ложилось на зажиточных крестьян. К собранным «по самообложению» средствам местная власть часто относилась бесхозяйственно и безответственно, что констатируют и периодические издания. Поэтому крестьяне, измученные всякими налогами и поборами, сдавать деньги на «самообложение» не хотели, комментируя свое нежелание так: «Советской власти нужно строить, пусть сама и строит, а мы и так проживем». Однако советская власть процесс по сбору средств (а также по их расходованию) строго контролировала и «на самотек» не отпускала — принятием соответствующих законов, установлением «рекомендуемого» процента отчислений[82] и пр. Таким образом, само слово «самообложение» должно было восприниматься с иронией. Но платоновские крестьяне, заготовившие гробы впрок, сделали это действительно «по самообложению», т. е. на свои кровные деньги и по взаимному

согласию, а не на «средства самообложения» (им бы этого никто не позволил). Данный эпизод — один из примеров типичного для Платонова обыгрывания того или иного понятия политического жаргона.

Гробы и осуществляют переход от городской части сюжета к деревенской: вслед за основной партией гробов отправляется в деревню Вощев, за последними двумя уходит и Чиклин. Эти два гроба потребовались для убитых в деревне Сафронова и Козлова. Необходимость отправки туда рабочих Пашкин объясняет так: «Бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу и нужно туда бросить что-нибудь особенное из рабочего класса, дабы начать классовую борьбу против деревенских пней капитализма» (64).

Сафронов и Козлов, таким образом, оказались в деревне во исполнение решения ноябрьского пленума 1929 г. «направить на укрепление колхозов не менее 25 000 раб. с достаточным организационным и политическим опытом»[83]. В начале 1930 г. газеты полны сообщений о подготовке, отправке и «движении рабочих колонн в деревню» в помощь начавшейся «сплошной коллективизации», о «рабочем шефстве над деревней» и т. д.

Пашкин называет крестьян, против которых посланные в деревню особо сознательные рабочие должны вести классовую борьбу, «пнями капитализма». Эти слова представляют собой платоновскую переделку устойчивого фразеологического оборота данного времени — «выкорчевывать корни капитализма»:

«Мы **выкорчевываем** последние **корни капитализма** в нашей стране»[84].

«Развертывание коллективного движения в округах сплошной коллективизации является мощным выражением победоносного наступления социализма на капиталистические элементы. **Выкорчевываются самые корни капитализма**. <…> Бурный и все нарастающий темп колхозного строительства, охватывающий не только селения и районы, но и целые округа, демонстрируя переход по всей линии к **выкорчевыванию корней капитализма**»[85].

Фразеологизм «выкорчевывать корни капитализма» принадлежал, видимо, самому Сталину и был преобразован из его же более нейтральных речений «вырвать корни капитализма» и «уничтожить корни капитализма». В речи на пленуме МК и МКК 19 октября 1928 г. он заявил:

«Мы свергли капитализм, установили диктатуру пролетариата и развиваем усиленным темпом нашу социалистическую промышленность, смыкая с ней крестьянское хозяйство. Но мы еще **не вырвали корней капитализма**»[86].

В речи на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) «О правом уклоне в ВКП(б)» Сталин развил свою мысль:

«Можно ли провести в жизнь вытеснение капиталистов и уничтожение корней капитализма без ожесточенной классовой борьбы? Нет, нельзя»[87].

Осенью 1929 г. Сталин говорит уже о «**выкорчевывании корней капитализма**»: ноябрьский пленум 1929 г. в соответствии с проводимой политикой притеснения крестьян провозглашает курс «на решительную борьбу с кулаком, на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве»[88]. Выражение «выкорчевывать корни капитализма» в политическом языке этого времени приживается. Отныне официальные документы, а за ними и средства массовой информации постоянно говорят о необходимости «выкорчевывать корни капитализма», а сам Сталин даже предлагает «выкорчевывать с корнями», например «выкорчевать с корнями все и всякие буржуазные теории»[89]. А. Платонов, чуткий к слову и его внутреннему значению, а также с болью воспринимающий все, что происходило в стране, «исправляет» главного специалиста по русскому языку: уж если что-то выкорчевывать, то пни (выкорчевывать корни — очевидная тавтология). Кроме того, он пародирует и идею Сталина о капиталистической опасности со стороны крестьян: если с ними так серьезно борются, то пусть будут хотя бы «пнями», а не «корнями».

Собственно деревенская часть «Котлована» начинается с прихода в деревню Чиклина, который первым делом попадает на «обобществленный двор № 7 колхоза имени Генеральной линии», где живет «активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе» (67). Этот активист — один из ярких персонажей повести. Он проводит разделение крестьян по классовому составу, «ликвидацию кулачества как класса посредством сплава на плоту», запись в колхоз и т. д. — все действия активиста известны. Активисту посвящено много интересных исследовательских страниц. Однако среди рассуждений об этом персонаже встречаются и неточности. Так, например, М. Геллер пишет: «Партию в колхозе представляет активист»; или даже «активист — обобщенный образ партийного руководителя в колхозе». Ошибочность такого представления раскрывается при знакомстве с документами времени: принимавшие самое активное участие в коллективизации «активисты» не были ни коммунистами, ни комсомольцами, а являли собой третью движущую силу (наряду с коммунистами/комсомольцами и ОГПУ — НКВД) «социалистического преобразования деревни» — «актив

бедноты». Впрочем, Платонов говорит об этом открытым текстом: он называет активиста «подручным авангарда» (68) (авангард — это, как известно, партия, которая есть передовой отряд рабочего класса).

Понятие «активист» применительно к общественной жизни нашей страны сначала было достаточно новым и устоялось только к концу 20-х годов. «Политический словарь» 1928 г. под редакцией А. И. Стецкого дает еще такое определение: «Активист — сторонник решительных действий; в некоторых странах (например, в Финляндии) активист то же, что фашист». Но приблизительно с 1929 г. этот термин все прочнее входит и в жизнь нашего народа. С января 1929 г. начинает издаваться журнал «Советский активист», который в первом номере поясняет: «Сплоченная вокруг советов и партии армия работников и составляет наш актив». В конце 1929 — начале 1930 гг., т. е. в период проведения «сплошной коллективизации», понятие «активист» на некоторое время закрепляется за деревенской жизнью. «Активистами» называли именно «подручных авангарда», т. е. ту часть деревенской бедноты, которая активно помогала коммунистам в проведении всех партийных инициатив. В это время и средства массовой информации, и народ «активистов» и «коммунистов», как правило, различают и даже противопоставляют. Например, в одной из статей журнала «Деревенский коммунист» дается такое определение активиста: «не просто бедняк и середняк <…>, а действительно преданный делу социалистической перестройки деревни, непосредственный участник и активный проводник политики партии по построению крупного обобществленного хозяйства, в повседневной работе последовательно борющийся за полную социалистическую переделку крестьянина <…> — такой колхозник является действительным представителем нового типа деревенского актива, актива строителей социалистической деревни»[90].

Пресса находит нужным периодически закреплять в сознании читателей как значение этого относительно нового понятия, так и значительность вклада «активистов» в дело коллективизации и раскулачивания: «Хлебозаготовки, посевную и другие кампании мы успешно провели потому, что на местах партийные организации смогли организовать под своим руководством бедняцко-середняцкие массы, которые принимали активное участие в выполнении директив партии и советской власти. В процессе этой работы на местах *образовался актив по разным отраслям работы.* <…> Были и такие активисты, которые в период проводимых кампаний не спали, не ели, не считались ни с чем, все время помогая местным партийным ячейкам»[91].

Последнее упомянутое обстоятельство из жизни активистов («не спали, не ели, не считались ни с чем») роднит с ними и платоновского «активиста» («разве он ел или спал вдосталь или любил хоть одну бедняцкую девицу? Он чувствовал себя как в бреду, его сердце еле билось от нагрузки») (107).

То же самое об этой «движущей силе» коллективизации говорят и неофициальные свидетельства времени — письма:

«Коллективизация продолжалась. <…> Коммуниста ни одного в сельсовете не было, не было и комсомольцев, все делали активисты»; «Согласно указанию колхозной газеты, напечатанной от 25/11–30 г. за № 8(12), где прямо говорится, что раскулачивание производится таким образом: актив намечает хозяйства, подлежащие раскулачиванию и вносит свое постановление и передает свое постановление на утверждение пленума сельсовета <…> В действительности дело обстояло таким образом: уполномоченный РИКа совместно с местным активом, без всяких бы то ни было собраний бедняцко-середняцкой массы <…> приступал к раскулачиванию хозяйств <…> и намеченные активом хозяйства выгоняются из домов. <…> Актив раскулачивал пристрастно»; «Появились члены партии, комсомольцы и активисты из бедноты, группами в ночное время, к кулаку заходили во двор, открывали сараи, выводили лошадей»; «Активисты запрещали соседям обогревать выгнанных на улицу людей»; «Сплошная коллективизация. По дворам актив забирал сельхозинвентарь и семена»; «В штабах-комсодах у нас работали коммунисты, комсомольцы, активисты»; «Кто же были эти „активисты“? Голытьба, пьянь, лодыри»[92] и т. д.

Платоновский «активист» водку не пил, но зато «запустел, опух от забот и оброс редкими волосами по толстому лицу, похожему на женскую наружность» (67) и был «до того поганый», что «даже самые незначительные на лицо бабы и девки» не хотели выходить за него замуж (110). Да и причина его активности заключалась не в одной преданности партии, но и в стремлении «хотя бы в перспективе заслужить районный пост» (107).

Остальные детали коллективизации и раскулачивания, равно как и поведения активиста в изображении Платонова, тоже имеют под собой реальную почву. Многие реплики активиста основаны на сталинских цитатах. Остановимся на тех действиях и высказываниях активиста, которые могут вызывать вопросы у современного читателя.

Активист пугает уже записанных в колхоз крестьян тем, что он их «расколхозит»: «А знаете ли вы, что такое расколхозивание? Имейте же в виду, что это вам будет не раскулачивание, когда каждый неимущий рад! Я и неимущего расколхожу!» (72).

И периодические издания конца 1929 г. — начала 1930 г., и отчеты в ЦК областных партийных руководителей, и письма самих крестьян наряду с информацией о коллективизации полны свидетельств об обратном процессе — «чистке колхозов» и изгнании из них некоторых членов. Официальная версия этого мероприятия такая: многие колхозы «засорены» кулаками и являются «лжеколхозами», поэтому и подлежат «чистке». Газеты бьют тревогу о «попытках кулачества пролезть в колхозы» и «взорвать их изнутри»[93]. В ответ на это ОГПУ рапортует о массовом исключении из колхозов: «Всего по округу вычищено 1168 хозяйств». Но уже и сами партийные лидеры признают, что многие «товарищи наделали глупостей, когда исключали середняков из колхозов»[94]. Крестьянские же свидетельства об этом — самые горькие: некоторых из них сначала загнали в колхоз со всем имуществом, а потом выгнали — уже без имущества:

«В 1930 году отец вступил в колхоз и все сдал: и скотину, и мельницу, и инвентарь. А зимой нас из колхоза вычистили»[95].

Понятно, что таким «расколхозенным» крестьянам было гораздо хуже, чем раскулаченным.

А тех крестьян, которые еще не решились вступать в колхоз, активист агитирует такими словами: «Вы, что ж, опять капитализм сеять собираетесь, или опомнились?» (82). «Сеять капитализм» — это очередная платоновская переделка излюбленных оборотов Сталина, в данном случае — «насаждать колхозы» или даже «пересаживать» их:

«Советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре, <…> вовремя оказала ему помощь в виде <…> насаждения колхозов»[96];

«Необходимо еще кроме всего прочего насаждать в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов»[97];

«Нельзя насаждать колхозы силой. <…> Нельзя механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые»[98] и пр.

Платонов пародирует сельскохозяйственную образность в высказываниях вождя: «сеять капитализм» есть некое отрицательное поведение, противоположное положительному — «насаждать колхозы».

Разделение крестьян активист осуществляет на основании «поминальных листков» и им же составленной «классово-расслоечной ведомости», в которой он «метил знаки» своим разноцветным карандашом, применяя то синий, то красный цвет (83). В этой «расслоечной» ведомости активист помечает, кто из

крестьян подлежит «на плот», а кто — в колхоз (87). О наличии подобных «списков» у реальных проводников коллективизации и о фактическом разделении деревни говорят документы:

«Главным коньком дубровинских головотяпов при проведении коллективизации было два списка <…> Громогласно заявлялось, что один список для тех, кто идет в колхозы, кто за советскую власть, а другой для тех, кто против колхозов, кто желает выселиться из пределов района на пески»[99];

«Разделили деревню на два лагеря и открыли полный террор»[100] и др.

Разноцветный карандаш (красный — с одной стороны, синий — с другой) активист завел в подражание Сталину, использовавшему красный и синий цвета такого карандаша для разных по содержанию резолюций.

Ликвидировав кулачество как класс «посредством сплава на плоту» (84) и отрапортовав об этом в район, активист все же не доволен своей деятельностью и выражает свое недовольство в таком внутреннем монологе: «мог бы весь район стравить на коллективизацию, а ты в одном колхозе горюешь; пора уж целыми эшелонами население в социализм отправлять» (101). В последней фразе этого монолога М. Золотоносов и другие исследователи[101] отмечают перекличку с высказыванием Сталина в статье «Год великого перелома»: «Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, а целыми селами, волостями, районами, даже округами». Свою мысль о росте колхозного движения Сталин повторяет неоднократно: «Крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, районами».

Сталинская фразеология во многом формировала язык периодики и через нее — части населения страны. Оборот «не отдельными группами, а целыми селами, волостями, районами» или «целыми деревнями, волостями, районами» тоже стал штампом и породил серию подобных высказываний, например: «Целыми сменами, цехами, заводами вступали рабочие в ряды большевиков»[102]. Внешнюю форму этого оборота не оставил без внимания и Платонов: в его повести посетители приходили в пивную «целыми дружными свадьбами». Но фраза «пора уж целыми эшелонами население в социализм отправлять» совершенно другого порядка. Здесь перекличка Платонова с вождем, как часто бывает у него при цитации чужого материала, подчинена другой логике: Платонов не столько воспроизводит структуру и лексику первоисточника, сколько корректирует его

реальностью. Построенная на сталинской цитате фраза «пора уж целыми эшелонами население в социализм отправлять» — это итог реального построения социализма на фоне былых идеалов. И слово «эшелон» здесь совершенно не случайное. Именно оно присутствует почти во всех как официальных, так и не официальных сообщениях о высылке раскулаченных крестьян в северные районы:

«Органы ОГПУ обязаны тщательно наблюдать за отбором высылаемых и за проведением раскулачивания. <…> Коменданты сборных пунктов непосредственно связаны с ячейками органов ТО ОГПУ, ведающих составлением эшелонов»; «Перевозка производится целыми эшелонами в составе 44 теплушек»;

«Спецсводка ПП ОГПУ по Северному краю о приеме и размещении ссыльно-кулацких семей, прибывших эшелонами № 401, 501, 302, 103, 104»; «На 26 марта принято из намеченных нам 130 эшелонов по краю 95 эшелонов кулацких семей в количестве 169 901 чел., мужчин 54 447, женщин 51 967 и детей 63 487 чел.»[103];

«В лагере уже поселены десятки тысяч людей всех возрастов и каждый день прибывают все новые и новые эшелоны»; «Кого вы раскулачиваете? Кого ссылаете? Тех, кто годами трудился своими мозолями в своем хозяйстве, <…> в эшелонах вы убиваете голодной смертью»[104] и т. д.

Слово «эшелон» Платонов употребляет в «Котловане» еще два раза: он называет плот, посредством которого активист «ликвидирует кулачество», «кулацким речным эшелоном». Кроме того, вернувшиеся на котлован строители дают такую характеристику своему прежнему жилищу:

«Завтра надо опять к Пашкину сходить, — сказал Жачев, успокаиваясь в дальнем углу барака, — пускай печку ставит, а то в этом деревянном эшелоне до социализма не доедешь» (113).

Так писатель подводит печальный итог коллективизации и индустриализации как составных частей сталинской политики по построению социализма в СССР. И делает он это с помощью сталинской же цитаты, в которой заменяет слово на то, которое более соответствовало реальности.

Главный герой повести Вощев обращается и к активисту со своим сакраментальным вопросом: «А истина полагается пролетариату?» Ответ активиста с точки зрения реального контекста тоже весьма любопытен: «Пролетариату полагается движение, — произнес справку активист, — а все, что навстречу попадется, то все его: будь там истина, будь кулацкая награбленная кофта, все пойдет в организационный котел, ты

ничего не узнаешь» (71).

Убеждение в том, что «пролетариату полагается движение», активист почерпнул из таких устойчивых оборотов времени, как «революционное движение», «рабочее движение», «освободительное движение», «ударное движение», «профдвижение», «физкультурное движение» и, наконец, близкое сердцу активиста «колхозное движение», а также из сталинской манеры сокращать эти обороты до ключевого слова, например:

«Теория преклонения перед стихийностью решительно против революционного характера рабочего **движения**, она против того, чтобы **движение** направлялось по линии борьбы против основ капитализма, — она за то, чтобы **движение** шло исключительно по линии „выполнимых“, „приемлемых“ для капитализма требований <…> Она за то, чтобы партия вела за собой **движение**, — она за то, чтобы сознательные элементы движения не мешали **движению** идти своим путем»[105];

«Иногда спрашивают, нельзя ли замедлить темпы, придержать **движение**. Нет, нельзя, товарищи»[106].

Возможно, активист был знаком и с положением диалектического материализма о том, что «мир есть движущаяся материя или: мир есть материальное движение»[107]. Фразеологические штампы, построенные на идее движения (кроме вышеназванных, приведем, например, такой оборот: «Идеи Ленина двигают массами»[108]), тесно связаны и с идеологемой «движение к социализму», которая питала и сталинскую программу темпов первой пятилетки. Мысль о неуклонном движении пролетариата к социализму Платонов корректирует печальной реальностью: «а все, что навстречу попадется, то все его: будь там истина, будь кулацкая награбленная кофта, все пойдет в организационный котел, ты ничего не узнаешь». Факты хищения кулацкого имущества во время раскулачивания (этой формы «колхозного движения» и разновидности «революционного движения») хорошо известны, поэтому мы не будем приводить их документального подтверждения.

Требует комментария и последняя директива, полученная активистом из области и ставшая ему приговором, приведенным в исполнение Жачевым. В этой директиве «отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии» (106). Как мы писали выше, подобные директивы появились после статьи Сталина «Головокружение от успехов» (2 марта 1930 г.); публикации в «Правде» «Постановления ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (15 марта 1930 г.), в

котором было предложено «всем партийным комитетам повести решительную борьбу с этими искривлениями и их носителями», а виновных «привлечь к строжайшей ответственности»; и статьи Сталина «Ответ товарищам колхозникам» (3 апреля) с обвинениями в адрес «опьяненных успехами товарищей», которые «стали незаметно сползать с пути наступления на кулака на путь борьбы с середняком»[109]. Язык этих документов и обыгран в той директиве, которую получает активист, допустивший «сползание по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии». Другие положения данной директивы тоже могут быть прокомментированы сталинскими выступлениями и реальным контекстом 1930 г. Так, например, директива предлагала «обнаружить выпуклую бдительность актива в сторону среднего мужика: раз он попер в колхозы, то не является ли этот генеральный факт таинственным умыслом, исполняемым по наущению подкулацких масс, — дескать, войдем в колхозы всей бушующей пучиной и размоем берега руководства» (106).

В речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. «К вопросам аграрной политики в СССР» Сталин тоже предлагал обратить внимание на середняка:

«Характерная черта нынешнего колхозного движения состоит в том, что в колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, как это было до сих пор, но в колхозы пошел в своей массе и середняк. Это значит, что колхозное движение превратилось из движения отдельных групп и прослоек трудящихся крестьян в движение миллионов и миллионов основных масс крестьянства».

Что означает разница в интерпретации сего факта — «в колхозы попер середняк» (Сталин: «колхозное движение превратилось <…> в движение миллионов и миллионов основных крестьянских масс»; Платонов: «таинственный умысел, исполняемый по наущению подкулацких масс, — дескать, войдем в колхозы всей бушующей пучиной и размоем берега руководства»)? В это время (конец 1929 г. — начало 1930 г.) в печати, как мы писали выше, появляется масса публикаций на тему «кулаки в колхозе», в которых разоблачались «попытки кулачества пролезть в колхозы» (продают свое имущество, чтобы сойти за бедняков) и «взорвать их изнутри»[110]. Это явление расценивается как проявление «классовой борьбы в колхозах». В рамках очередной идеологической установки проходит «чистка колхозов», в ходе которой «вычищаются» в основном середняки, так как «кулаков» просто не было. Как свидетельствуют письма «раскулаченных» крестьян, «кулаков» вообще было мало; большинство же «раскулаченных», равно как и «вычищенных» из

колхозов, были середняками. Платонов и восстанавливает их в статусе, тоже прибегая к сталинской цитате.

Последняя в жизни активиста директива осуждала его за то, что он ищет чего-то «после колхоза и коммуны более высшего и более светлого, дабы немедленно двинуть туда местные бедняцко-середняцкие массы» и что «просит прислать ему примерный устав такой организации» (107).

В объяснение этого фрагмента следует сказать, что «примерных уставов» рекомендуемых крестьянам «организаций» было разработано два. Первый опубликован 6 февраля, в самый разгар коллективизации. Этот устав, на основании которого сначала и создавались колхозы, а также обобществлялось все имущество крестьян, включая постройки, мелкий скот и пр., давал установку на коммуну. Когда же до руководства страны стали доходить сведения о массовых выступлениях крестьян, доведенных до отчаяния прежде всего потерей своего имущества, власть принимает решение в срочном порядке выработать новый устав колхозов, теперь уже на основе сельхозартели. Этот новый «Примерный Устав сельхозартели» был опубликован 2 марта вместе со статьей Сталина «Головокружение от успехов». Все страсти вокруг устава возникают после этой публикации. «Активисты» возмущены и говорят о вредительстве, у крестьян же появляется надежда. Устав от 6 февраля называют «старым», а от 2 марта — «новым»:

«На основе старого устава в еросе обобществили: постройки, лошадей, коров, свиней, овец, кур, гусей и проч. <…> Я выступил с предложением: форсировать директиву ЦК и новый устав (имею в виду статью тов. Сталина). <…> Держаться за хвост коровы в то время, когда из-под ног будет ускользать коллективная почва, по меньшей мере непонимание целевой установки нового устава и директивы ЦК»; «Колхозы росли, как грибы, и местные и районные работники хватались за голову, которая у них кружилась от успеха. <…> И вот статья т. Сталина и устав, в котором ряд изменений и дополнений. Газету пытались спрятать (Шиш. Дубр. с/с)». Крестьянам, которые на собрании цитировали новый устав, грозили: «Кулацкие подпевалы, взять на карандаш»; «Мужики села Каменки просят, чтобы собрали собрание и зачитали новый устав»[111].

Но платоновский активист верит в партию и в ее возможности найти что-то еще «более высшее и более светлое» после колхоза и коммуны, ждет от нее новых решений и устава такой организации.

Помощь в коллективизации активисту оказывает самый необычный герой платоновской повести — медведь-молотобоец,

или Миша Медведев. Реальную основу этого сказочно-сюрреалистического образа отмечали исследователи платоновского творчества: в одной из кузниц Ямской слободы Воронежа работал молотобойцем медведь.

На политические аллюзии, которые содержатся в образе этого врага мужиков и в его кузнечном ремесле, указывает М. Золотоносов: кузнец в мифологии наделен функцией демиурга; Сталин, «металлическая» фамилия которого способствует отождествлению вождя с кузнецом, тоже претендовал на творчество нового мира. В связи с этим не исключено, что какой-то политический подтекст имеет и описание батрацкого прошлого медведя: «в старинные года» он «корчевал пни» на угодьях мужика, которому теперь отомстил; мужик же этот «давал ему пищу только вечером — что оставалось от свиней, а свиньи ложились в корыто и съедали медвежью порцию во сне» (92). Выше мы писали, как Платонов заменяет «корни» на «пни» в сталинском выражении «выкорчевывать корни» — былое занятие молотобойца тоже перекликается со сталинским выражением. Ужин же со свиньями, которые объедали будущего молотобойца, напоминает евангельскую историю блудного сына. Но возможно, что эти дополнительные детали, на которые мы указали, и не имеют большого значения; во всяком случае оно не очевидно.

Однако какие-то реальные источники, кроме работающего в Ямской слободе медведя, у образа платоновского героя, возможно, были — просто таковы законы поэтики Платонова. Наверняка тут утверждать ничего нельзя, можно только строить предположения. Например, такие. Немаловажную роль в «ликвидации кулачества» играли «органы безопасности». Как известно, в конце 1929 г. — начале 1930 г. (когда и происходит накопление материала к «Котловану») Платонов жил и работал в Ленинграде. Начальником ГПУ — УНКВД по Ленинграду и области в 1929–1934 гг. был Медведь (Медведев) Филипп Демьянович. Возможно, какие-то его действия и личные качества тоже проявились в образе платоновского героя? Может быть, это были как раз те человеческие черты, которые отмечали в медведе исследователи платоновского творчества: любовь к водке и дисциплине?

Почти все рассмотренные нами коллизии и эпизоды деревенской части «Котлована» связаны с творцами и исполнителями сталинской политики по «социалистическому преобразованию деревни». Однако эмоциональным центром и вершиной трагизма в платоновской повести являются прежде всего судьбы крестьян. Многие обстоятельства коллективизации и

раскулачивания известны и по другим литературным источникам. Но уникальность «Котлована» состоит именно в оценке случившегося с крестьянством в процессе этого «преобразования»: Платонов изображает трагедию крестьянства как прижизненную смерть души.

Тема смерти задана уже в сцене прихода Елисея на котлован — за спрятанными в овраге гробами. Как мы отмечали выше, ситуацию заготовки гробов впрок Платонов полностью переносит из киносценария «Машинист». Для понимания этого зловещего символа обратимся к рукописи либретто киносценария, опубликованного в сборнике материалов творческой истории «Котлована».

В «Машинисте» тоже две части, городская и деревенская. Действие деревенской части, как и в «Котловане», происходит в «Колхозе имени Генеральной Линии». Организацией колхоза в «Машинисте» также занимается Активист (только здесь Платонов пишет его кличку с большой буквы). По сюжету киносценария гробы мужики сначала делают, затем готовые волокут во дворы, «ставят их в глушь бурьяна и ложатся в них» (313). То состояние, которое загоняет живых крестьян в гробы, Платонов передает через образ Середняка, белые глаза которого «равнодушны и почти мертвы» (313), руки — «бездушные» (315) и весь он «омертвевший» (317): это внутреннее опустошение и омертвение. Из рукописи киносценария Платонов вычеркивает такой характерный диалог Активиста с Середняком:

«Активист наблюдает сонное копание мужика.

„Ты что там как мертвый? Где у тебя душа — психология?“

Середняк:

„Ты ее у меня всю организовал“» (354).

Справа от этого диалога Платонов рисует линию и пишет: «без души». Таким образом, гробы становятся метафорой смерти души и превращения человека в «живой труп». Чем вызвана эта смерть, по тексту «Машиниста» не совсем понятно — вроде бы это и действия Активиста, но в то же время и бессилие самих крестьян перед природой, заболоченность окружающих территорий и отсутствие достаточного количества посевных площадей. Но вот крестьянам приходят на помощь рабочие из города. Они привозят экскаватор и осушают местные болота, которые вместе с Активистом и высасывали жизнь из мужиков. После этого мужики «поднимаются из гробов» (318), Середняк оживает и «поет от оживления» (320). Гробы же «раскалываются и идут в топку экскаватора» (321). После ликвидации Активиста мужики окончательно возвращаются к жизни, всем хорошо и весело — таков оптимистический финал «Машиниста».

Киносценарий был написан Платоновым, видимо, в начале 1930 г. и с явной ориентацией на некоторые идеи речи Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» 27 декабря 1929 г.: о новых взаимоотношениях между городом и деревней, в результате которых деревня, переходящая «на рельсы колхозов», получает из города машину, трактор, реальную производственную помощь, что дает крестьянину возможность «расширять посевные площади», «обрабатывать целину и заброшенные земли» и т. д. Эта помощь рабочих, считает Сталин, «преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу», а также служит «для связи между городом и деревней». В этом и состояла сталинская разработка ленинской теории «смычки» между городом и деревней: Ленин говорил о НЭПе и товарообмене как условии для «смычки», Сталин — о поддержке колхозного движения машинами и другой производственной помощи города. «Машинист» является в некотором роде иллюстрацией к речи Сталина: осушением болот и реальной помощью деревне рабочие создают новые посевные площади, преобразуют психологию крестьянина, открывают перед ним новые возможности и в конце концов обеспечивают необходимую «смычку». Хотя, конечно, в идеи Сталина платоновский киносценарий вносит некоторые коррективы, касающиеся и сути тех преобразований крестьянской психологии, которые происходят в результате технической помощи из города; и роли Активиста в деревенской жизни.

В «Котловане» Платонов сохраняет и двухчастную структуру киносценария («город и деревня», как назывался один из разделов сталинской речи), и общую ориентацию на эту работу Сталина, но меняет концепцию «смычки» — теперь уже Вощев приводит крестьян в ту же пропасть, которая уготована и рабочим.

По сравнению с киносценарием в «Котловане» гробы никто не ломает, потому что нужда в них не проходит (крестьяне не «оживают»), значение же гробов как метафоры смерти — и души, и тела — остается. В гробах лежат крестьяне, которые уже ликвидировали нажитое имущество или сдали его «в колхозный плен». Один из них объясняет свое состояние: «душа ушла изо всей плоти» (78). Некоторые мужики оказались более просвещенными: «один сподручный актива научил их, что души в них нет, а есть лишь одно имущественное настроение, и они теперь вовсе не знали, как им станется, раз не будет имущества» (83). Колхозники признаются: «В нас один прах остался» (87), — и живут «в душевной пустоте» (95). Внутреннюю опустошенность «организованных» мужиков Платонов подчеркивает сравнением их с «порожними штанами»: «люди валились, как порожние

штаны» (98).

На таком изображении деревни-кормилицы периода коллективизации сказалось и то значение, которое в творчестве Платонова имела гоголевская (или, как он сам говорит, пушкинская) тема «мертвых душ». Эта тема впервые появляется в ранней публицистике писателя и уже не уходит из его произведений, хотя смысл ее, внутреннее содержание данной метафоры на протяжении творческого пути изменяется. Немаловажную роль в трактовке темы «мертвых душ» в период «Котлована» сыграли, видимо, и языковые штампы, которые во множестве расползлись по газетным публикациям, например: «Мертвые души не могут руководить живым делом»; «Живые дела и мертвые люди», «Мертвые души в завкоме»; «Мертвые души нам не нужны» и т. д. Таким «мертвым душам» периодика противопоставляет «живые силы советской общественности». «Мертвыми душами» периодические издания 1929–1930 гг. называют людей, равнодушных к проблемам «построения социализма» и темпам этого строительства. Вероятно, обилие таких штампов в публицистике данного времени отражало реальную ситуацию и глубокое безразличие основной массы народа к проводимой политике. Выше мы писали о таких формах общественного порицания «живущих без участия в строительстве», как «черные доски», «черные кассы», «кладбища прогульщиков» и «гробы пятилетки». Вот, например, что пишет о настроениях среди городской части населения страны один из жителей Харькова в своем «Открытом письме Председателю совнаркома т. Молотову»:

«Бесконечные собрания, заседания, доклады, информации, повторение одного и того же, десятки раз известного из газет, убивает интерес, служит причиной непосещений, утомляет, изнашивает здоровье и отражается на производительности. <…> Среди масс на почве всяких затруднений растет злоба, антагонизм, каждый ищет виновника <…> Ударничество, соревнование. Это же искусственная, условная вещь, достижения в количестве за счет качества, короткий эффект, а затем прорыв»[112].

Но даже на фоне общей подавленности и апатии все-таки сильно выделялось положение и настроение крестьян. Документальные свидетельства этого времени говорят об угнетенном состоянии людей, нежелании жить и массовых самоубийствах. Приведем выдержки из крестьянских писем 1930 г. Некоторые из писем подписаны, некоторые — анонимные:

«Вот и думаешь, да что, живу ли я? <…> Нам чем скорее помереть, тем лучше. <…> Все стало мелочью, человек тоже.

<…> У нас надо знать и думать только согласно законам, т. е. быть автоматом. <…> За это писание меня наверное в 12 ч. ночи потащат в ГПУ, но я и так помираю»; «Едва ли кто из живущих наблюдал когда-нибудь столь чудовищно подавленное и угнетенное состояние человечества. <…> Угрюмо подчиняясь дикой стихии, крестьянская масса спешила в колхозы целыми селениями и к концу января сплошная коллективизация была выполнена на сто процентов. К концу марта, после статьи Сталина „Головокружение от успехов“, созданные столь усиленной работой колхозы совершенно распались. Весна. Растерянное крестьянство толкается из стороны в сторону с опущенными руками»; «Все мужики враждебно относятся к сплошной коллективизации, пропивают последнюю копейку, режут скот, продают имущество, все гонят к концу»; «У нас растут самоубийства каждый день»; «Кулаков ликвидируют, а бедняков лишают жизни»; «Нежелание ни пахать, ни сеять, ни расчищать новые луга»[113];

«Теперь слезы льют все крестьяне за то, что им приходится расставаться со своим хозяйством, собственность — это душа долой, трудно расстаться»;

«Много (людей) с ума сходят, так что страшно смотреть»; «Люди пухнут от голода и вешаются»[114] и т. д.

Такое нежелание жить и обобщает Платонов в образах лежащих в гробах крестьян, у которых «душа ушла изо всей плоти».

Платоновская метафора внутреннего опустошения и омертвения современного крестьянина («без души») опиралась и на широко известные и часто цитируемые высказывания Ленина «об уничтожении в середняке того, что чуждо и враждебно пролетариату — собственнической половины крестьянской души»[115]. Атеист Ленин употребляет слово «душа» как метафору внутренних устремлений человека. Мощная атеистическая пропаганда этого времени строилась на отрицании Бога и, конечно, души. Новоиспеченных колхозников «один сподручный актива» тоже научил, «что души в них нет, а есть лишь одно имущественное настроение, и они теперь вовсе не знали, как им станется, раз не будет имущества» (83). Платоновский крестьянин делает вывод о своем состоянии: «В нас один прах остался».

Эпизоды расставания крестьян со своим имуществом («Иван Семенович Крестинин целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы» и др.) находятся в полемическом контрапункте с утверждением Сталина в речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., что национализация земли освободила «крестьянина от его рабской

приверженности к своему клочку земли», поэтому у нас больше нет «рабской приверженности крестьянина к земле» и «частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству».

Крестьяне колхоза имени Генеральной линии спасаются от новой жизни в городе. Бегство из деревни в город в 1930 г. было массовым явлением и называлось «неорганизованным отходничеством». Вот что пишет по этому поводу анонимный автор в письме А. В. Луначарскому:

«Сталин говорит, что раньше крестьянина нужда гнала из деревни в город, а теперь в колхозах и вопче в деревне жизнь стала лучше и вольготнее <…> Раз хорошо, мужик оседает в деревне и ехать в город не хочет, как раньше. Ведь это Сталин нагло врет <…> Теперь у кого и было хозяйство, все его бросают на произвол: кто отдает в колхоз, кто продает, — и все бегут, что от чумы и какой заразы. Готовы к черту на рога, только вон из деревни»[116].

Сталин в статье «Ответ товарищам колхозникам» (3 апреля 1930 г.) назвал крестьян, выходящих из колхозов, «мертвыми душами»: «Уходят из колхозов, прежде всего, так называемые мертвые души. Это даже не уход, а обнаружение пустоты. Нужны ли нам мертвые души? Конечно, не нужны»[117]. Их, ставших теперь «прахом», никому не нужных и приводит Вощев в город, как он выражается, «для утиля»: «зачисляться в пролетариат», «выдавливать свое тело в общее здание» и разделить судьбу рабочих в пропасти котлована.

Вощев «собирал в выходные дни всякую несчастную мелочь природы»

Через весь сюжет «Котлована» проходит эта странная деятельность Вощева: сбор «всех нищих, отвергнутых предметов, всей мелочи безвестности», «истершейся терпеливой ветхости», «вещественных останков потерянных людей» (99), «ветхих вещей» (110), которые он упорно складывает в свой мешок, присоединяя к его содержимому и ставших «прахом» колхозников. С мешком, в котором «он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности», безработный Вощев приходит в «другой город»; мешок остается при нем до последней страницы и как бы связывает сюжет «Котлована». Цель, которую преследует Вощев, собирая «вещественные останки», Платонов формулирует неоднократно: «для социалистического отмщения», «чтобы добиться отмщения» (99), «для будущего отмщения» (110), «на вечную память социализму» (109).

К этой части сюжета платоноведение обращалось неоднократно и почти единодушно объясняло повышенный интерес Вощева к сбору вещей и «праху» исключительно влиянием философии Н. Ф. Федорова. Но данная деятельность героя имеет смысл не только в философском, но и в реальном контексте 1929–1930 гг. и связана с одной из кампаний этого времени — сбором утильсырья. Платонов говорит об этом прямо: «утилем» называет содержимое вощевского мешка Настя; «утилем» оно названо и в авторском тексте (Вощев, собрав по городским и деревенским закоулкам «все нищие, отвергнутые предметы», приносит «в подарок Насте мешок специально отобранного утиля в виде редких, непродающихся игрушек, каждая из которых есть вечная память о забытом человеке»). Если интерес Вощева к «вещественным останкам» еще можно объяснить, не прибегая к реальному контексту, а опираясь только на философский, то финал «Котлована», когда в собранный Вощевым утиль попадают уже совсем необычные экспонаты, вроде медведя и колхоза, приводит просто в замешательство. В конце повести у Вощева, который складывает назад в мешок осмотренные Настей «ветхие вещи», заболевшая девочка спрашивает: «Вощев, а медведя ты тоже в утильсырье понесешь?». На что тот отвечает: «А то куда же? Я прах и то берегу, а тут ведь бедное существо!» Настя не отступает и продолжает интересоваться. «А их?», — спрашивает она про «лежащий на дворе колхоз» (110). И действительно, спустя некоторое время, уже после смерти девочки, Вощев возвращается на котлован со своим мешком и приводит с собой и медведя, и колхоз, объясняя: «Мужики в пролетариат хотят зачисляться. И я их привел для утиля» (115). Попробуем интерпретировать деятельность Вощева и всю эту ситуацию в контексте реалий 1929–1930 гг.

Анализ конкретных эпизодов платоновской повести мы предварили обзором социально-политической обстановки в стране на рубеже 1929–1930 гг., где указывали, что для выполнения завышенного пятилетнего плана и высоких темпов индустриализации требовались сырье, деньги и люди. Поэтому в числе насущных задач первой пятилетки провозглашаются поиски сырья для развивающейся промышленности и «борьба за создание валютных ресурсов». Важную роль в решении этих задач, по официальному плану, должна была сыграть «организация сбора утильсырья». Трудно сказать, насколько руководство страны действительно верило в возможность таким способом создать сырьевую базу промышленности и собрать средства на индустриализацию, но к концу 1929 г. призывы собирать утильсырье становятся все настойчивее, а в первых числах января

1930 г. средства массовой информации оповещают о начале «месячника по сбору утиля». Главная газета страны «Правда» 3 января 1930 г. пишет: «С 1 января по всей московской области начался месячник по сбору утильсырья. Эта кампания является началом ударной работы по сбору утиля по всему нашему Союзу». Газета акцентирует и главную цель сбора утильсырья — «создание валютных ресурсов». Особая роль в создании валютных ресурсов отводится «конскому волосу». Средства массовой информации время от времени сообщают, что крестьяне такой-то деревни «срезают лошадям гривы и волосы с хвостов и сдают, как экспортное сырье»[118]. В «Котловане» требования «обрезать хвосты» звучат по радио: «Товарищи, мы должны, — ежеминутно произносила требование труба, — обрезать хвосты и гривы у лошадей! Каждые восемьдесят тысяч лошадей дадут нам тридцать тракторов!» (53).

Подчеркивая необходимость «бережного отношения к отбросам и отходам и их утилизации», «Правда» призывает: «Надо наметить организационные формы сбора утиля, привлекая для этого кадры безработных в городах». Не все трудящиеся и безработные откликнулись на призыв собирать утиль: газеты периодически сообщают о том, что «месячник по сбору утильсырья проходит слабо». Но оказавшийся безработным Вощев не остался равнодушным и к предложению партии «бережно относиться к отбросам и отходам», как прежде — искать пути повышения производительности труда.

Периодические издания регулярно ведут разъяснительную работу на тему, «что такое утиль». «Утиль — это тряпье, старые валенки, шубина, лоскутья, старые веревки, изношенные галоши, обрывки кошмы и войлока» и пр., — поясняет «Крестьянская газета»[119]. Взрослых и детей убеждают: «Собирайте старую тряпку, кость, бумагу, чуни, галоши и прочее старье»[120], и Вощев добросовестно собирает подобные «ветхие вещи». Чтобы как-то активизировать население и подвигнуть его на сбор тряпья, газеты и журналы публикуют образцовые истории типа «Вечера рваной галоши». О таком вечере, который состоялся в Саратове 31 января 1930 г., рассказывает журнал «Культурная революция» (№ 5). Право прохода на вечер давали два килограмма утиля, и саратовцы, как сообщает журнал, шли «с большими мешками», в которых лежали «стекло и тряпки, кости и бумага, железо и рваные галоши». И мешок, и «вещественные останки» в нем — все было, как у Вощева.

Средства массовой информации не обходят вниманием и тему «значения утиля в нашем хозяйстве»: «Утильсырьем, или просто утилем, называют все хозяйственные отбросы или отходы,

которые совершенно не нужны в хозяйстве, но находят себе применение на специально приспособленных для их обработки фабриках и заводах»[121]. И еще более категорично: «Нет больше отбросов, есть утиль — ценное сырье для нашей промышленности и для вывоза за границу»[122]. По периодическим изданиям кочует формула: ТРЯПКА + КОСТЬ = ТРАКТОР. Газеты и журналы буквально кричат заглавиями публикаций: «Миллионы на помойках и свалках», «Тысячи тракторов из отбросов» и пр. Собирание утиля для индустриализации, переработка «хлама» и ненужных вещей в ценные товары на языке Платонова (в котором неизбежны автореминисценции[123]) получает название: «для социалистического отмщения» и «на вечную память социализму».

Вощев, таким образом, включается в общую кампанию по сбору утиля, который должен стать сырьем для промышленности и создать «валютные резервы». Но Платонов, конечно, не просто воспроизводит эту реалию начала 1930 г., он переводит ее в философский план и наполняет особым смыслом. Но об этом речь пойдет уже в следующей главе.

Во всех публикациях на темы утильсырья особо акцентированы два слова — отходы и отбросы:

«Утилем, или утильсырьем, называются все пригодные на переработку отбросы и отходы крестьянских хозяйств, городского населения, промышленности, транспорта и всех других учреждений и организаций. К таким отбросам и отходам относятся: тряпье, пошивочные обрезки, старая резина, изношенная обувь»[124] и т. д.

Вощев присоединяет к ним и ставших «прахом» мужиков-колхозников, которые тоже оказываются «отходами и отбросами крестьянских хозяйств». Их-то он и приводит на котлован — «зачисляться в пролетариат».

Андрей Платонов — писатель, особенно чуткий, во-первых, к бедам и страданиям своего народа; а во-вторых, к слову и его внутреннему значению.

Кроме сырья и валюты на проведение индустриализации требовались еще и люди. Как мы писали выше, основным поставщиком «рабочей массы» была деревня. Крестьяне, уходившие в город на заработки, назывались «отходниками». В результате коллективизации и раскулачивания это движение прибрело массовый характер и в официальной литературе называлось «неорганизованным отходничеством». С упоминания об отходниках и начинается действие повести: в одной из первых сцен появляется «Пивная для отходников и низкооплачиваемых категорий». На многозначность платоновского слова и почти обязательное обыгрывание его внутреннего значения уже давно

обратили внимание исследователи. В этом смысле не стало исключением и слово «отходники», по поводу которого А. Харитонов пишет: «Двузначно и существительное отходники — терминологически это обозначение ремесленников, „добывающих средства для своего существования“ отхожим промыслом, но негативные ассоциации создают вокруг этого слова особый ореол (в котором переплетены и „отходная молитва“, и „отходы“, и еще что-то неуловимо отталкивающее, какое-то „отхожее место“), в целом сообщающее характеристике „невыдержанных людей“ оттенок общего пренебрежения и отверженности»[125].

Лексемы «отходы» и «отходники» имеют общий корень. Платонов опирается на это родство и внутреннюю перекличку слов. Языковая ассоциация подкреплялась эмоциональной. Один из крестьян в декабре 1929 г. горько признает: «С нами в настоящее время обращаются как с тряпками». Это ощущение было, вероятно, более или менее всеобщим: Никита Хрущев в своих воспоминаниях пишет, что Сталин относился к крестьянству как к отбросам. Газетная формула «отходы и отбросы крестьянских хозяйств и городского населения» неизбежно должна была ассоциироваться с теми людьми, которых коллективизация деревни выбросила в город и которых поглотила и «переработала» индустриализация. На этой внутренней игре смыслов и построена финальная сцена «Котлована». Так переосмысляет Платонов декларированные Сталиным задачи современной политики: уничтожение противоположности между городом и деревней и смычку пролетариата с крестьянством; актуальные для 1930 г. темы «отходов» и «отходничества», людских и сырьевых ресурсов для промышленности.

Вощев приводит мужиков, к которым руководство страны относилось как к тряпкам и отбросам, в город «для утиля», где те «хотели спастись навеки в пропасти котлована» (115) и спастись, конечно, от коллективизации. Любопытно, что подобные ассоциации строящегося социализма с пропастью, которая засосет и плоды сталинской кампании по сбору утильсырья, возникают не у одного Платонова. В письме 1930 г., написанном анонимным автором (по языку понятно — из простого народа) во власть, есть и такие слова: «Сталин за сырье, кожи и конские хвосты заграницей наменяет много тракторов. Они по этой трясучей пути загудят прямо в пропасть»[126]. Что же касается финала платоновской повести, то он вновь возвращает, но на более трагической ноте, к теме «отходничества», с которой повесть и началась — композиция «Котлована» замкнулась в кольцо.

«Язык утопии» в «Котловане» и датировка повести

Одна из первых публикаций «Котлована» на Западе вышла с ярким предисловием И. Бродского. Среди прочих любопытных суждений о творческой манере Платонова, Бродский высказал и мысль о том, что Платонов пишет о реализации социальной утопии — строительство социализма — на языке данной утопии, которому себя полностью подчиняет. Эта точка зрения стала знаменитой, на нее часто ссылаются, как нам кажется, не всегда отдавая себе отчет в характере отношений Платонова к языку сталинской эпохи. Приведенные нами примеры («костер классовой борьбы», «пни капитализма», «сеять капитализм», «целыми эшелонами население в социализм отправлять» и пр.) свидетельствуют о весьма свободном обращении Платонова не только с языком своей эпохи, но даже с цитатами самого вождя. Платонов пародирует язык своей эпохи, а не подчиняется ему. И способов такого пародирования очень много. Кроме исправленной цитации вождя это и новое лексическое наполнение устойчивых формул официального языка. Так, например, платоновская фраза «в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма» (77) воспроизводит один из многочисленных оборотов времени, в свою очередь восходящих, вероятно, к работам классиков марксизма-ленинизма, например: «самообложение — рычаг культурной революции»[127]; «расширение экспорта — рычаг для выполнения пятилетки в четыре года»[128]; «радио — рычаг для развития и улучшения работы профсоюзов»[129] и т. д. Выше мы показали, как писатель подчеркивает абсурдность одного из политических фразеологизмов «оказаться/плестись в хвосте масс» или «в хвосте требований жизни» при помощи старой языковой идиомы: «вы боитесь быть в хвосте <…> и сели на шею». Другая вольность, которую Платонов часто допускает при обращении с политическими метафорами, — деметафоризация ключевого слова. Приведем некоторые примеры. В политической фразеологии этого времени были популярны существительные «уклон», а также «колебания и шатания» и соответствующие им глаголы. «Уклон», как известно, определял политические взгляды человека по отношению к «генеральной линии» и был «правым» или «левым». «Уклону», этому крайнему проявлению политической неблагонадежности, предшествовали «колебания и шатания». Выражения активно употребляет Сталин, а за ним и средства массовой информации, например:

«Условия возникновения правого, а также „левого“ (троцкистского) уклона от ленинской линии»; «мелкобуржуазные

элементы <…> вносят в пролетариат и его партию известные колебания, известные шатания», «вот где корень колебаний и уклонов от ленинской линии в рядах нашей партии»; «колебания и шатания в московской организации»[130]; «бывают и другие отклонения от правильной линии», «середняк есть класс колеблющийся»; «середняк может колебнуться к кулачеству»[131]; «мелкобуржуазные колебания и шатания»[132]; «необходимо преодолеть колебания и шатания»[133] и т. д.

В своем повествовании Платонов использует лексику этих политических обвинений, одновременно актуализируя прямое и переходное значение слов, например:

«Мужик было упал, но побоялся далеко уклоняться, дабы Чиклин не подумал про него чего-нибудь зажиточного» (70); «Чиклин, не колебнувшись корпусом, сделал попу сознательный удар в скудо» (81); «Жачев <…> одному колебнувшемуся сделал для успокоения удар в голову окомелком ноги, отчего колебнувшийся уснул» (98) и т. д.

Справедливости ради надо сказать, что не один Платонов позволял себе шутки на темы оборотов политического языка. Желание обыграть выражение «в хвосте масс», а также идею политических «колебаний и шатаний» в бытовых ситуациях было настолько естественным, что перед ним не могли устоять даже официальные культработники, в задачу которых входило политическое просвещение масс. Одной из форм такого просвещения были «вечера вопросов и ответов на злободневные темы». Журнал «Культурная революция» с возмущением пишет о «классово-чуждых элементах» среди культработников, деятельности которых «мы обязаны такими „достижениями“, <… > как знаменитые игры вроде „профдурочка“ и „политдурочка“ или остроумные „викторины“ с такими вопросами, как „когда у человека бывает хвост?“, „отчего пьяный шатается?“»[134]. Когда у человека бывают рога, это знают все. Ситуация бытовая и банальная. А вот неприятность с появлением хвоста — уже дело политическое. Грамотный строитель нового общества должен знать, когда у человека бывает хвост. Опять же, и с пьяным нельзя терять бдительности: у его шатаний может быть политическая подоплека. От составителей викторин, как и от прочих культработников, требовали новизны в работе. Измучившись в ее поисках, некие культработники не без остроумия решили разнообразить форму политических вопросов, вызвав нарекания журнала.

Из всех политических баталий 1920–1930-х годов современному читателю лучше всего известна борьба правящей фракции с «правыми» и «левыми» уклонами, поэтому следующая

платоновская шутка может быть понятна без специального комментария:

«На улицу вскочил всадник из района на трепещущем коне. — Где актив? — крикнул он сидящему колхозу, не теряя скорости. — Скачи прямо! — сообщил путь колхоз. — Только не сворачивай ни направо, ни налево!» (106).

Ярким проявлением вольного обращения Платонова с политической лексикой является и целая страница вариаций на тему «сплошной» (ключевое слово выражения «сплошная коллективизация»). Приводим текст в его первоначальном варианте по рукописи:

«Организационный Двор покрылся **сплошным** народом. <…> Чей-то малый ребенок стоял около активиста. <…> „Ты чего взарился? — спросил активист. — На тебе конфетку“. <…> Ребенок с удивлением разгрыз **сплошную** каменистую конфету — она блестела, как рассеченный лед, и внутри ее ничего не было, кроме твердости. Мальчик отдал половину конфеты обратно активисту. „Сам доедай, у ней в середке вареньев нету: это **сплошная** коллективизация, нам радости мало!“ Активист улыбнулся с проницательным сознанием, — он ведь знал, что этот ребенок в зрелости своей жизни вспомнит о нем среди **сплошного** света социализма» (266). «Звуки середняцкого настроения мешали наступить **сплошной** тишине» (269).

Так же просто обращается Платонов и с другой метафорой современного политического языка «курс на индустриализацию / курс на коллективизацию»: «Ты что, Козлов, — курс на интеллигенцию взял? Вон она сама спускается в нашу массу» (36).

Подобных примеров употребления Платоновым того или иного политического оборота можно приводить много, но не это наша задача. Мы лишь хотели показать несправедливость отождествления платоновского языка с языком сталинской утопии, необходимость тщательного изучения той политической повседневности, в которой создавались платоновские произведения, и всех случаев соотношений их языка с официальным.

При характеристике «Котлована» в контексте политической повседневности 1929–1930 гг. особое внимание уделялось времени тех событий, которые так или иначе отразились в повести. Причину этого мы тоже называли: авторской датировки «Котлована» не существует. Запись на одном из листов машинописи (декабрь 1929 — апрель 1930), которую долгое время приписывали Платонову, сделана не его рукой.

Существенную помощь в ответе на вопрос о датировке может оказать изучение реалий времени, которых в повести много.

Большинство из них мы уже называли. Анализ деревенских коллизий «Котлована» на фоне различных документов эпохи показал, что исторические аналоги некоторых из них имели место только в апреле 1930. Следовательно, раньше этого времени Платонов не мог начать работу над повестью. Реалии, упомянутые нами при характеристике городской части сюжета, связаны с началом 1930 г. Это и лозунги профсоюзной работы «лицом к производству» и «ближе к массам» (с сентября 1929 г.); и «месячник» по сбору «утильсырья» (январь 1930 г. и еще несколько ближайших месяцев); и тарифная реформа (с начала 1930 г.); и упомянутое на первых страницах повести Постановление НКТ «О недопустимости удлинения рабочего дня и неиспользовании выходных дней» (27 февраля 1930 г.); и пребывание М. И. Романова в должности (до января 1930 г.) и пр. Эти реалии подтверждают наше предположение, что Платонов пишет «Котлован» вскоре после деревенских событий февраля — апреля 1930 г., которые, видимо, и дали главный толчок к написанию повести.

Упоминание еще одного факта из жизни страны тоже помогает в датировке «Котлована». Попавшая на котлован Настя спрашивает у строителей: «А что лучше — ледокол Красин или Кремль?» (55). Вопрос девочки не праздный. Стараясь понравиться своим новым «хозяевам» (и «хозяевам жизни»), Настя демонстрирует осведомленность о важных событиях общественной жизни страны (так же, как и заявлением: «А я знаю, кто главный!»). Ее знания связаны с теми событиями, которые еще недавно были у всех на устах: 10 июля 1929 г. в 11 ч. 45 мин., как сообщают центральные газеты, линейный ледокол Арктического флота СССР «Красин» вышел во второй полярный поход. Далее газеты периодически публикуют репортажи об этом походе «за завоевание северного морского пути» — письма с «Красина», фотографии, рассказы о демонстрациях рабочих тех иностранных портов, куда прибывал «Красин» и пр. В Насте нет обычной детской непосредственности; она научена матерью бдительности и из осторожности демонстрирует перед незнакомыми людьми свою «политическую зрелость». Деталь с «Красиным» свидетельствует о том, что время написания «Котлована» недалеко отстоит от 1929 г., в противном случае знания девочки утратили бы актуальность.

Есть в повести одна характерная деталь, которая позволяет ограничить время ее действия (и, возможно, написания) с другой стороны. Эта деталь связана с проблемой административно-территориального устройства, которая получила название «районирование». Как сказано в «Календаре коммуниста на

1930 г.», районирование — это «наиболее рациональная организация территории страны». Проблема «рациональной организации территории» так волновала руководителей страны, что они время от времени устраивали очередную реорганизацию. В первой половине 1930 г. (приблизительно до июля включительно) на территории РСФСР существовал такой принцип административного деления: республика — область — округ — район. У каждой административной единицы были свои задачи, права и органы власти. Данная система территориального деления введена незадолго до указанного времени (очерк Платонова 1928 г. «Че-Че-О», например, посвящен организации ЦЧО — Центрально-Черноземной области). Но так как государственный аппарат работал плохо, со всякими нарушениями, отклонениями, перегибами и пр., то в рамках его реорганизации и улучшения XVI съезд (июль 1930 г.) принимает решение о ликвидации округов, что и было проделано в ближайшее время: вся пресса июля-сентября пестрит названиями «Без округов», «Больше решимости в ликвидации окружного аппарата» и пр. В соответствии с общей перестройкой, ликвидируются и окружные отделения профаппарата, о чем тоже подробно сообщает пресса. Действие же «Котлована» происходит при старой административно-территориальной системе, включающей округа: в повести еще «высоко светило солнце над округом», Пашкин пока оставался председателем окрпрофсовета, а активист ожидал директив из округа и т. д. Поэтому, вероятно, Платонов заканчивает основную работу над рукописью «Котлована» не позднее июля 1930 г. Другие предположения (например, что Платонов пишет в конце 1930 г. или даже позже и сознательно воспроизводит определенный исторический период; или начинает писать в 1929 г., пишет долго, поэтому и успевает включить в повесть те события, которые происходят в феврале — апреле 1930 г.) маловероятны. То, что Платонов не пишет историческую хронику — очевидно: события, которые легли в основу деревенской части «Котлована», происходили зимой и весной, а у Платонова — летом и осенью. По характеру других реалий времени, которые тоже тяготеют к первой половине 1930 г., видно отсутствие у Платонова всякой заданности в ориентации на определенный отрезок времени (Платонов может использовать реалию 1929 г., для 1930 г. уже не актуальную — если она ему нравилась). Предположение же, что Платонов начинает работу над повестью в 1929 г., до известных событий в деревне, тоже маловероятно: «Котлован» поражает своей цельностью, единством композиции и замысла; к тому же, как известно, Платонов писал быстро. Поэтому в качестве рабочей

гипотезы о времени основной работы над рукописью «Котлована» примем эту дату: апрель/май — июль 1930 г. (что, конечно, не исключает более позднюю правку и доработку текста).

Однако неповторимое своеобразие прозы Платонова состоит в сопряжении реального контекста с культурным.

Глава 2. Идеи и образы «Котлована» в ретроспективе культуры

О сознательной ориентации Платонова на самые разнообразные явления русской и мировой культуры — Библию, фольклор, философские и литературные произведения — и о насыщенности его прозы «культурным материалом» говорили многие исследователи. Причину обращения Платонова к литературным шедеврам и Библии Л. Дебюзер объясняет так: «Платонов измеряет современную ему историю опытом человеческой истории с библейских времен, заново полемически пересматривает и обобщает всемирно-исторические модели»[135]. М. Золотоносов пишет о «попытке философского осмысления политических реалий 20-х годов», которое и «создает своеобразие платоновских художественных текстов»; о «наложении политического и философского контекстов», не исключающих «наличия в произведениях зон, свободных от наложения: чисто политических и чисто философских»[136].

Выше мы показали, как заглавный образ и композиция самой известной повести Платонова связаны с идеологической обстановкой первой пятилетки. Но они же пронизаны и литературными реминисценциями. На литературную параллель «Котлована» со всеми вытекающими из нее последствиями указал А. Харитонов: первая часть «Божественной комедии» Данте — «Ад». Харитонов называет те ключевые мотивы и композиционные приемы, которые позволили ему сопоставлять «два произведения разных эпох и культур»: параллелизм названий и стоящих за ними образов («Котлован» — «Ад», при том что «ад у Данте — гигантская воронка в центре Земли»); «указание на особый переломный возраст в жизни героя» и его «полный расчет с прошлым»; близость таких композиционных приемов, как путешествие главного героя в некий «иной» мир; «дискретность текста, который организован как цепь эпизодов, составляющих в своей совокупности „путешествие по кругам“», где «мера страдания увеличивается от круга к кругу»; локализация тематического материала в абсолютном начале произведения[137]. Две части «Котлована» (город и деревня) Харитонов тоже объясняет в свете «тройственной поэмы» Данте (Ад — Чистилище — Рай): с дантовским Адом соотнесены город и воронка котлована; с Чистилищем — деревня, обитатели которой перед вступлением в колхозный рай проходят очищение, но только не от грехов, а «от капиталистических тенденций» («к утру очищаем

колхоз ото всех капиталистических тенденций»: 266). А. Харитонов говорит об «устремленности всей конструкции повести далее ввысь — от Ада и Чистилища — к Раю», ведь именно рай (социалистический) — цель движения героев по фактически запредельному миру «Котлована». Однако третья часть в «Котловане» отсутствует, и это отсутствие значимо: «за второй частью повести следует резкий обрыв, и вместо совершенства дантовской триады читатель получает двухчастную, лишенную (или не достигшую) гармонии и совершенства модель мира». Именно дантовские реминисценции акцентируют инфернальный аспект в названии платоновской повести. Как считает Харитонов, к подобным ассоциациям Платонова могли подтолкнуть и стихи В. Маяковского, написанные к пятой годовщине со дня смерти Ленина и впервые опубликованные 20 января 1929 г.: Работа адова / будет / сделана / и делается уже.

Вопрос о литературных, фольклорных и идеологических контекстах творчества Платонова первой подняла Е. Толстая. Она сформулировала и принципы интеграции «чужого» литературного материала в его повествование: с одной стороны, «Платонов демонстративно „олитературивает“ свою прозу, декларируя свою зависимость от классической традиции»; а с другой — стремится «максимально расподобить опознавательные материалы и растворить, уподобить их окружающему тексту»[138]. Последнее обстоятельство затрудняет обнаружение каких-либо заимствований в платоновском тексте. Е. Толстая подчеркнула возрастание важности литературных аллюзий в прозе Платонова к концу 1920-х годов, т. е. ко времени создания «Котлована». К настоящему времени литературоведение накопило немало наблюдений над культурным контекстом «Котлована» и библейскими, фольклорными, философскими, литературными прообразами его идей и персонажей. Но сложность подобного анализа заключается в том, что каждый платоновский образ может иметь не один, а несколько книжных источников, что повышает его «валентность»[139] и обеспечивает дополнительную подвижность смыслового компонента. Поэтому «плотность» содержания этой повести так велика. Обзор некоторых признанных фактов ориентации Платонова на те или иные культурные образцы будет сделан в конце главы, но задачу их полного освещения мы не ставим. Объект нашего исследования — только те реминисценции в коллизиях и образах «Котлована», которые влияют на его общее понимание.

Анализируя содержание повести на фоне общественно-политической жизни страны рубежа 1920–1930-х годов, мы обратили внимание, во-первых, на реалистичность сюжета,

образов и необычных действий героев «Котлована», а во-вторых, на иносказательность практически всех этих структурных элементов произведения (назвать ее аллегоричностью или символизмом — в данном случае все равно, потому что у Платонова оба вида иносказательности совмещаются). В первой главе было показано, какой «переносный» смысл с точки зрения повседневности конца 1920-х годов имеет «другой город» и строящийся в нем «общепролетарский дом»: это страна, строящая социализм, и сам строящийся социализм — со всеми их проблемами и особенностями. Дополнительный смысл в сюжет и центральный образ повести вносит литературно-философский контекст. Ситуация путешествия героя из одного города в другой и его там пребывание в ретроспективе культуры могут быть рассмотрены как минимум в двух ключах. Одну из ориентаций этого сюжета на культурный контекст, как мы только что показали, увидел А. Харитонов. Он отметил, что Вощев, достигший того же возраста духовной зрелости и подведения жизненных итогов, что и лирический герой Данте («земную жизнь пройдя до половины»), и также «утратив правый путь во тьме долины», в поисках новых жизненных ориентиров отправляется в «иной» мир. Главное, что объединяет «Котлован» с поэмой Данте, — это изображение человеческих страданий и мук, на которые люди обречены: у Данте — грехом, у Платонова — классовой принадлежностью. Поэтому реминисцентные отсылки к «Божественной комедии», как считает Харитонов, являются в «Котловане» одним из средств выражения авторской позиции и оценки действительности. Но любой платоновский текст, а «Котлован» в особенности, многомерен. И проекция на «Божественную комедию» относится лишь к одному из его дополнительных измерений. За пределами дантовских реминисценций в «Котловане» остается много загадочных образов и тем, имеющих, по всей видимости, книжные источники. К таковым относится содержание искомой героем истины, необычное изображение строящегося социализма (представленного двумя образами: обшепролетарского дома и Насти) и «видение Прушевского». Эти проблемы идейной и образной системы «Котлована» и весь его сюжет получают своеобразное объяснение в свете раннего творчества Платонова, а также тех произведений, которые за ним предположительно стояли.

И. Долгов тоже обратил внимание на особый статус «другого города», в который направляется Вощев. С точки зрения исследователя, этот город лежит не в пространственной, а во временной плоскости — за истиной герой идет «в будущее

время»: «Истина понимается <…> как нечто, лежащее за пределами того мира, в котором Вощев себя вдруг обнаружил <…>. Она целиком полагается в план „будущего лучшего времени“, и томимый своей тоской, Вощев направляется в некий „другой“ город <…>. Таким образом, путь Вощева из одного города в другой трактуется здесь как перемещение по временной оси, соединяющей <…> настоящее и будущее»[140]. Мы бы внесли в эту точку зрения некоторые коррективы. Обратим внимание на то, что в начале повести Вощев оказался безработным — знакомое Андрею Платонову состояние; при этом герою столько же лет, сколько в это время и автору: тридцатилетие личной жизни — деталь автобиографическая. И направляется он не куда-нибудь, а в страну юношеской мечты самого писателя — из прошлого в настоящее, которое когда-то было будущим. Из того прошлого, когда Платонов мечтал построить на земле «единый храм общечеловеческого творчества, единое жилище духа человеческого»[141] и «найти истину»[142], писал о близком «осуществлении правды и справедливости на земле»[143] и конце природы, истории и прогресса. Из того прошлого, когда А. К. Воронский провозглашал новый тип современного человека — воина, солдата эпохи, воюющего за светлое будущее и в это будущее устремленного: «Он должен уметь ненавидеть старый мир как своего личного врага <…> Он не имеет „дома“: „не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем“»[144]. Поэтому, чтобы понять, в какой город и почему идет Вощев, нужно обратиться к раннему творчеству Платонова — его публицистике и сборнику стихов «Голубая глубина» (1922).

Картина послереволюционного мира, которую изображает здесь Платонов, поражает как своей христианской фразеологией, так и переосмыслением всех основных идей и положений христианства. Настоящее и будущее описано Платоновым в понятиях «отец», «сын», «дух», «жертва», «покаяние», «искупление», «кровавый крест», «спасение», «бессмертие», «Невеста», «храм жизни», «Новый Город», «царство Божие», «спасение», «Страшный суд», «конец истории», «вечное воскресение», «ветхий человек» и «воскресший человек» и т. д. Но каждое из этих основополагающих понятий христианства Платонов перетолковывает. «Отцом жизни, единственной дорогой, ведущей человека на небо», он называет труд[145], и даже прославляет его словами Господней молитвы: «Да святится имя твое»[146]; «Сыном» — пролетариат, будущее человечество[147] и человека-сына земли[148]; «духом» — сознание пролетариата[149]. Платонов много говорит о спасении (спасение

— центральное понятие христианства), источник которого он в полемике с евангельским учением видит «не внутри нас, а вне нас»[150]. «Новым евангелием» писатель называет весть о грядущей победе над стихиями, а «страшным судом» — то, что человек устроит над вселенной[151] и т. д. Платонов обращается и к употребительным в богословской литературе метафорам «Жених» и «Невеста»: «Женихом» называют Спасителя, Иисуса Христа; а «Невестой» — Церковь, или Небесный Иерусалим, который, согласно Апокалипсису, есть «Невеста Агнца». В этих же образах трактуют и ветхозаветную «Песнь Песней». Только Платонов полемически переосмысляет эти метафоры — «невестой» он именует вселенную, а «женихом» — пролетария, «сына земли»:

> Вселенная! Ты горишь от любви,
> Мы сегодня целуем тебя. <…>
> Ты невеста, душа голубая,
> Зацелуем, познаем тебя.

(«Вселенной»)

> Мир стоит, печами озаренный,
> Как невесту, человек его обнял.

(«Май»)

> Оборвем мы вальс тоскующий —
> Танец звезд, далеких девушек.
> К ним идет жених ликующий —
> Сжечь обитель светлой немощи.

(«Дети»)

Полемическая ориентация Платонова на библейскую метафорику особенно видна в «Рассказе о многих интересных вещах», где большевики строят ветрогон и один дом-сад на всех людей, который называют «Невестой» (учитывая любовь Платонова к словесной игре, образ дома-сада с ветрогоном можно рассматривать как альтернативу вертограда, т. е. райского сада). Но самое главное, что то гармонически устроенное общество, которое, как думает Платонов, наступит на земле усилиями «сына»-пролетариата, молодой писатель описывает в терминах будущего «царства». Он называет его «царством сына», «царством

сознания» и даже «царством Божиим», «царством Христовым», но имеет в виду, конечно, «царство земное», которое есть альтернатива «Царству Небесному». Новому Иерусалиму, грядущему Граду, который в конце времен спускается с небес, «приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего», Платонов противопоставляет некий Город, который пролетариат строит своими руками: «По земным пустыням строим Новый Город» («Май»); «В душе моей движутся толпы <…> Строят неведомый город» («Топот»), Вот в этот город, когда-то бывший неведомым и грядущим в двух смыслах — как реальное будущее и как альтернатива грядущего Града, Небесного Иерусалима, — и направляется Вощев теперь, когда в постройке ранее неведомого Города «что-то уже прибыло для ее завершения» (26). Этим и объясняется особый статус «другого города», который по-прежнему сохраняет ориентацию на грядущий Град — Небесный Иерусалим.

Что есть истина?

Как мы уже отмечали, «Котлован» начинается с рассказа об увольнении Вощева, «среди производства» задумавшегося над поставленной партией задачей — повернуться «лицом» к этому производству, найти новые формы профсоюзной работы с массами и, изменив ее содержание, повлиять на производительность труда. В противовес существующим формам организации трудовой деятельности (годовой промфинплан, т. е. промышленно-финансовый план предприятия; план треста; пятилетний план по строительству социализма) Вощев решил придумать «план жизни» (22). «План» — одно из ключевых понятий эпохи, проникающих, особенно в первую пятилетку, в сознание советского человека и накладывающих свой отпечаток даже на его быт, так как людей все время держали в напряжении сначала в связи с принятием того или иного «плана», а потом из-за его невыполнения. И вот Вощев, осознавший, что все имеющиеся «планы» не только не могут так задеть душу человека, чтобы тот воодушевленно и производительно трудился, но и вовсе отнимают у него всякое желание работать, задумался о неком «плане жизни». Это выражение, как обычно у Платонова, является комплексом значений — таков закон платоновского языка, всегда учитывающего смысловые оттенки слов, в данном случае прежде всего слова «жизнь». «План жизни» должен, во-первых, охватывать всю жизнь[152] человека и указывать на ее цель и смысл; во-вторых, давать человеку всю полноту жизни[153] и счастья; в-третьих, предлагать ряд мер по пробуждению к

активной жизни[154] и деятельности современного человека, потерявшего к жизни[155] всякий интерес и превратившегося в безжизненное тело. Затем Платонов конкретизирует каждый из этих пунктов «плана жизни». Сначала в полемике с завкомом Вощев говорит о своем «плане» сделать человека счастливым и поэтому хорошо работающим: «Я мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность» (23). Через две страницы мысль платоновского героя о необходимости для производительного труда глобального «плана жизни» и знания ее смысла получит новую формулировку и «перевод» с политического жаргона на философский язык:

Вощев «захотел открыть всеобщий, долгий смысл жизни» (25). И наконец, в размышлениях героя появляется слово «истина» как указание на неизвестный «источник жизни» и жизненной силы, без которого рабочая сила человека падает: Вощев «почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины» (23). И тут же — одна из трактовок этой «истины» и одновременно одно из возможных решений «всеобщего, долгого смысла жизни»: «он не мог долго ступать по дороге и сел на край канавы, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться» (23). Так, уже на первых страницах своей повести, в преамбуле к основному сюжету, Платонов определяет рамки ее главной философской проблемы и содержание того, что хочет знать Вощев, чтобы иметь стимул к осмысленному и производительному труду: смысл и цель жизни отдельного человека и всего человеческого общества; причину жизни, устройство мира и свое место в нем; двигательное начало, источник жизни каждого человека и человечества в целом. Рядом с этими проблемами стоит понятие «истины», которое и объединяет их все значением всецелой истины о жизни; и частично отождествляется с каждой из них; и при этом совершенно самостоятельно и даже нетождественно самому себе. Когда же Платонов перейдет к основному сюжету, все направления «плана жизни» он вновь будет то разводить, то снова собирать в понятии истины.

Тему истины называют главной в «Котловане». Об истине Вощев спрашивает практически всех, кого встречает на своем пути; это же слово неоднократно повторяется и в его внутренних монологах. Сложность выводов о предмете этого поиска заключается и в целом ряде проблем, стоящих за словом «истина»; и в краткости всех упоминаний об истине в окончательном тексте повести; и в том, что сама эта «истина» принадлежит разным реальностям — так же, как и город, в

который направится уволенный «вследствие роста слабосильности в нем» Вощев. Этот город, как мы выше показали, имеет весьма непростые координаты. И путешествие героя будет проходить не только по современной стране Советов, но и в области юношеских идеалов писателя; главная же цель путешествия — истина как незыблемое начало жизни и истина о мире, о советской действительности, о причинах равнодушия к труду — может быть достигнута только на уровне сознания. За истиной в тот «город» герой идет, конечно, не случайно. Дело в том, что светлое социалистическое будущее — свой неведомый Город — молодой Платонов представлял себе оплотом истины.

Апологет науки, он верил в ее возможности до конца разгадать все тайны вселенной, познать окружающий мир и изменить его согласно внутренней необходимости и желаниям человека. На заре социалистической эры истиной Платонов считает «совершенную организацию материи по отношению к человеку», которая будет достигнута вследствие «постижения сущности мира» (иными словами, наиболее благоприятное для человека устройство этого мира, основанное на знании его законов) («Культура пролетариата», 1920; «Пролетарская поэзия». 1922). Платонов определяет цель, к которой должен стремиться человек («изменение природных форм и приспособление их к себе»), и путь к ней («это — труд»). О радости этого будущего труда он сочиняет целый гимн в прозе: «труд — единственный друг человека», «человек и труд — одно», «труд <…> — ось мира, его самое высокое, самое пламенное солнце» («Да святится имя твое», 1920). Результатом познания и труда должна стать «новая природа» (это звучит как альтернатива «новому небу и новой земле» (Откр.: 21, 1)) — «без ужаса, без случая, без стихий». Тогда и будет возможным «бессмертие человечества и спасение его от казематов физических законов, стихий, дезорганизованности, случайности, тайны и ужаса», которое «не внутри, а вне нас»; тогда и наступит истинная жизнь, — делает вывод Платонов. И здесь он опять полемизирует с евангельским образом мира, преображенного в конце времен, и пути к этому преображению; дарованного Богом бессмертия и спасения человека. Платонов искренне верит в достижимость и благотворность такой истины-знания о мире, а также в то, что стремление к ней лежит в основе пролетарской культуры и движет людьми, сделавшими революцию: «Мы будем искать истину, а в истине благо» («Культура пролетариата»); «истины теперь хотят огромные массы человечества, истины хочет все мое тело» («Пролетарская поэзия»). Этот преображенный знаниями и трудом мир будущий великий прозаик называет Невестой

(«Рассказ о многих интересных вещах»), Новым неведомым Городом («Голубая глубина») и храмом, строить который с воодушевлением призывает: «Чтобы начать на земле строить единый храм общечеловеческого творчества, единое жилище духа человеческого, начнем пока с малого, начнем укладывать фундамент для этого будущего солнечного храма, где будет жить небесная радость мира, начнем с маленьких кирпичиков» («К начинающим пролетарским поэтам и писателям», 1919).

Но вот ко времени написания «Котлована» после революции прошло 12 лет. Та пролетарская культура, которая была в новом государстве, вопреки надеждам Платонова, никакого интереса к истине не проявляла. И строителями этого государства двигало отнюдь не стремление к познанию тайн вселенной и к «совершенной организации материи». Более того, многие «строители» были абсолютно безучастны не только к истинному знанию о мире, но и ко всему «строительству» вообще; потеряв прежний материальный стимул к труду, они лишились всякого к нему интереса. Никакой «небесной радости» от своего участия в строительстве «здания социализма» (так теперь назывался «храм общечеловеческого творчества», о котором когда-то мечтал Платонов) они, конечно, не испытывали. Напротив, одной из самых насущных проблем строящегося социализма стала низкая производительность труда, плохая трудовая дисциплина, текучесть кадров. Поэтому лирический герой «Котлована», которого тоже уволили с «небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования» (21), откликнувшись, как мы писали выше, на призыв партии, отправляется на поиски того, что могло бы повлиять на «производительность» — на поиски «организационного начала» (183) человека.

Город, в который он держит путь, — это эсесерша, страна строящегося социализма, которую еще совсем недавно сам Платонов мечтал видеть столпом истины. В этот знакомый до боли мир герой и автор входят как бы заново — чтобы понять причину равнодушия «строителей социализма» к труду и отсутствия у них интереса к истине, а также вновь вернуться к поискам того, что может подвигнусь человека к активной и самоотверженной деятельности. Возвращается Платонов и к одному из центральных понятий своей ранней публицистики — понятию истины. Но в это путешествие на пересечении прошлого, настоящего и будущего герой идет уже не с готовым ответом, а с недоуменным вопросом, в котором теперь звучат интонации Понтия Пилата: «Что есть истина?»

Отправляясь в свое духовное странствие по советской

действительности, лирический герой «Котлована» подбирает «умерший, палый лист» и обещает ему: «Я узнаю, за что ты жил и погиб» (23). Язык Платонова всегда даже не двусмыслен, а многосмыслен: палый — несуществующее прилагательное/причастие от глагола «пасть» (т. е. погибнуть); оторванный же от ветки лист является устойчивым фольклорно-литературным образом — метафорой человеческой жизни и судьбы (ср. М. Лермонтов: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой»). Данные слова, сказанные после выражения сочувствия этому «листу» («Ты не имел смысла житья»), звучат не только как повторение старых обетов, о постижении «сущности мира», но и как мужественное принятие на себя неких новых обязательств, а также как клятва всем умершим, в том числе и павшим за дело революции — узнать смысл жизни и смерти и понять, во что превратились революционные идеалы, за которые погибло столько людей.

В дальнейших репликах и размышлениях Вощева об истине переплетутся и горькие признания, что пролетариату она не полагается; и недоумения о смысле жизни вообще и современного человека в частности; и старые вопросы об устройстве природного мира; и новые сомнения в необходимости его переделывать; и желание найти «что-то надлежащее на свете» (74) — какое-то прочное начало жизни. В окончательном тексте повести все упоминания об искомой героем истине во множестве рассыпаны по тексту и представляют собой, как мы уже отмечали, короткие и достаточно загадочные высказывания: «его душа вспоминала, что истину она перестала знать» (24); «спал, не чувствуя истины, до светлого утра» (27); «мне без истины стыдно жить» (42); «лишь бы знать основное устройство мира» (71); «истины нет на свете» (86); «не мог заснуть без покоя истины внутри своей жизни» (87); «истина всемирного происхождения» (114) и др. Такая краткость — отчасти следствие стремления к смысловому сжатию текста[156], которое всегда было свойственно писателю. В первой главе мы писали о том, что Платонов в процессе работы над рукописью обычно сокращает свой собственный исходный текст (в «Котловане» — приблизительно на треть), вычеркивая отдельные эпизоды и заменяя длинные рассуждения на их своеобразный конспективный итог. Соображения, которыми писатель при этом руководствуется, никак не связаны с цензурой. Возможно, Платонов стремится к большей краткости. Но с частью текста уходит и его относительная ясность. Вероятно, такое «заметание» слишком явных ходов своей мысли отвечало творческим принципам Платонова[157], стиль которого В. Вьюгин, например, определяет

как «загадку»[158]. Впрочем, в данном случае загадочность мотивирована сюжетом: ведь истину Вощев, как он сам признается, раньше знал, но забыл и теперь пытается вспомнить по некоторым ее характерным признакам. Эту загадку памяти героя — его таинственную утрату — мы и постараемся разгадать.

Для этого нам, как и в первой главе, придется вновь обратиться к рукописи «Котлована» и к тому эпизоду, который Платонов вычеркнул целиком: попытки Вощева сразу по приходе в «другой город» устроиться профсоюзным культработником на стройку. Именно на этих страницах повести все сомнения платоновского героя, которые в окончательном тексте выражены короткими отрывочными предложениями, имели вид длинных развернутых монологов. И хотя истина также была для Вощева загадкой, однако платоновского текста, позволяющего понять суть этой загадки, там все-таки было больше. Проблематика всех вычеркнутых сцен в «Котловане» осталась полностью, но она растворилась — в определенной лексике, в коротких повторяющихся формулировках и пр. Поэтому в качестве комментария к основному тексту мы использует и эти страницы рукописи.

Итак, согласно первому замыслу сюжета, безработный Вощев по предложению профуполномоченного написал в культотдел окрпрофбюро (окружное профсоюзное бюро) заявление, в котором «просил для себя предоставления труда по отысканию истины путем постоянной мысли; в заявлении было указано, что истина есть потребность, она — организационное начало человека, причем истину нельзя понимать как лишь организационный момент, но следует воображать ее себе трудом над организацией вечности» (183). Фрагмент этого заявления — «организационное начало человека» — мы уже цитировали, так как именно данные слова наиболее точно определяют то, чего, по мысли писателя, не хватает современному человеку, чтобы он хорошо и производительно трудился. Эта удивительно емкая фраза, как всегда у Платонова, допускает ряд смысловых сдвигов; она является одним из определений истины и охватывает все ее трактовки в «Котловане», полностью выражает то, что хочет знать Вощев о мире и человеке. Выдержанное в духе официальных партийных документов и реальных попыток руководства страны использовать для повышения производительности труда разные способы внешней организации людей, в том числе и «организацию подсобных радостей для рабочих» (190), выражение «организационное начало» не только содержит автореминисценции, которые перебрасывают мост в раннее платоновское творчество и приводят к тогдашним

представлениям молодого Платонова, но и отражает совершенно новые убеждения писателя.

В начале 1920-х годов Платонов увлекается работами теоретика пролетарской культуры А. Богданова, прежде всего идеями его главного философского труда «Очерки организационной науки (тектологии)». Главы «Тектологии» с осени 1919 г. печатаются на страницах журнала «Пролетарская культура». Основное понятие своих «Очерков» Богданов объясняет так: «Всего чаше термин „организовать“ употребляется тогда, когда дело идет о людях, об их труде, об их усилиях. „Организовать“ <…> — значит сгруппировать людей для какой-нибудь цели, координировать и регулировать их действия в духе целесообразного единства»[159]. Под непосредственным впечатлением от «Очерков организационной науки»[160] написана и одна из упомянутых нами программных статей Платонова — «Культура пролетариата» (1920), в которой будущий писатель формулирует своего рода «организационную идею» пролетарской культуры, т. е. такую идею, которая, как думает Платонов, объединит людей для решения важной и общезначимой задачи: «поход на Тайны во имя завоевания Истины». Цель же этого «похода» мы уже называли: «совершенная организация материи по отношению к человеку», которую Платонов и считает истиной. В этих словах Платонов перефразирует мысль Богданова о смысле человеческого труда: «Весь процесс борьбы человека с природой, подчинения и эксплуатации стихийных ее сил есть не что иное, как процесс организации мира для человека, в интересах его жизни и развития. Таков объективный смысл человеческого труда»[161].

Свою точку зрения на мир Богданов называет «организационной», суть же этой точки зрения он определяет так: «Все есть организация». Как организационные Богданов определяет интересы человечества: организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта; весь мир считает совокупностью организационных процессов: люди организуются в группы (например, семья, производственный коллектив и пр.); их трудовые усилия организуются в работе предприятия; знания организуются в научные теории и доктрины и т. д. «Организационные методы» всех систем — будь то организация естественных процессов, т. е. природа; организация вещей, т. е. техника; организация людей, т. е. экономика; организация опыта, т. е. наука — Богданов считает едиными и обнаруживающими родство: «Изучение этой связи, этих законов позволит людям наилучшим образом овладеть этими методами и планомерно развивать их и станет самым мощным орудием

всякой практики и всякой теории». Ставя перед людьми задачу организации мира, и прежде всего природы, Богданов подчеркивает приоритет последней в науке «организации»: «Природа — великий первый организатор; и сам человек — лишь одно из ее организованных произведений. Простейшая из живых клеток, видимая только при тысячных увеличениях, по сложности и совершенству организации далеко превосходит все, что удается организовать человеку. Он — ученик природы, и пока еще очень слабый». Особое место в «организационной науке» Богданов отводит языку как хранилищу житейского опыта о единстве организационных методов и собирателю «организационных идей». Рассуждения Богданова о языке должны были особенно заинтересовать будущего писателя Андрея Платонова. «Нередко слово сохраняет организационную идею там, где раздробленное мышление личности уже совершенно утратило ее», — пишет Богданов и приводит пример одного из слов, заключающих в себе «организационную идею» — «душа»: «Аналогичным образом <… > употребление слова „душа“ в русском и других родственных языках, если его внимательно проследить, дает разгадку одной из наиболее темных тайн науки и философии. Оно часто применяется в смысле „организатор“ или „организующее начало“, например такое-то лицо — „душа“ такого-то дела или общества, т. е. активный организатор хода работ или жизни организации; „любовь — душа христианства“, т. е. организующее начало, и т. п. Из этого ясно, что „душа“ противопоставляется телу именно как его организатор или организующее начало». Через годы после своего увлечения идеями «Тектологии» Платонов будет искать именно «организационное начало», т. е. первоисточник, основную причину, «душу» — человека, природы, всего мира. В согласии с идеями Богданова лирический герой «Котлована», оказавшись перед задачей организации трудовых усилий современных людей и повышения производительности их труда, за опытом обращается к другим «организационным системам», прежде всего главной из них — миру, а затем к природе как «первому великому организатору». «Организационное начало» мира и хочет узнать Вощев, а уже с позиций этого знания понять «организационное начало» человека, свое место в мире и смысл своей жизни.

Весь комплекс проблем, занимающих платоновского героя, назван на одной из первых страниц «Котлована» и остался в беловом тексте: «он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться» (23). На одной из этих проблем — «точное устройство всего мира» — мы пока и остановимся. Мысль об

интересе героя к миру, знанию о мире и его «начале» в окончательном тексте повести звучит неоднократно — в коротких повторяющихся формулировках: Вощев ходил по городу в ожидании, «когда мир станет общеизвестен» (26), «лежал с открытыми глазами и тосковал о будущем, когда все станет общеизвестным» (49); «согласен был жить до смерти без куриного яйца, лишь бы знать основное устройство мира» (71); «зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения..?» (114). Интерес платоновского героя к «истине всемирного происхождения» кажется отвечающим проблематике ранней публицистики самого писателя с ее пафосом истины-знания о мире и переделки последнего «согласно внутренней необходимости человека». И эта тоска по прежней вере в возможность познать мир и приспособить его к потребностям человека, а также горечь от сознания теперешней ненужности былых идеалов в «Котловане» действительно есть — в сожалении о том, что мир так и не стал общеизвестным и остался для человека тайной и загадкой. Однако новое стремление героя узнать мировое устройство вызвано иными мотивами, и центр этого знания смещен на «первопричину», основу, «начало» мира. В тех же вычеркнутых сценах «Котлована» профуполномоченный, заинтересованный предложением Вощева «выдумать смысл жизни для всех», спрашивает: «Что же такое этот смысл жизни?» На что Вощев отвечает: «Это видимость устройства всего мира, это чувство безвыходной причины» (182). После такого объяснения профуполномоченный «и сам уже хотел знать причину и теченье всемирного существованья» (182). Затем с тем же вопросом Вощев обращается к Прушевскому: «А вы не знаете, — отчего устроился весь мир?» (208).

На первый взгляд Вощева, как и молодого Платонова, волнуют вопросы познания мира. Но они ставятся уже иначе — не в плане «совершенной организации материи», а как проблема «безвыходной причины», или, как ее обычно называют, проблема «перводвигателя». В своем рассуждении перед профуполномоченным Вощев вновь обращается к происхождению мира: «Ведь ничего же не было вначале, и начала не было, что же мешало произойти существованию? Ничего, и оно оттуда возникло!» (182).

Что можно сказать по этому поводу? Проблема «первопричины» — это так называемый основной вопрос философии. Видимо, Платонова, который много писал в ранней публицистике о преимуществах материализма над идеализмом, больше не устраивали ни своя прежняя позиция по этому вопросу, ни его официальное решение. Ответ же ранее отвергаемого

Платоновым идеализма на вопрос о «безвыходной причине» и «истине всемирного происхождения» хорошо известен: это Бог, единый Творец всего мира. Рассуждения о том, что «ничего не было вначале, и начала не было», перекликаются с первыми строками книги Бытия, а также Евангелия от Иоанна: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водой» (Быт. 1: 1–2). «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин.1: 1–4).

То, что хотел бы знать Вощев — который, напомним, прежде всего ищет способов воздействия на человека для повышения производительности его труда, — более полно выражено в его размышлении в поле после разговора с агрономом, а затем в монологе во время беседы с профуполномоченным, которые Платонов вычеркнул. В самом общем виде не дающую герою покоя проблему можно сформулировать так: источник (или «организационное начало») жизни. «Дума» в поле посвящена трем источникам человеческой жизни, два из которых Вощев назвать не может. Приведем эту «думу» в самом первом варианте, который наиболее показателен. Сначала Вощев думает, скорее всего, о своей душе, но о таком источнике и движущем начале собственной жизни он забыл. В этом рассуждении о душе, возможно, как-то преломилась и мысль Богданова об отражении в слове «душа» «организационной идеи», утраченной раздробленным мышлением личности: «Он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться. В этой смутной емкости покоились чувства в первоначальном зачатьи, из этого затаенного источника Вощев питался всю жизнь» (179). Затем Вощев вспоминает близких людей, которые тоже «питали» его жизнь: «Он догадывался, что его жизнь собралась из чувств к матери, отцу и дальнейшим людям, поэтому его мысли были одними воспоминаниями людей, — он жил, словно озеро, питаемый каждым совместно живущим с ним человеком, как потоком» (179). Но главный интерес Вощева относится к общему источнику жизни и ее «организационному началу»: «Однако Вощев не почитал людей, его волновала лишь та средина мира, которая сама покоится внутри, но движет судьбу на поверхности земли, и он тоже хотел двигаться» (179). Те вопросы об «источнике жизни», ответ на которые хочет получить Вощев, содержатся и в аналогичных размышлениях (позднее тоже вычеркнутых) Прушевского: «Что же делать, если нет тех самозабвенных

впечатлений, откуда волнуется жизнь и, вставая, протягивает руки вперед к своей надежде? Пусть разум есть синтез всех чувств, где смиряются и утихают все потоки тревожных движений, но откуда тревога и движение?» (294).

Проблема этих монологов Вощева и Прушевского, «источник жизни», — одна из основных в платоновском творчестве. Это понятие, которое многократно встречается у Платонова именно в такой своей формулировке, тоже заимствовано из Священного Писания, где оно всегда относится к Богу, например: «У Тебя источник жизни» (Пс. 35: 10). Но Вощев забыл о главном источнике своей жизни, и этого знания ему не хватает больше всего. Образ «средины мира, которая сама покоится внутри, но движет судьбу на поверхности земли» (179), тоже вызывает ассоциации с Богом и Его Духом. Эти ответы на вопросы главного героя напрашиваются сами собой, но они, конечно, требуют дополнительного подтверждения как текстом повести, так и, если возможно, окружающим его контекстом. Что касается проблемы «источника жизни» в основном тексте повести, то после всех сокращений она получает уже не открытое, прямое выражение, а скрытое, и «скрывается» за всеми рассуждениями героев о том, чем живет, движется и существует человек. Таких рассуждений много, и мы к ним еще вернемся. По поводу же возможных контекстов тех проблем, которые волнуют Вощева, а именно: его интерес к «середине мира, которая сама покоится внутри, но движет судьбу на поверхности земли» и осознание своего с этим миром единства («я предчувствую свои корни в середине целой земли и потому вижу свое право иметь весь мир, как свое тело»: 182), — то они, скорее всего, были: вопросы Вощева имеют явно философскую формулировку и носят несомненный книжный характер. Вероятно, за ними стояли какие-то философские источники. Пожалуй, таких источников было даже несколько. Чтобы это понять, мы должны снова вернуться к первым литературным выступлениям Платонова 1918–1924 гг., его тогдашним интересам, кругу чтения и манере цитировать прочитанное.

В это время Платонов живет в Воронеже, учится сначала на историко-филологическом факультете университета, затем переходит в открывшийся железнодорожный политехникум; работает в разных местах; очень много пишет и публикуется в местных газетах; участвует в литературной жизни родного города, многочисленных интеллектуальных диспутах и философских дискуссиях, которые проводились в клубе журналистов «Железное перо» и воронежском Доме Советов. Раннюю платоновскую публицистику отличает интерес к

философской проблематике, широкий охват используемой для аргументации своих идей литературы и очень вольное обращение с источниками: «Его <…> статьи перегружены экзальтированной философской риторикой и символикой <…>. В философском поиске Платонова была особая подлинность, своя глубина и особая честность. Он самостоятельно вглядывается, вживается и углубляется в ту или иную философскую идею и гипотезу, жадно вчитывается в программные выступления современных теоретиков и философов и высказывается по самому широкому спектру вопросов культуры и современности. <…>. Доказательства черпаются им отовсюду: из работ А. Богданова и К. Маркса, И. Канта и Н. Бердяева, А. Бергсона и Ч. Дарвина, В. Розанова и О. Шпенглера, стихов А. Пушкина и политических речей В. Ленина и Л. Троцкого, „Философии общего дела“ Н. Федорова и статей А. Блока о кризисе культуры, выступлений К. Тимирязева и сказок, новейших математических и философско-лингвистических исследований»[162]. Эту цитату об особенностях ранней платоновской публицистики, любви будущего писателя к философским вопросам и круге его интересов мы привели потому, что те же самые черты остались и у зрелого Платонова. Судя по ранней публицистике, Платонов много читает, особенно философскую литературу. Но подход к прочитанному у него совсем не академический. Пафос Платонова-публициста направлен на то, чтобы высказать свое видение пролетарской культуры. Он опирается на те или иные философские идеи, легко компилирует разные источники, берет из них то, что ему представляется интересным, иногда соглашается с прочитанным, иногда полемизирует, но редко ссылается. При этом «никаких точных документированных данных о том, как реально осваивался Платоновым философский и литературный контекст революционного времени, мы не имеем. Многие идеи, образы и метафоры витали в воздухе эпохи, и Платонов зачастую осваивал их не по первоисточнику»[163]. Одно несомненно — он читал или слышал практически обо всем; сфера его интересов большая, в нее попадают даже философско-лингвистические исследования; круг общения широкий. Для нас этот ранний период платоновского творчества важен потому, что писатель всегда будет к нему возвращаться, используя аргументы своей старой программы и вычитанные или услышанные тогда идеи уже в диалоге с современностью.

Выявить, а тем более доказать источники многих платоновских идей бывает очень непросто, в том числе из-за их компилятивности. Вероятно, таковыми являются и приведенные нами размышления Вощева о своем единстве с миром —

соединением идей русских религиозных философов, комплексом положений метафизики всеединства. Основанное В. Соловьевым, это философское направление выражало убеждение в цельности и единстве бытия, происхождении его от одного источника — Бога. Все те вопросы, которые волнуют платоновского героя, поднимались как самим В. Соловьевым, так и другим крупным представителем данного направления — П. Флоренским. О предполагаемом знакомстве молодого воронежского публициста и мелиоратора с творчеством обоих этих философов писали неоднократно[164]. Таинственные недоумения Вощева о неком «центре мира», который движет все на поверхности земли; о своих корнях в этом мире и единстве с ним, желании иметь «весь мир как свое тело» полностью находят и подтверждение, и разрешение в работах как В. Соловьева, так и П. Флоренского. Приведем несколько выдержек из работ В. Соловьева и П. Флоренского — для иллюстрации сходства с ними рассуждений платоновского героя. При этом цитировать П. Флоренского проще — ввиду единственности такой его книги, на которую в данном случае уместно ссылаться: «Столп и Утверждение Истины». Философское наследие В. Соловьева огромно, но основной круг его идей более или менее общий везде, поэтому для ссылок мы произвольно выбрали две работы философа: «Чтения о Богочеловечестве» и «Россия и Вселенская Церковь».

В. Соловьев пишет о мире как о «едином теле»: «Мир должен стать одним живым телом — полным воплощением Божественной Премудрости»; о Боге как «двигателе» мира: «В этом (космическом) процессе <…> усматривается две основы или два производящих двигателя, — один безусловно деятельный — Бог в Своем Слове и Своем Духе, — и другой, <…> именуемый землею»; о единстве и мудром устройстве всего мира, которые являются сущностью Бога: «Существенная премудрость — безусловное единство всего»[165]; «Единство всех составляет собственное содержание, предмет или объективную сущность Бога»; о невозможности без высшего начала мира даже знания о мире: «Необходимость безусловного начала для высших интересов человека <…> для разума и истинного знания»[166] и т. д.

П. Флоренский тоже говорит о Боге как о «едином центре»; о том, что «мир есть единое тело»; называет исследуемую им истину «движением неподвижным и неподвижностью движущейся», а также «источником всякого бытия» и т. д. Проблема «корней» человека, которая волнует Вощева, также широко представлена в работе Павла Флоренского. Он много пишет о «вечных корнях твари, которыми она держится в Боге», о

«вечном корне нашем», о «первозданном корне личности», «через который она получает себе Жизнь Вечную от Единого Источника жизни». «Если тварь отрывается от корня своего, — считает о. Павел, — то ее ждет неминуемая смерть»[167]. Видимо, эту же опасность осознал и Вощев, который чувствует «свои корни в середине целой земли» и настаивает на праве «иметь весь мир как свое тело».

В связи с работами В. Соловьева и П. Флоренского как возможными источниками философской проблематики «Котлована» любопытен еще один вычеркнутый эпизод повести. Вощев в поле размышляет о растущей траве, разуме кузнечика и единстве всего мира как условии науки; приходит к признанию разумности всей твари и осмысленности природного мира, а также к какому-то новому восприятию окружающего и себя в том числе: «Травяная мелочь бережно таилась у низов ржи, — может быть, она надеялась на свое искупление из природы человеком или сама была сцеплена глубиной корней с питающей ее истиной терпения <…> Вощев хотел поймать для памяти кузнечика, чтобы разглядеть вблизи это существо, уверенное в своей жизни <…>. Вощев взял кузнечика в руку и стал глядеть на него, ища глаза и разум этого существа <…>. Отчего же человек считается выше тварей и цветов, — собеседовал с собою Вощев. — Кто так думал, тот за тварь ни разу не держался, тот думал, а не наблюдал внизу <…>. Нет, — задумался Вощев. — Я не лучше кузнечика, — я же вижу его! Я буду жить в ровный ряд со всеми, иначе — науки не будет» (180). О возможности науки и всякого знания о мире только при условии единства и цельности вселенной — цельности, которая является доказательством творения мира Единым Богом, — пишут и В. Соловьев, и П. Флоренский. Мы не будем приводить всех параллелей между размышлениями Вощева и идеями этих русских религиозных философов — случайно это или закономерно, но их очень много. Нам же здесь важно одно — рассуждения платоновского героя обнаруживают несомненную перекличку с проблематикой философии всеединства, а, соответственно, являются дополнительным доказательством присутствия в «Котловане» — в скрытой форме — идеи Бога.

В этих вычеркнутых «думах» Вощева затронуты и другие проблемы, которые волнует героя и тоже связаны с вопросом об истине: осмысленность, необходимость и стройность природной жизни; природа как носительница истинной жизни и наставница в «истине терпения»; место человека в мире в связи с разумностью и осмысленностью природной жизни: «В земле есть истина, раз она произошла и существует, но нет сознания, а в

человеке есть сознание, но нет смысла жизни» (184). Проблематика этих вычеркнутых фрагментов так или иначе осталась в тексте и представлена, пусть и менее открыто, в других эпизодах «Котлована». Она спровоцирована отчасти юношескими воззрениями писателя на природу, от которых он теперь отказывается: природа неразумна и неудобна для человека; это враг, которого нужно победить; отчасти — увлечением идеями «Тектологии». Пытаясь понять «организационное начало человека», за «организационным опытом» Вощев обращается и к природе. «Может, природа нам что-нибудь покажет внизу» (30), — говорит Вощев, никогда не оставлявший своей мысли об истине и истинной жизни. И природа всегда показывала ему истину: разумность твари, т. е. творения; знание ею своего места в существующем мире и безропотное исполнение данных Творцом обязанностей; и главное — жертвенность и готовность на смерть ради другого существа:

«Еще высоко было солнце, и жалобно пели птицы в освещенном воздухе, не торжествуя, а ища пищи в пространстве; ласточки низко мчались над склоненными роющими людьми, они смолкали крыльями от усталости, и под их пухом и перьями был пот нужды — они летали с самой зари, не переставая мучить себя для сытости птенцов и подруг. Вощев поднял однажды мгновенно умершую в воздухе птицу и павшую вниз: она была вся в поту; а когда Вощев ее ощипал, чтобы увидеть тело, то в его руках осталось скудное печальное существо, погибшее от утомления своего труда. И нынче Вощев не жалел себя на уничтожение сросшегося фунта: здесь будет дом, в нем будут храниться люди от невзгоды и бросать крошки из окон живущим снаружи птицам» (31).

Чтобы понять смысл жизни и смерти, «точное устройство» вселенной и истину о ее происхождении, Вощев кладет в свой мешок или карман не только «умерший, палый лист» или «вещественные остатки потерянных людей», но и камешки «как документы бесплановогo создания мира» (49). И тоже находит в них для себя и пример, и утешение: «Вощев иногда наклонялся и подымал камешек, а также другой слипшийся прах, и клал его на хранение в свои штаны. Его радовало и беспокоило почти вечное пребывание камешка в среде глины, в скоплении тьмы: значит, ему есть расчет там находиться, тем более следует человеку жить» (35).

Почти всякий раз, когда в «Котловане» речь заходит о «точном устройстве мира» и его происхождении, упоминается и «смысл жизни», или знание того, «куда надо стремиться» (23). Это, как мы говорили, один из пунктов «плана жизни» по

изменению отношения к труду равнодушного к нему современного человека — вклад платоновского героя в профсоюзную культработу. «Ты не имел смысла житья», — говорит Вощев «листу», то ли элементу природы, не наделенной сознанием; то ли человеку, не познавшему через созерцание природы смысла жизни и погибшему без этого знания. — «Я узнаю, за что ты жил и погиб» (23). Свое намерение «открыть всеобщий, долгий смысл жизни» (25) Вощев подтверждает неоднократно. «Могу в будущем смысл жизни выдумать для всех» (182), — характеризует свои умения безработный Вощев вербующему его на постройку дома профуполномоченному. «А может твой смысл повлиять на выработку труда?», — спрашивает тот в свою очередь. «Конечно, может. Отчего же я сейчас работать не могу? — Что же такое этот смысл жизни? — с уважением спросил профуполномоченный» (182). «Это видимость устройства всего мира, это чувство безвыходной причины», — отвечает Вощев. Три проблемы — устройство мира, смысл жизни и истина — в «Котловане» связаны очень тесно и время от времени отождествляются. Объясняя профуполномоченному, как смысл жизни может «повлиять на выработку труда», Вощев говорит: «Снаружи человек может организоваться, а для внутреннего состояния ему нужен смысл, потому что без истины человек, как без плана: его любая стихия качает и трудиться невозможно» (182). В уже цитированном нами заявлении о приеме на работу в культотдел окрпрофбюро Вощев указал, что «истина есть потребность, она — организационное начало человека, причем истину нельзя понимать как лишь организационный момент, но следует воображать ее себе трудом над организацией вечности» (183). Таким образом, интерес героя к «организационному началу» человека дополняется желанием знать то, «куда надо стремиться»; а интерес к «началу» мира (как к первому моменту его существования, так и к его основной причине, первоисточнику) уравновешивается потребностью знать его «конец», и для этой вечности трудиться. Таких знаний профсоюзная культработа не давала, и Вощев решил это исправить. Но юношеская программа самого Платонова составлялась как раз с учетом «организации вечности» — он верил, что пролетарская культура является концом истории и прогресса, победой над природой и смертью. Это «бессмертие человечества и спасение его от каземата физических законов» Платонов и считал смыслом пролетарской культуры. Ну и, конечно, многочисленные философские или религиозно-философские системы, которые попадали в круг размышлений молодого Платонова, перспективу «вечности», или вечной жизни,

тоже учитывали. По ряду причин, которые мы объясняли, назвать многие философские источники платоновского творчества очень не просто, но одно чтение и увлечение молодого Платонова узнается легко. Это «Философия общего дела» русского философа-утописта XIX века Н. Ф. Федорова, и к отражению его идей в «Котловане» мы еще вернемся. Цель и смысл жизни — центральные понятия учения Федорова, который утверждал, что у всего человеческого рода обязательно должна быть общая цель; что наука не может быть «знанием причин без знания цели»; что признание «невозможным знание смысла жизни, ни ее цели» есть изъян многих новейших философских учений. Единственной «истинной целью человеческого рода» и Богом определенным смыслом жизни людей на земле Федоров называет «возвращение жизни отцам» — воскрешение ранее умерших людей, «отцов», путем «регуляции природы», управления ею, чему и должна, с точки зрения Федорова, служить наука. «Объединение сынов для воскрешения отцов <…> дает истинную цель и смысл жизни»[168]; — считает Федоров. Материал же будущего воскрешения Федоров видит в прахе предков. И вот теперь Платонов в лице своего героя, путешествующего одновременно и по современной стране Советов, и по стране юношеской мечты самого писателя и не знающего, как и всякий современный человек, «для чего ему жить» (50), в трудном поиске смысла жизни вспоминает свои старые идеалы — и не без сожаления расстается с ними.

Свою юношескую мечту о «бессмертии человечества» как цели пролетарской культуры и смысле построения «храма общечеловеческого творчества» Платонов вкладывает в уста профуполномоченного, агитирующего строителей перед постройкой «общего дома» пройти маршем по старому городу и еще раз убедиться в убожестве и горечи старой жизни: «Это окрпрофбюро хотело показать вашей первой образцовой артели жалость старой жизни, разные бедные жилища и скучные условия, а также кладбище, где хоронились пролетарии, которые скончались до революции без счастья, — тогда бы вы увидели, зачем нужен общий дом пролетариату, который вы начнете строить вслед за тем» (191). Лучшим разоблачением этой цели жизни, которая ориентировалась на земное бессмертие человечества, является итог строительства «общего дома пролетариату» — котлован, общая могила и «врагов» дома, и его строителей.

Представление о «смысле жизни», как его понимал Н. Федоров, Платонов отдает Чиклину, который пытается спрятать кости умершей Настиной матери, Юлии, в одном из

помещений кафельного завода: «Пусть сэкономится что-нибудь от человека — мне так и чувствуется, когда я вижу горе мертвых или их кости, зачем мне жить!» (56). Но Платонов отвергает и этот вариант смысла жизни. Отношение писателя к буквальной реализации проекта Н. Федорова однозначно выражено в диалоге Жачева с Прушевским: «Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей? — Нет, — сказал Прушевский. — Врешь, — упрекнул Жачев, не открывая глаз. — Марксизм все сумеет. Отчего же тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет!» (100).

С горечью и иронией Платонов говорит о «смысле жизни» большинства современных людей: в бараке землекопов был установлен радиорупор, «чтобы во время отдыха каждый мог приобретать смысл массовой жизни из трубы» (53); а «в колхозном смысле жизни» (77) убедились одни лошади, которые от этого убеждения и на водопой стали ходить самостоятельно, и корм себе сами заготавливали — ведь о них в колхозе никто больше не заботился.

Смысл жизни, который нужен Вощеву «для производительности труда», должен быть другим. Другой должна быть и вечность, ради которой человек станет трудиться. Они в повести не названы, как не названа прямо и истина. Констатируется только ее отсутствие в том «городе», куда приходит Вощев. Однако этот отрицательный результат тоже значим. И здесь мы хотим процитировать еще одно философское произведение, которое могло попасть в поле зрения Платонова, а если и не попало, то, значит, случайно очень точно выразило плод духовных исканий платоновского героя и итог «Котлована» по вопросу о смысле жизни и истине. Это произведение — работа Е. Трубецкого «Смысл жизни», изданная в 1918 г. «Отмеченные нами неудачи в поисках смысла жизни имеют значение не только отрицательное, — пишет Трубецкой. — Определяя искомый нами мировой смысл новыми отрицательными чертами, он [т. е. поиск] тем самым косвенно наводит на положительные его определения. Горьким жизненным опытом мы признаем, *где его нет*, а уж тем самым, по методу исключения, мы приближаемся к тому единственному пути, где он может нам открыться»[169].

Анализируя страницы рукописи «Котлована», мы показали, что там во многих фрагментах выражена идея Бога как «организационного начала» мира, и это как раз то знание, которого не хватает Вощеву, ищущему «организационное начало» человека. Есть эта идея и в других фрагментах текста. А. Харитонов, например, увидел ее в комбинации трех элементов художественной ткани повести: сюжета (путь), предмета поисков

главного героя (истина) и основного слова всех философских синтагм (жизнь), которые вместе представляют евангельскую цитату — слова Спасителя: «Я есть путь, и истина, и жизнь» (Ин. 14: 6). Эта же идея, как нам кажется, представлена в «Котловане» еще одной известной цитатой из Священного Писания, так же «вписанной» в словесную ткань повести.

Чтобы это понять, надо знать особенности повествовательной манеры Платонова, для которой характерно явление, замеченное Е. Толстой: так называемая «расподобленная» цитация. Платонов очень часто использует известные (или не очень) слова и выражения, будь то литературная или какая-то другая цитата или же фольклорная формула, не прямо, а разбивая их и «растворяя» в собственном тексте. Источники таких цитат могут быть самые разные, и Платонов, похоже, совсем не ориентируется на читательскую эрудицию. Просто он любит «чужое слово», особенно если оно встречается в разных и при этом важных для Платонова контекстах.

Автор статьи о языке «Котлована» Ю. Левин замечает, что наиболее характерны для этого произведении Платонова слова **жизнь/жить, существование/существовать, истина/истинный**[170]. Из своего наблюдения Левин делает вывод об экзистенциализме писателя. Нам же кажется, что причина частоты этих слов на страницах платоновской повести иная. Есть еще одно слово, тоже весьма представленное в языке «Котлована». Это слово **движение/двигаться**. Оно нередко встречается и в окончательном тексте повести, но в рукописном — еще чаще. На этих трех словах в основном и построены размышления Вощева и Прушевского об источниках жизни, «причине и течении всемирного существования»: «средства для своего существования» (21); «все живет и терпит на свете» (23); «в тех домах будут безмолвно существовать доныне бесприютные массы» (23); «все предавалось безответному существованию» (23); «каждый существовал без всякого излишка жизни» (27); «пролетариат живет один, как сукин сын» (35); «для чего ему жить иначе» (35); «некуда жить, вот и думаешь в голову» (37); «вечное вещество, не нуждающееся ни в движении, ни в жизни, ни в исчезновении, заменяло Прушевскому что-то забытое и необходимое, как существо утраченной подруги» (37); «для личной радости существования» (39); «принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье» (41); «точно все живущее находилось где-то посреди времени и своего движения» (63); «ты вполне можешь не существовать» (69); «тут двигаются целые кучи ради существования» (76); «движение жизненной массы» (82); «Ты думаешь, это люди существуют? Это одна наружная кожа» (94);

«но откуда тревога и движение?» (105); «она чувствовала вблизи несущееся, горячее движение» (105); «если вам нечем спокойно существовать»; «все предавалось безответному существованию» (172); «окрестная жизнь утешала его своим действием и существованием» (181); «ты зачем здесь ходишь и существуешь?» (187) и многие другие. Нам кажется, что за всеми этими рассуждениями героев или авторским текстом стоит цитата из «Деяний святых Апостолов»: «Мы Им (Богом. — Н.Д.) живем, и движемся, и существуем» (Деян. 17, 28), которая, вероятно, и является ответом на вопрос Вощева о забытой истине об «организационном начале человека». Дополнительное свидетельство того, что за размышлениями героев стоят именно эти слова ап. Павла, мы нашли в пьесе «Шарманка», которую Платонов пишет сразу после «Котлована» и с которой «Котлован» очень тесно связан — и тематически, и текстуально (автоцитацией и переходом части текста). В уста одного из героев «Шарманки» Платонов вкладывает фразу, в которой все три ключевые глагола стоят рядом: «Да разве ты живешь? Ты движешься, а не существуешь». Кроме этой, в пьесе «Шарманка» есть еще несколько цитат из Священного Писания, в том числе и такая совершенно откровенная: «Боже мой, Боже мой, для чего ты оставил меня на этом посту?» (Ср.: Мф. 27: 46.)

При анализе отрывков, в которых упоминаются ключевые слова мысли ап. Павла **жить, двигаться, существовать,** нужно учитывать еще одно свойство платоновской прозы — развивать основную тему в нескольких ключах, что относится и к теме **движения**. Дело в том, что у этой темы был обширный политический контекст, представленный многочисленными утверждениями Ленина и Сталина о движении к социализму, его развитии и ускорении, а также политической фразеологией, основанной на идее «пролетарского движения», о чем речь шла в предыдущем разделе нашей работы. Этот контекст тоже представлен в «Котловане»: «А истина полагается пролетариату? — Пролетариату полагается движение» (71) и др. Столкновение этих двух контекстов — библейского и современного политического — приводит к наложению их и внутреннему конфликту, который проявляется в том, что Вощев «тоже хотел двигаться, но с живыми, а не мертвыми глазами».

С вопросом об истине в «Котловане» связана и проблема ее познания. Узнать истину хочет прежде всего Вощев, но что-то этому мешает. В том же самом вычеркнутом фрагменте текста, на который мы уже многократно ссылались (эпизод с профуполномоченным), осталось такое загадочное объяснение неспособности героя познать истину: «Я предчувствую свои корни

в середине целой земли и потому вижу свое право иметь весь мир как свое тело <…> Но стоит против этого какое-то громадное и темное стеснение, и оно занимает ровно половину истины» (182). Нечто подобное — какое-то стеснение или стена, в которую упирается познающее мир сознание — мешает до конца познать природу и Прушевскому:

«Инженер Прушевский уже с двадцати пяти лет почувствовал стеснение своего сознания и конец дальнейшему понятию жизни, будто темная стена предстала в упор перед его ощущающим умом. И с тех пор он мучился, шевелясь у своей стены, и успокаивался, что, в сущности, самое срединное, истинное устройство вещества, из которого скомбинирован мир и люди, им постигнуто, вся насущная наука расположена еще до стены его сознания, а за стеною находится лишь скучное место, куда можно и не стремиться. Но все же интересно было — не вылез ли кто-нибудь за стену вперед. Прушевский еще раз вышел за стену барака и поглядел, согнувшись, по ту сторону на ближнего спящего <…>» (33).

В последнем отрывке, кроме его гносеологической проблематики, интересно еще и то, как Платонов соединяет сюжетную ситуацию — стоящий у стены барака инженер — с философской проблематикой повести: какая-то «стена», т. е. преграда, помеха, которая мешает познающему субъекту видеть и познавать мир. По поводу проблемы познания следует сказать, что это — постоянный мотив платоновского творчества; постоянен и образ некой помехи на пути познающего сознания или же простого восприятия окружающего мира — своеобразная «броня» из забот или же другая «заслона» на сердце. В «Котловане» никакой мотивировки этого образа нет: есть признание «стены», или «темного стеснения», которые мешают видеть и понимать — и все. Но любопытно вот что. Познание истины — одна из основных тем в работе П. Флоренского «Столп и Утверждение Истины», с которой, как мы уже говорили, Платонов в какой-то степени, вероятно, был знаком. Решение, которое Флоренский предлагает по вопросу о познании истины, своеобразно перекликается и с платоновским образом «стены», или «стеснения» сознания, а также «заслоны» на сердце в других его произведениях; в «Столпе» находит и своего рода объяснение неспособность ученого Прушевского до конца познать мир. Флоренский говорит о недостаточности познания рассудочного и необходимости познания духовного. Основной же помехой на пути познания о. Павел считает своего рода броню на сердце: «сердце словно окружило себя твердой корой. Оно живо, но — за стенами». Причиной такой закрытости человеческого сердца для

познания Флоренский считает грех: «Грех есть то средостение, которое Я ставит между собой и реальностью, — обложение сердца корою»[171]. Грех же он понимает прежде всего как самолюбие: «Я = Я», или точнее «Я!». П. Флоренский пишет об очищении сердца как условии всякого познания и о любви, которая способствует этому очищению. О возможности познания Платонов прямо не говорит ничего. Финал повести, когда Вощев поцеловал умершую Настю и истина как будто открылась ему («он узнал больше того, чем искал»), — загадочен, в том числе и в вопросе о причинах этого знания.

До сих пор мы почти ничего не говорили о главном герое «Котлована» — искателе истины и собирателе «вещественных остатков потерянных людей» Вощеве. А между тем в системе персонажей «Котлована» он занимает особое место. По функции в повести его называют иногда «медиатором», т. е. героем, служащим для связи сюжета произведения, и только. Однако с такой трактовкой этого персонажа едва ли можно согласиться. Мы уже писали о том, что Платонов придает Вощеву некоторые автобиографические черты: герою столько лет, сколько Платонову; он, как и сам писатель, потерял работу; он направляется в Город юношеской мечты писателя. Те вопросы, с которыми Вощев проходит через все произведение, тоже являются авторскими: что есть истина и в чем причина жизни и смерти — во всех значениях этих слов. Вопрос о смерти волнует героя (и автора) прежде всего в связи с массовой гибелью современных людей, а также превращением еще живых в «мертвые души» и «прах». Он спрашивает всех об истине и собирает в мешок «под видом ветоши» «души умерших», в том числе и советские «мертвые души» — не желающих оставаться в колхозе крестьян, от которых Сталин отрекся, назвав их «мертвыми душами». Отправляясь в духовное путешествие по советской действительности, герой (а в его лице и автор, болеющий за жизнь и душу своего народа) прежде всего хочет понять, как спасти оказавшихся в беде людей. В этом своем желании он уподобляется героям раннего платоновского творчества.

Именно поэтому в образе Вощева, кроме биографического сходства и идейного родства с самим Платоновым, исследователи отмечают черты, относящие его к определенной группе платоновских персонажей — так называемых «героев-спасителей». Данный тип героя появляется уже в ранней платоновской прозе — это упомянутые нами инженеры и «преобразователи мира», ищущие средства спасения от жизненных невзгод (страданий, болезни и смерти, природных стихий и т. д.), с помощью знания и техники пытающиеся приспособить природный

мир к нуждам и потребностям человека. Эту разновидность платоновских персонажей исследователи[172] связывают с образом Иисуса Христа — Божественного Спасителя, своей мученической смертью искупившего грех мира и даровавшего людям возможность бессмертия. Героев-«спасителей» раннего платоновского творчества тоже волнует проблема бессмертия, но речь о душе народа в их программе не идет и сравнивать их с Христом можно только с учетом общих реформаторских установок молодого Платонова и его переосмысления всего Евангелия, о чем подробно мы уже писали.

В образе Вощева определенные евангельские реминисценции тоже есть. Ввиду важности данной проблемы для всего творчества Платонова и связи ее с поисками истины и пути «спасения народа» — ниточкой надежды в полном пессимизма «Котловане» — остановимся на этих реминисценциях более подробно и приведем их по наблюдениям А. Харитонова. Прежде всего это уже упомянутый нами мотив 30-летия — «возраста духовной зрелости», который объединяет Вощева не только с автором повести или лирическим героем Данте, но и с Христом, в 30 лет вышедшим на проповедь. Кроме того, Вощев ищет истину, которая в сознании человека, воспитанного на христианской культуре, ассоциируется с Евангелием — Благой вестью о спасении. В словах Вощева: «Скучно собаке; она живет благодаря одному рождению, как и я» (22), — есть прямая аллюзия на слова Христа о возможности второго, духовного рождения («если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия»: Ин. 3: 3). Эта аллюзия характеризует не собаку — «природного члена параллели», а героя. «Он, человек, живет как тварь, не познавшая добра и зла, — благодаря одному, т. е. первому, рождению — плотскому, физическому, но не духовному»[173]. Один из первых эпизодов «Котлована», сцена в завкоме в преддверии пути Вощева в поисках истины, перекликается с евангельским эпизодом «искушения хлебами» — событием земной жизни Спасителя перед выходом его на проповедь. Постившийся 40 дней Христос взалкал, и дьявол попытался соблазнить его: «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф. 4: 3). Уволенный за думу о «душевном смысле» Вощев, испугавшись голода, приходит в завком, где героя пытаются переубедить: «Счастье произойдет от материализма, товарищ Вощев, а не от смысла». Христос не поддается искушению: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Вощев тоже не отказывается от своей думы об истине: «Без думы люди действуют бессмысленно!» Противопоставление двух понятий, которыми «испытывают» Вощева в завкоме —

«душевный смысл» и «материализм» —, позволяет рассматривать их как альтернативу «хлеба духовного» и «хлеба земного». Вощев выбирает «душевный смысл» и выдерживает испытание. Затем он идет «в мир» со своей проповедью истины и необходимости ее для души человека и производительности его труда. В описании духовной жажды героя и его тоски по истине содержится намек на одну из евангельских заповедей блаженства: «блаженны алчущие и жаждущие правды». Изгнание же его, вопрошающего об этой истине, отовсюду — из завкома, пивной, дома шоссейного надзирателя (последний эпизод Платонов вычеркнул на самой последней стадии правки машинописи) — заставляет вспомнить о другой заповеди блаженства: «блаженны изгнанные за правду». В последующем поведении Вощева есть черты библейского пророка, ассоциирующиеся и с проповеднической деятельностью Христа.

Можно и дальше перечислять вероятные евангельские аллюзии в образе главного героя «Котлована», и обычно их называют еще больше, но не это наша задача. Проблема не в том, есть ли такие аллюзии в «Котловане» (они есть), а в том, какова их функция. Ответим на этот вопрос так: ввести тему Евангелия и евангельской истины, тему бедственного положения современных людей, которых в прямом и переносном смысле лишали жизни — и необходимости их спасения. В «Котловане», как мы показали, нет ответа на основные вопросы Вощева — об истине, о смысле жизни, о путях «воскрешения» современных «мертвых душ». Они появятся позже. Но до того к той же самой теме «мертвых душ» Платонов обратится еще неоднократно, в том числе и сразу после «Котлована» в уже упомянутой нами пьесе «Шарманка». Написанная под впечатлением от политических процессов над «вредителями», «Шарманка» изображает хорошо известные события нашей истории с совершенно неожиданной стороны — пагубных последствий для нравственности народа вовлечения его в эти политические игры. Гоголевская тема «мертвых душ», впервые заявленная в фельетоне 1921 г. «Душа человека — неприличное животное», одна из частей которого так и называлась «Мертвые души в советской бричке», пройдет в творчестве Платонова длинный путь своего внутреннего развития и к концу 1930-х годов получит новую трактовку: озлобленный и опустошенный народ, из души которого сначала «вынули веру», потом лишили имущества, а затем долго «кормили» политическими процессами над «вредителями». Обдумав все возможные пути воскрешения «мертвой души» такого народа, Платонов со своей обычной честностью в маленьком рассказе конца 30-х годов «Юшка» через евангельские аллюзии, которые также проделают в творчестве писателя своеобразную эволюцию и

вернутся к своему первоисточнику, назовет единственно возможного Спасителя отрекшегося от Бога народа: «Агнец Божий, который берет на Себя грех мира» (Ин.1: 29). И этот грех — тоже.

Но вернемся к финалу «Котлована» и к тому, что в 1930 г. было истиной для Платонова. Однозначно сказать это мы не можем — текст повести не дает к этому основания. Но то, что писатель осознает тупик социалистического мировоззрения, несомненно. Истина («истина всемирного происхождения») и смысл (представление о том, «куда надо стремиться»), которые хочет знать Вощев и которых теперь «нет на свете», безусловно, те самые, которые давала религия. В статье «О любви» Платонов писал: «Если мы хотим разрушить религию и сознаем, что это сделать надо непременно, так как коммунизм и религия несовместимы, то народу надо дать вместо религии не меньше, а больше, чем религия. У нас же многие думают, что веру можно отнять, а лучшего ничего не дать. Душа нынешнего человека так сорганизована, что вынь только из нее веру, она вся опрокинется». Кризис сознания, у которого отняли веру, и переживает платоновский герой.

Град грядущий: башня Церкви и ее строители

Итак, со своим вопросом об истине Вощев идет в тот самый «неведомый Город», который когда-то автору «Котлована» представлялся столпом истины и альтернативой грядущего Града, Небесного Иерусалима, в конце времен спускающегося с небес. Теперь этот Город существует — это молодая страна Советов, Союз Советских Социалистических Республик, который должен стать райским садом и «домом» для всех трудящихся. «Эсесерша», правда, еще девочка, но она растет и живет мечтой о светлых и радостных Городах будущего, которые уже не просто планируются, а строятся. Так в образе «другого города» неожиданно переплетаются и старые идеалы вместе с их былыми полемическими прообразами, и современность с ее новыми перспективами и надеждами, — и он оказывается на пересечении всех времен, реальностей, упований.

При этом черты грядущего Града в образе «другого города» совершенно неслучайны. Дело в том, что сам Платонов когда-то мечтал о конце природы, истории и прогресса, который наступит с победой пролетарской культуры, и много писал об этом в своей публицистике. Когда же новый мир стал реальностью, определенные признаки «конца» он действительно обнаружил. С тех пор эсхатологические мотивы, черты апокалипсиса, «конца

мира» в современной действительности — постоянные в платоновском творчестве. Одну из своих работ о Платонове Е. Толстая, например, так и назвала: «Мир после конца», а всему циклу статей о творчестве писателя дала название «Апокалипсис Андрея Платонова»[174].

Главным сооружением того города, в который попадает Вощев, как мы писали в первой главе, является «общепролетарский дом». Напомним, что идея «общего дома пролетариату» дублируется в повести образами нескольких «башен»: уже начавшееся строительство одной из них наблюдает Вощев; две других мечтает построить Прушевский — в данном городе и в середине мира. Как и из чего строится «общепролетарский дом», речь тоже шла выше: «строительным материалом» этого здания оказываются сами строители — люди, к которым идеологи «построения социализма» относились как к «отходам и отбросам крестьянских хозяйств и городского населения» и которые «свое тело выдавливали в общее здание». Писали мы и о советском обществе, этот дом-социализм строящем; и о восприятии его Платоновым. С личными качествами «строителей дома» связано и содержание того «исторического общества», которое они создают и которое олицетворяет в повести девочка Настя — грубая и обработанная софистикой. Мы показали и то, что такая оценка социалистической реальности Платоновым совпадала с впечатлениями его современников. Нам кажется, однако, что на подобное осмысление «строительства социализма», а также на расстановку определенных акцентов в теме строительства «общепролетарского дома» повлияли не только личные впечатления писателя, сходные с ощущениями его современников, но и книга П. Флоренского «Столп и Утверждение Истины», с которой Платонов в той или иной степени, как мы уже писали, вероятнее всего, был знаком. Случайно или нет, но центральное событие «Котлована» обнаруживает своеобразную перекличку с одним примером из книги Флоренского.

В разных разделах своей книги Павел Флоренский уделяет много внимания Божественному промыслу о спасении людей. Это попечение Бога о мире началось с первого человека, Адама, его грехопадения и изгнания из рая; с того момента, когда оскудение земного плодородия и тяжесть труда, скорбь, страдания и смерть вошли в мир. Оно выразилось в послании на землю Божественного Спасителя, искупившего Своей смертью грех Адама и даровавшего верующим в Него победу над грехом и смертью, а также в обетовании Его ученикам и последователям Царства Небесного, которое в конце времен спускается с небес

как альтернатива потерянного рая. Но к этому Царству каждый человек и человечество в целом должны упорно идти всю жизнь и все историческое время и могут приблизиться только через подвиг. Правда, пишет Флоренский, предчувствие этого Царства дается «твердо ставшему на стезю спасения». Появление такого предчувствия Флоренский сравнивает с юношеской влюбленностью и радостью первого поцелуя: «в начале подвига нежным поцелуем встретит Невеста. <…> Но этот поцелуй, эта радость — лишь обручение. <…> Она <…> — во обручение будущего Царствия»[175]. Память об этом поцелуе поддерживает подвижника сладким воспоминанием на протяжении его жизненного поприща и трудного пути к Царству Небесному, говорит Флоренский.

О наступлении на земле «царства сознания» и о спасении человека от «казематов физических законов» на заре новой социалистической эры пишет и молодой Платонов. Идее христианского спасения и бессмертия он противопоставляет спасение человека своими собственными силами, равно как и достижение им вечной жизни средствами науки. В «Рассказе о многих интересных вещах» (1923) появляется и образ некой девушки-Невесты, которая вдохновляет большевиков на построение дома-сада для всех людей. В аллегорическом «Котловане» эта история трансформируется в образ любви к «одному и тому же женскому существу», которая в молодости возникла у героев, воплотивших в повести движущие силы революции: интеллигента Прушевского и пролетария Чиклина, причем у Чиклина — после юношеского поцелуя.

Согласно принятой в соответствующей литературе терминологии, Божественный промысел о мире и спасении людей называется «Божественным домостроительством», или «домостроительством нашего спасения». Данное понятие восходит к образу из посланий апостола Павла (Еф. 2: 20–22; Еф. 3: 2; 1 Кор. 4: 1) и относится к строительству на земле Церкви Христовой, но не культового здания, конечно, а собрания верующих, за Христом последовавших и образующих Его Тело — мистической реальности, той самой «Невесты Агнца», или Небесного Иерусалима, который в конце времен спускается с небес. Апостол Павел изображает Церковь в виде строящегося здания, которое «имеет Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой Храм в Господе» (Еф. 2: 20–21). Это здание (дальше мы будем цитировать Флоренского) «строится из самих людей» и «под материалом для постройки прежде всего надо разуметь то, что представляют собой люди в их актуально-раскрытом,

эмпирическом характере». Флоренский — а для него это принципиально важное положение — говорит о двух аспектах Церкви: с одной стороны, Церковь является за-пре-дельной[176] реальностью, созданной Богом раньше мира (Флоренский называет это небесно-эоническим аспектом Церкви); с другой стороны, Церковь — это конкретные, живые люди, «уже начавшие подвиг восстановления, уже вошедшие своею эмпирическою стороною в Тело Христово» (Флоренский называет это историческим аспектом Церкви). О двух аспектах Церкви Флоренский рассуждает, опираясь главным образом на памятник раннехристианской письменности, впрочем, очень известный и даже причислявшийся в свое время к новозаветному канону. Речь идет о «Пастыре» римского аскета I-го и начала II века Ерма. По содержанию «Пастырь» относят к апокалиптической литературе (что для Платонова с его мотивом «конца мира» должно было иметь весьма важное значение).

«Пастырь» Ерма состоит из нескольких разделов; часть их составляют так называемые «Видения», из которых самыми замечательными называют видения Церкви. Церковь является Ерму в двух своих аспектах — «как до-мирное существо и как величина в мире строимая». Флоренский описывает это так: «В первом, премирном аспекте Ерм видел ее под образом женщины, одетой в блестящую одежду; сперва эта Женщина явилась старою, затем моложе, а напоследок — совсем юною». Старость Женщины Ерм объясняет сотворением Церкви прежде мира. Эта Старица и показывает Ерму другую, историческую Церковь, символически изображенную в виде постройки башни. Флоренский пишет: «Во втором, историческом аспекте Ерм видел Церковь под образом башни, строимой на водах крещения юношами <…>. Камнями же для стройки Церкви являлись христиане. Входя в состав постройки, эти камни спаивались так крепко, что вся башня представлялась как бы высеченною из одного цельного камня». Церковь в образе Старицы сама объясняет Ерму значение башни: «Башня, которую ты видишь строимою, это — я, Церковь, явленная тебе теперь и прежде». «В чем же спасение?», — спрашивает о. Павел. И сам отвечает: «В том, чтобы войти камнем в строящуюся башню. <…> Спасение — в единосущии с Церковью». Первое видение Ерма относилось к историческим временам: «Башня-Церковь еще не достроена». Но вот «в новом видении Ерму является, как пророческое предвосхищение будущего, Башня-Церковь в законченном виде», ставшая единственной реальностью после исполнения времен. Далее, как пишет Флоренский, «Пастырь показывает Ерму Божественное Строение». «Церковь в ее небесном аспекте», поясняет о. Павел, —

это и есть «Святой Храм Господень», «Великий Город, Иерусалим Небесный, Иерусалим Горний и Святой», Царство Божие, Невеста Агнца, «вечная Невеста Слова Божия»; «Дух Святой живет в этом Городе, светит ему, и поэтому ключами от Города владеют духоносцы, ведающие тайны Божие».

Флоренский настаивает на том, что Церковь в двух своих аспектах, небесном и историческом, как до-мирная реальность и величина, в мире строимая, Старица и башня — «это одно и то же существо, но только видимое под двумя разными углами зрения, — а именно со стороны небесной и пред-существующей, единящей мистической формы, и со стороны объединяемого эмпирического, земного и временного содержания». Флоренский подчеркивает: «Раздельность символических образов указует лишь на различие двух точек зрения, один раз, так сказать, сверху вниз, с неба на землю, долу; а другой раз — снизу вверх, с земли на небо, горё».

Нам кажется, что образная и идейная структура «Котлована» сложилась под влиянием «Пастыря» Ерма в передаче его содержания и расстановке акцентов Павлом Флоренским (что, конечно, не исключает других реминисценций в образах платоновской повести). Во-первых, сам центральный символ «Котлована», «общепролетарский дом», противопоставлен Церкви как «Божественному домостроительству». Во-вторых, те башни, которые в платоновской повести дублируют идею «общего дома» (еще раз напомним: одну из них, строящуюся, видит Вощев; о двух других мечтает Прушевский) и изображают разные стадии «строительства социализма», тоже, по всей видимости, восходят к двум видениям Ерма — еще строящейся Башни-Церкви и Башни-Церкви в законченном виде. В-третьих, сходен и строительный материал обеих башен — Башни-Церкви и общепролетарского здания: камнями для строительства Башни-Церкви служат христиане, которые, входя в состав постройки, «спаивались так крепко, что вся башня представлялась как бы высеченною из одного цельного камня»; но и строители «общепролетарского дома» свое тело «выдавливают в общее здание». В-четвертых, Платонов, создавая образы «строителей дома», как нам кажется, акцентирует внимание на этом «материале для постройки» будущей идеальной реальности не без влияния идей Флоренского о том, что таковым являются прежде всего «люди в их актуально-раскрытом, эмпирическом характере». И наконец, социализм в «Котловане» получает два символических образа — девочки Насти и «общепролетарского дома», — подобно тому, как Церковь в «Пастыре» является Ерму в двух символических образах — Женщины и башни. При этом Женщина, символизирующая

Церковь, сначала предстает Ерму в образе Старицы, что подчеркивает сотворение Церкви прежде мира. Но и детский возраст Насти тоже указывает на юность страны Советов, эсесерши. В свете объяснений Флоренским «раздельности двух этих символических образов», Церкви — Старицы и башни — становится понятным необычный двойной символ «Котлована», его источник и внутренняя логика. Ведь Настя и «общепролетарский дом» тоже представляют два аспекта строящегося социализма: с одной стороны, юное историческое общество и молодую страну, а с другой — будущее общественное устройство, которое задумывалось как идеальное.

Но еще раньше «Котлована» подобная христианская символика (в передаче Флоренского), вероятно, повлияла на образную структуру уже упомянутого нами раннего «Рассказа о многих интересных вещах», где творимая большевиками новая реальность представлена двумя образами-символами, имеющими одно общее название «Невеста»: домом-садом и девушкой. Девушка, Каспийская Невеста, служит большевикам для связи с миром: «Через нее мы слушаем мир, через нее можно со всем побрататься». О «Невесте» Флоренский пишет очень много: «Вечной Невестой Слова Божия» он называет Софию, тварную Премудрость, весь мир объединяющую, что роднит с ней и Каспийскую Невесту.

Дополнительным доказательством неслучайности этой параллели в «Котловане» — «общепролетарский дом» и Церковь — может быть и то обстоятельство, что в молодости Платонов, как мы писали, хотел видеть светлое социалистическое будущее оплотом, или столпом, истины. Но при этом он прекрасно знал, что столп истины — это Церковь: в одном из своих ранних рассказов «История иерея Прокопия Жабрина» Платонов приводит эти слова из послания ап. Павла[177] — цитата, которая может одновременно свидетельствовать и о недавнем чтении книги Флоренского: «Иерей Прокопий жил <…> твердо, как некий столп и утверждение истины».

Итак, «общепролетарский дом» — символ будущего счастливого устроения людей на земле — Платонов изображает как прямую противоположность Церкви, как беспомощное подражание Божественному промыслу о спасении, которое приводит к результатам, противоположным ожидаемым, и гибели людей. И дело не только в автореминисценциях и отречении Платонова от собственных юношеских заблуждений, но прежде всего в том, что коммунистическая идеология задумывалась как новая религия, чье место она и заняла (ведь Дьявол, как говорит Флоренский, «есть лишь жалкая „обезьяна Бога“»). О социализме

как новой религии на заре социалистической эры писали многие, например Н. Бердяев, который считал «социализм, претендующий окончательно разрешить проблему человеческого существования», жаждущий рая земного и ненавидящий рай небесный и т. д., — лже-религией, которая «начинается там, где хлеб земной подчиняет себе всю жизнь»[178], а в Карле Марксе видел дух Великого Инквизитора. Или А. В. Луначарский, который цель своей книги «Религия и социализм» формулирует так: «Определить место социализма среди других религиозных систем», а учение Маркса называет «пятой великой религией»[179]. О религиозных претензиях социализма говорят и современные исследователи советской цивилизации, например А. Синявский, который пишет: «Коммунизм входит в историю не только как новый социально-политический строй и экономический уклад, но и как новая великая религия, отрицающая все другие религии»[180]. Платонов увидел и изобразил то, что к 1930 г. уже публично не обсуждалось. Он показал, к чему привело подчинение жизни «хлебу земному», жажда «рая земного» и ненависть к «раю небесному». И здесь тоже следует сказать, что тема «социализм как религия» — постоянная в платоновском творчестве. В более раннем и потому более откровенном, чем «Котлован», «Городе Градове» Платонов пишет об этом прямым текстом. Один из героев повести, Бормотов, на собрании сослуживцев произносит такую речь: «Так вот, я и говорю — что такое губком? А я вам скажу: секретарь — это архиерей, а губком — епархия! Верно ведь? И епархия мудрая и серьезная, потому что религия пошла новая и посерьезней православной»[181].

У «общепролетарского дома» в «Котловане» есть антипод. Это некий таинственный город — комплекс самосветящихся зданий, который создатель «общепролетарского дома» Прушевский каким-то внутренним взором видит «на конце природы» и времени. Приведем этот эпизод полностью.

«Однажды он остановился на холме, в стороне от города и дороги. День был мутный, неопределенный, будто время не продолжалось дальше, — в такие дни дремлют растения и животные, а люди поминают родителей. Прушевский тихо глядел на всю туманную старость природы и видел на конце ее белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе. Он не знал имени тому законченному строительству и назначения его, хотя можно было понять, что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости. Прушевский с удивлением привыкшего к печали человека наблюдал точную нежность и охлажденную, сомкнутую силу отдаленных монументов. Он еще

не видел такой веры и свободы в сложенных камнях и не знал самосветящегося закона для серого цвета своей родины. Как остров, стоял среди остального новостроящегося мира этот белый сюжет сооружений и успокоенно светился. Но не все было бело в тех камнях, — в иных местах они имели синий, желтый и зеленый цвета, что придавало им нарочную красоту детского изображения. „Когда же это выстроено?“ — с огорчением сказал Прушевский. <…> Он еще раз пристально посмотрел на этот новый город, не желая ни забыть его, не ошибиться, но здания стояли по-прежнему ясными, точно вокруг них была не муть русского воздуха, а прохладная прозрачность» (59).

Это так называемое «видение Прушевского» — одна из загадок «Котлована». Все исследователи платоновского творчества сходятся в одном: таинственный светящийся город противопоставлен «общепролетарскому дому». Что касается более детальной его интерпретации, то существует несколько точек зрения, на первый взгляд противоречащих друг другу. Эти точки зрения такие: город в «видении» Прушевского — воплощение идеала светлого будущего (Дж. Шеппард); «город-утопия, утопия за утопией», которая опять переносится в будущее (Эл. Маркштейн); «уровень светлой мечты о будущем доме» (Г. Гюнтер); «светлый образ иного мира», который «сохраняется даже там, где, казалось, погибли все надежды» (Н. Малыгина); реальная церковь, которую выстроили наши предки и которую Платонов в период гонений на нее описывает с любовью (А. Киселев); Небесный Иерусалим (М. Васильева). Попробуем рассмотреть и объяснить это «видение».

Всякий, кто хоть раз обращал внимание на храмы в России, согласится с А. Киселевым, что Платонов писал эту картину с натуры. Действительно, православные храмы — всегда «белый сюжет сооружений», в которых, однако, есть «синий, желтый и зеленый цвета»; их красота напоминает «нарочную красоту детского изображения», а сами они кажутся светящимися островами «среди остального новостроящегося мира». Но одно обстоятельство мешает согласиться с точкой зрения Киселева, что Прушевский видит выстроенные нашими предками храмы; церковь, которую Платонов в период гонений на нее описывает с любовью. Если бы старый интеллигент Прушевский увидел церковь — культовое здание, он бы ее узнал, ведь в детстве он там был много раз, и до сих пор сестра поздравляет его с Пасхой. Но то, что видит Прушевский, ему незнакомо, и он с удивлением спрашивает: «Когда же это выстроено?» За отсутствием других источников для ответа на этот вопрос и для интерпретации всего «видения», обратимся опять к книге Флоренского «Столп и

Утверждение Истины».

Если «общепролетарский дом» как ожидаемое «спасение от казематов физических законов» есть противоположность Церкви как «домостроительства нашего спасения», тогда то, что является в «видении» создателю «общего дома» Прушевскому и этому дому в повести противопоставлено — это и должна быть сама Церковь. Кроме того, чудесный город, который видит Прушевский, находился «на конце природы», и день был такой, «будто время не продолжалось дальше» — аргументы, которые приводит М. Васильева в доказательство своей мысли, что город из «видения» Прушевского — это грядущий Град, Небесный Иерусалим. Понятие «Церковь» — центральное в книге Флоренского. Оно вбирает в себя и «домостроительство спасения», и Царство Божие, и Небесный Иерусалим; свое итоговое определение Столпа Истины о. Павел начинает и заканчивает словами: «это Церковь» и «это паки Церковь»[182]. Попробуем предположить, что именно поэтому Платонов придает «видению Церкви» — Небесного Иерусалима внешнее сходство с церковью, которую выстроили наши предки: писатель часто обыгрывает в одном образе разные значения слова.

Многие другие детали «видения» Прушевского также можно объяснить примерами из «Столпа». «На конце природы» Прушевский видел «белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе». Свечение — особенность Небесного Иерусалима: «Дух Святой живет в этом Городе, светит ему», — говорит Флоренский со ссылкой на Откровение Иоанна Богослова; в пасхальном ирмосе поется «Светися, светися, Новый Иерусалиме».

Прушевский даже издали понимает, «что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости». О радости о. Павел пишет много. Он говорит о «теснейшей связи между идеею о Богородице и об Иерусалиме Горнем», которая утверждается и в церковных песнопениях; о высшем тождестве Богородицы и Церкви; о воплощении в Марии красоты Мира, которая воспринимается сердцем как радость. Поэтому и зовут Богородицу Радостью и «радости мира Ходатаицей», «Нечаянной Радостью», «Радостью всех радостей», «Всех Скорбящих Радостью», «Утолением Печали» и т. д. Мария — «Невеста Духа Святого», которому о. Павел посвящает целый раздел своей книги. Он комментирует слова одиннадцатого Псалма: «Помазал Тебя, Боже, Бог твой Елеем Радости»: «Помазующий — Отец, Помазуемый — Сын, Помазание или Елей Радости — Дух Святой. Елей всегда был символом радости, а Дух Святой — Утешитель, Параклит, Радователь». Флоренский подчеркивает, что Дух

Святой и есть полнота свершений Царства Божия.

Прушевский удивляется «сомкнутой силе отдаленных монументов», открывшихся его взору, а также «вере и свободе в сложенных камнях». Необычность и особую прочность здания Церкви Флоренский объясняет тем, что камнями для ее постройки служили верующие, которые «спаивались так крепко, что вся башня представлялась как бы высеченной из одного цельного камня». На недоуменный вопрос Прушевского: «Когда же это выстроено?» — о. Павел, как мы писали выше, много и подробно отвечает, что у Церкви два аспекта — небесный и исторический. В своем небесном аспекте Церковь создана до мира; а в историческом — это «величина в мире строимая», вплоть до исполнения времен.

«Общепролетарский дом» исследователи «Котлована» относят к «спасительным сооружениям» — особой группе образов платоновского творчества. Платонов подчеркивает еще одно важное отличие этого общепролетарского «спасительного сооружения» от Церкви как «домостроительства спасения» — это основание, на котором воздвигается все здание. Для Церкви, построенной на водах крещения, таким основанием служит добровольно принесший Себя в жертву за грех мира Иисус Христос. В основании «общепролетарского дома», возводимого над пропастью котлована (из-за множества убитых и «ликвидированных» ради будущего дома ассоциирующегося с могилой), лежит погребенная дочь буржуйки Настя, которая олицетворяет не только «новое историческое общество», но и принесенных в жертву революции детей буржуазии. Абсолютный параллелизм «общепролетарского дома» — созданному Ермом и воспроизведенному Флоренским образу Церкви — может быть не только дополнительным свидетельством знакомства Платонова со «Столпом», но и доказательством того, что он сознательно изображает «общепролетарский дом» как альтернативу Церкви.

Любопытно, что анализ «видения» при помощи «Столпа» помогает разрешить кажущиеся противоречия его исследовательских интерпретаций. Ведь «светлая мечта о будущем доме» и царстве земном у строителей нового мира (подчеркнем — и у самого писателя) рождалась именно в полемике с идеей Церкви как Царства Небесного. Поэтому то, что по-прежнему противостоит выстроенному большевиками, теперь, спустя годы, Платонов изображает в виде церкви — обычного культового здания, но придает ей и черты Небесного Иерусалима.

Случайно или закономерно, но повесть Платонова «Котлован» и книга Флоренского «Столп и Утверждение Истины» обнаруживают сходство и в сюжете, и в главной теме. «Столп и

Утверждение Истины» — это история духовного пути ее автора в стремлении найти опору в изменяющемся и раздробленном мире; опереться на незыблемые устои, на Столп Истины. У истоков того духовного пути, который проделал автор «Столпа» и который составляет содержание этой книги, лежит стремление обрести незыблемые устои в изменяющемся и раздробленном мире, где властвует смерть — «опереть себя на „Столп и Утверждение Истины“, <…> не одной из истин, не частной и дробящейся истины человеческой, мятущейся и развеваемой, как прах, гонимой на горах дыханием ветра, но Истины все-целостной и веко-вечной, — Истины единой и Божественной, светлой-пресветлой Истины, Той „Правды“, которая, по слову древнего поэта, есть „солнце миру“». Начинается книга со скорби о недавно умершем друге, а также с образа осеннего леса, в котором падают листья, и уподобления падающих листьев умирающим людям: «Один за другим, один за другим падали листья. <…> Один за другим, один за другим, как пожелтевшие листья, отпадают дорогие люди. <…> Один за другим, один за другим, как листья осени, кружатся над мглистою могилою те, с которыми навеки сжилось сердце. Падают, — и нет возврата <…> Все кружится, все скользит в мертвенную бездну». Книга Флоренского состоит из отдельных глав — «писем». «Письмо первое» называется «Два мира». В этом мире все зыблемо и ненадежно; многочисленные человеческие истины дробятся и развеваются, как прах — в этом мире нет «Истины всецелой и вековечной», делает вывод о. Павел. Картина всеобщей смерти, как бессмысленного и безумного кошмара, и относительности человеческих «истин» побуждает о. Павла искать «новой земли»: «Нам надо или умереть в агонии на нашем крае бездны, или идти на авось и искать „новой земли“, на которой „живет Правда“ (2 Пет. 3, 13)». Ради умершего — отпавшего, как осенний лист — Друга и собирается о. Павел проделать свой духовный путь, найти «Истину всецелую и вековечную» и писать «свои прерывистые строки».

Начало духовного пути героя «Котлована» во многом перекликается с исходной ситуацией «Столпа»: Вощева, почувствовавшего «слабость тела без истины» и задумавшегося «среди производства», увольняют с предприятия, где он «добывал средства для своего существования». Поняв, что в том мире, где он жил до сих пор, нет истины, Вощев отправляется на ее поиски в «иной мир» — «другой город». Дополнительной мотивацией духовных поисков Вощева становится тоже «умерший, палый лист», который подбирает герой и которому он обещает: «Я узнаю, за что ты жил и погиб».

«Столп и Утверждение Истины» начинается с описания смятенного состояния души, осознавшей действие в природном мире всепожирающей смерти, и откровенного признания: «Истины нет у меня, но идея о ней жжет меня». А заканчивается уверенностью в том, что «Столп Истины — это Церковь». Повесть Платонова «Котлован» тоже о духовном пути, но в обратном направлении. Это история признания того, что «общепролетарский дом» — не оплот истины; и эта история заканчивается уходом героя из «Города», который должен был стать альтернативой Небесного Иерусалима. Но по вопросу о «столпе истины» финал «Котлована» в отличие от ясного и определенного итога «Столпа» можно назвать открытым.

Апокалипсис коллективизации

Из города «довольный, что он больше не участник безумных обстоятельств» и «не жалея о строительстве будущего дома» (62), Вощев идет дальше по миру, рождающемуся к новой жизни, и приходит в деревню. Здесь выполняется вторая часть программы построения социализма — коллективизация. В первой главе мы писали о реальных основах драматизма деревенских сцен повести и о том предположении, что именно ужас коллективизации, духовно сломившей крестьянство и физически погубившей лучших его представителей, стал толчком к написанию «Котлована», дав внутреннюю мотивировку и заглавному «городскому» образу. На материале свидетельств современников мы показали, как воспринимали коллективизацию сами ее участники, крестьяне, и как соотносились с этим восприятием события повести. В целом же деревенская часть «Котлована» менее нуждается в комментарии, чем городская. Причина этого не только в том, что трагические последствия перевода деревни «на социалистические рельсы» более известны, чем процесс «строительства социализма» в городе. Важно и то, что «культурная составляющая» деревенских образов повести понятнее, чем городских. Однако эта «составляющая» присутствует. В согласии со своими творческими принципами, коллективизации как форме социалистических преобразований Платонов тоже находит литературные, фольклорные и библейские аналоги. Все они связаны с темой смерти. Платонов изображает события в деревне через призму загробного мира Данте, обрядового фольклора, в котором смерть занимает важное место, мифологических образов смерти и библейского повествования о конце мира. Коротко остановимся на общекультурной атмосфере этой части «Котлована».

Центральные события повествования о деревне — раскулачивание, разделение крестьян на достойных вступления в колхоз и недостойных, т. е. подлежащих «ликвидации как класса», и отправка последних на плоту. О литературных прообразах сцен раскулачивания мы уже писали. Как считает А. Харитонов, деревню, проходящую очищение «от капиталистических тенденций» перед вступлением в колхозный рай, Платонов уподобляет Чистилищу — месту потустороннего мира в изображении Данте, где души умерших очищаются от грехов перед тем как попасть в рай. Путешествующим по деревне героям открывается картина невероятных крестьянских страданий, мучения же расстающихся со своим имуществом крестьян можно

сравнить с изображенными Данте муками грешников. Но кара в этом мире новых этических ценностей обусловлена не преступлениями, а наличием собственности и социальной принадлежностью, заменившими грех в этической градации социалистического учения.

Другой центр событий повести — Организационный Двор, где активист на основании своей «классово-расслоечной ведомости» разделяет крестьян: кого — на плот, а кого — в колхоз. В этой картине отделения «чистых» от «нечистых» А. Кулагина увидела отражение народных представлений о конце света и Страшном Суде, хранилищем которых являются легенды и духовные стихи, рассказывающие о разделении в конце мира живых и воскресших мертвых на праведников и грешников и отправке одних — в рай, а других — в ад. Плот, на котором сплавляют подлежащих ликвидации кулаков, напоминает языческую погребальную ладью: крестьянство оказывается тем «покойником», которого строители нового мира отправляют на ней в мир иной. А также языческий обряд похорон Купалы, в основе которого лежало ритуальное жертвоприношение; «жертвоприношением во имя рождения нового, колхозного строя»[183] становится и «ликвидация кулачества как класса». Кроме того, река и переправа по ней вызывает ассоциации со Стиксом, согласно греческой мифологии, текущим в Аид, царство мертвых.

Целование крестьян после их разделения на «организованных членов» и «неорганизованных единоличников», которое происходит на Организационном Дворе перед отправкой плота, уподобляют прощанию еще живых людей перед смертью или с покойником перед его погребением. Характерно, что в «Котловане» прощаются друг с другом и вступающие в колхоз, и записанные на плот — для крестьян и то и другое равносильно смерти.

О главных организаторах коллективизации, активистах, мы писали, когда разбирали реальный контекст «Котлована». Документы свидетельствуют, что этих рьяных представителей народа очевидцы тех событий 1930 г. по созвучию и за бесчеловечность порой называли антихристами. Любопытно, что и современные исследователи платоновского творчества сравнивают проводника коллективизации в колхозе имени Генеральной линии с антихристом. Уже на уровне фонетики именование этого главного исполнителя «курса на коллективизацию» перекликается с именем основного противника Христа, вера в появление которого перед вторым пришествием Спасителя, как пишет А. Кулагина, отразилась и в духовных стихах. Подтверждение фонетической ассоциации

Ю. Пастушенко[184] находит в сюжете «Котлована»: активист не имеет ни лица, ни имени и говорит вполне «по завету», что, по преданию, должен делать слуга дьявола, пародируя Христа. Пародией на Христа с апостолами, несущими в мир новую благую весть, Ю. Пастушенко называет и поход активиста с его «подручными» по деревне в целях колхозной агитации.

К деревенской части «Котлована» относятся и те гротескные образы, которые придают и без того жуткой картине коллективизации фантасмагорическую окраску: медведь, имеющий «классовое чутье» и помогающий проводить «раскулачку», и обобществленные лошади, организованно шествующие на водопой и самостоятельно заготавливающие себе корм. За сцены с медведем-молотобойцем И. Бродский назвал Платонова первым серьезным сюрреалистом, охарактеризовав его сюрреализм как фольклорный. В связи с образом этого медведя и подобными ему персонажами из других произведений писателя Т. М. Вахитова тоже пишет об элементе «сверхъестественного», которое в прозе Платонова рубежа 20–30-х годов укладывается в схему русской бытовой сказки и является следствием ориентации писателя на фольклорную традицию: «сверхъестественность и фантастичность не нарушают естественных законов природы, но особым образом трансформируют реальность, выворачивая ее наизнанку»[185]. А. Кулагина[186] приводит конкретный сказочный сюжет, с которым эпизод раскулачивания при посредстве этого персонажа русских народных сказок обнаруживает ряд общих черт: медведь (из сказки о медведе на липовой ноге) наказывает своих бывших обидчиков — старика и старуху.

Сцена бодрого марша колхозных лошадей происходит на фоне лежащих в гробах бывших хозяев: мужики, у которых лошадей взяли в колхоз, объясняют свое нежелание жить тем, что у них «душа ушла изо всей плоти». Жена одного из крестьян комментирует происходящее с мужем так: у него душа — лошадь. Аналогичную сцену в киносценарии «Машинист» сам Платонов, как мы писали в первой главе, резюмирует словами «без души». Для дополнительной иллюстрации данного образа мы приводили и известное высказывание Ленина «об уничтожении в середняке того, что чуждо и враждебно пролетариату — собственнической половины крестьянской души». Е. Касаткина связала две эти сцены — конский поход и мужиков в гробах — и объяснила сознательность животных реминисценцией идеи Платона о душе-колеснице, которую везут две лошади, черная и белая, одна из которых тянет вниз, а другая устремлена вверх. Самостоятельно марширующие лошади — это и есть души крестьян, существующие уже отдельно от своих хозяев, считает

исследовательница. О знакомстве Платонова с работами греческого философа-идеалиста и о влиянии Платона на Платонова, которое стало дополнительной мотивировкой его литературной фамилии, говорили неоднократно (настоящая фамилия писателя Климентов; образованная от отчества фамилия Платонов, как предполагают, выражала и творческое кредо писателя, прежде всего его любовь к философии). В основе данного гротескного образа, вероятно, действительно лежали идеи Платона, в том числе и его представление о смерти как отделении души от тела и переселении освободившихся душ в новые тела, «соответствующие их главной в жизни заботе» («Федон», 82а). Так или иначе, но и медведь-молотобоец, и сознательные лошади вместе с их фольклорными и философскими источниками дополняют зловещий и многогранный образ смерти в «Котловане» и согласуются с общей эсхатологической атмосферой его деревенской части.

Об обстановке здесь конца истории, как он изображен в Библии, говорят практически все исследователи, употребляя для характеристики коллективизации в повести Платонова образы Страшного суда и Апокалипсиса. Как считает Е. Касаткина, эсхатологическая тема в «Котловане» представлена целым набором апокалиптических образов: «беспорядок в ритме смены сезонов, дня и ночи, относящийся к эсхатологическим мотивам, здесь выражен наступившим зимой теплом от мертвых туш заколотого скота и совмещением признаков разных времен года»[187]. Чувство кошмара от сцен коллективизации исследовательница сравнивает с видениями конца света, открытыми Иоанну Богослову на острове Патмос. М. Геллер тоже пишет о том, что Платонов придает «элементам коллективизации апокалиптическую форму Страшного суда»[188].

Такова в самом общем виде культурная составляющая деревенских образов «Котлована». Она является формой выражения позиции автора и отношения его к программе «социалистического преобразования деревни». Изображением Апокалипсиса коллективизации Платонов логично дополняет главный эсхатологический образ своей повести — «другой город» с возводимой в нем башней «общепролетарского дома». Есть здесь и горькая ирония Платонова по отношению к собственным былым идеалам и воззрениям. Ведь он сам когда-то мечтал о том, что с революцией закончатся все страдания и наступит счастливый «конец мира, истории и прогресса». Вот он и наступил, этот «конец мира».

«Превратить знание в исследование причин смерти

ради дела воскрешения»

Программа грядущего преображения мира, которую в 1919–1922 гг. декларирует воодушевленный революцией молодой Платонов, — это плод его юношеского романтизма и увлечения философской литературой; смесь разных идей, заимствованных из прочитанных книг порой без всякого критического осмысления, а иногда полемически перетолкованных. Назвать источники многих тем раннего платоновского творчества, как мы писали, бывает непросто, в том числе и темы истины. В таких случаях можно лишь высказывать предположения. Но об одном юношеском увлечении писателя известно уже потому, что эта книга с пометами самого Платонова сохранилась в его библиотеке. Речь идет о сборнике избранных работ Н. Ф. Федорова «Философия общего дела», некоторые идеи которой кратко мы уже характеризовали. Николай Федорович Федоров (1828–1903) — оригинальный русский мыслитель-утопист; работал библиотекарем Румянцевского музея, был очень образованным человеком, вел аскетический образ жизни, своих идей не публиковал. Статьи Федорова после его смерти собрали и издали его ученики. Основные взгляды этого мыслителя сейчас хорошо известны. Он считал, что у всего человеческого рода должно быть одно общее дело, которое сплотит людей. В это «общее дело» человечества входит решение следующих задач: овладение тайнами жизни, преодоление слепой силы природы и ее главного зла — смерти, воскрешение ранее умерших («отцов») и как результат — всеобщее спасение и бессмертие в преображенном мире. Н. Ф. Федоров выдвигает идею регуляции природы, «т. е. обращение слепого хода природы в разумный», и изменение ее согласно желаниям человека; призывает к «изучению природы как силы смертоносной», бережному и любовному отношению к праху предков и их вещам, которые являются материалом для будущего воскрешения; пишет об огромном этическом значении музея и «собирании под видом старых вещей (ветоши) душ отшедших, умерших», «высокой непродажной ценности вещей негодных, вышедших из употребления»[189] и т. д. Трудно сказать, повлияли ли идеи Н. Федорова на Платонова или они только выразили его собственные взгляды и надежды, но в своей программе познания природного мироустройства и его революционного преображения, «похода на тайны», «изменения природных форм и приспособления их к себе», победы над смертью, «бессмертия человечества и спасения его от казематов физических законов» Платонов, молодой воронежский инженер и публицист, иногда

почти цитирует «Философию общего дела». Платонова не смущает ни явный утопизм Федорова, ни то, что к социализму, который в конце XIX века приобрел себе много сторонников, сам Федоров относился резко отрицательно. Правда, в начале своего творческого пути будущий писатель ничего не говорит о такой «цели человеческого рода», как «возвращении жизни отцам» и о собирании «под видом старых вещей душ умерших» — центральной идее «Философии общего дела». К этой части федоровского учения он обратится позже, когда на очередном повороте социалистических преобразований большая часть населения страны превратится в «отбросы и отходы», в материал для строительства «здания социализма»; когда появится много «мертвых душ» и с новой силой встанет вопрос о смерти, уже не только физической, но и духовной.

Андрей Платонов был абсолютно честным писателем и человеком. К нему в полной мере можно отнести характеристику героя его собственной повести «Впрок»: «он способен был ошибаться, но не мог солгать». Ясно понимая в 1930 г. глубину народной трагедии, Платонов с горькой самоиронией признает, что вот теперь-то и встала по-настоящему эта задача «общего дела»: «воскрешение» всех «мертвых душ», всех «живых трупов». Начало кампании по сбору утильсырья и объявление старых ненужных вещей источником валюты для создания крупной промышленности и чуть ли не средством спасения страны, видимо, и подтолкнули писателя к метафорическому переосмыслению тех положений федоровского учения, которые раньше были оставлены им без должного внимания.

И вот в свой поход по новой действительности Вощев отправляется с мешком, в который, как в музей, «под видом старых вещей» он будет собирать «души умерших». В его мешке-музее найдут прибежище и «умерший, палый лист», и «все нищие, отвергнутые предметы», и «вещественные остатки потерянных людей», и колхоз. При этом именно «умерший, палый лист» станет первым экспонатом — не только как печальное воспоминание о былой неприязни к природе и о стремлении познать все ее тайны, но, возможно, и как знак солидарности с Павлом Флоренским и мужественное вступление на тот же путь познания истины, который проделал герой «Столпа».

Об отражении в «Котловане» идей Н. Ф. Федорова впервые было сказано в уже упомянутой нами статье А. Киселева «О повести „Котлован“ А. Платонова», опубликованной в журнале «Грани» в 1970 г. вскоре после первой публикации «Котлована» на Западе. Киселев обращает особое внимание на то, что у автора «Котлована» нет отвращения к грязи и тлению, а землю «он

ощущает как прах всего прежде жившего». Лейтмотивом платоновской повести и главным мотивом деятельности Вощева Киселев называет «тоску по безвестно погубленным, умершим людям, по неиспользованной до конца силе и энергии всех живых существ»[190]. Действительно, нежность, с которой герой собирает «все нищие отвергнутые предметы» (99); трепетное и бережное отношение к вещам, в которых «запечатлелась навеки тягость согбенной жизни» (99) и «каждая из которых есть вечная память о забытом человеке» (114), любовь к их умершим владельцам, а также к живым людям, в которых теперь остался «один прах», — все эти чувства поражают едва ли не больше самого занятия Вощева. Вот, например, какими словами он сопровождает свой сбор:

«Я еще не рожался, а ты уже лежала, бедная неподвижная моя! — сказал вблизи голос Вощева, человека. — Значит, ты давно терпишь: иди греться!

Чиклин повернул голову вкось и заметил, что Вощев нагнулся за деревом и кладет что-то в мешок, который был уже полон» (99).

В этих словах главного героя отразилось отношение самого писателя к земле и праху, погибшим и погубленным людям, жившим ранее и живущим теперь; сострадание человеческому горю и боль за постигшую народ беду. Начиная приблизительно с «Котлована» проза Платонова приобретает то качество, которое С. Бочаров назвал «судорогой платоновской человечности»[191]. Эта печаль о «мертвых душах», в которой проявилась абсолютно необычная для советской литературы этическая позиция писателя Андрея Платонова, в рассказах 30-х годов разовьется в жалость ко всем слабым, беспомощным, одиноким, забытым и безымянным людям. За эту любовь его и будет укорять критика.

А. Киселев первым высказал предположение, что подтекст Н. Федорова в казавшемся мрачным «Котловане» вселяет надежду на будущее возрождение и возвышает дух. Цель деятельности своего героя Платонов формулирует так: «чтобы добиться отмщения — за тех, кто тихо лежит в земной глубине» (99), «для социалистического отмщении» (99), «для будущего отмщения» (100). В этой странной формулировке, как мы уже писали, переплелись и цели кампании по сбору утильсырья, и упования русского мыслителя, и новые задачи по воскрешению «мертвых душ» социализма. Своему первому «листу» Вощев обещает: «Я узнаю, за что ты жил и погиб». В свете того, что платоновский герой делает потом, данные слова, кроме всего прочего, о чем мы уже писали, звучат и обещанием «превратить знание в исследование причин смерти ради дела воскрешения»[192]. Но в

«Котловане» проблема «исследования причин смерти» и «дела воскрешения» только поставлена. Пути же выхода «из положения смерти» (термин философии Федорова, использованный Платоновым в статье 1937 г. «Пушкин и Горький») и возможности «взыскания погибших» (евангельская цитата, к которой Платонов обращается в той же статье) Платонов будет искать всегда, особенно в своих произведениях 30-х годов.

Проблема поэтики «Котлована»

Свой творческий путь Платонов начинал как поэт. Поэтом он остался и в прозе, которая сохранила черты, в большей степени свойственные поэзии: стройную композицию, ритмическую организацию текста[193] и его необычную для прозаических произведений семантическую «плотность». Эта «плотность» — следствие необычного построения сюжета и образов «Котлована», подвижности их смыслового компонента, проекции событий современной жизни на образы мировой культуры, а также взаимного наложения этих последних. Все это, безусловно, раздвигает смысловые границы текста. Совершая наше «путешествие» по повести Платонова, мы неоднократно обращали внимание на эту, пожалуй, самую яркую черту поэтики «Котлована» — сложный смысл образов повести, допускающий их разные прочтения, что создается как языковыми средствами, так и системой литературных аллюзий, одновременной ориентацией Платонова на самые различные литературные и философские образцы. Этот общий принцип платоновской поэтики в полной мере относится ко всем образам повести и прежде всего к центральному — «общепролетарскому дому».

Изучение литературно-философского контекста платоновской повести, мотивированного прежде всего его сюжетом и ранним творчеством писателя, позволило не только увидеть логику в построении главного символа повести (девочка Настя — башня «общепролетарского дома»), но и понять его дополнительное значение: «общепролетарский дом», аккумулирующий теоретические и практические аспекты строительства социализма, который обещал разрешить все проблемы человеческого бытия и стать справедливым общественным устройством, Платонов противопоставляет Церкви как Божественному промыслу о спасении людей и тоже, согласно трактовке Флоренского, имеющей два аспекта — идеальный и реальный.

Но это же самое пролетарское сооружение — безнадежное дело человеческих рук и разума — Платонов, как неоднократно

отмечалось в литературе о «Котловане», уподобляет библейской Вавилонской башне[194], строительством которой человек захотел достигнуть неба и сравняться с Богом.

Вавилонская башня была попыткой людей построить свой мир, отличный от созданного Богом, и устроиться в нем самостоятельно и по собственным желаниям. Строители Вавилонской башни фактически претендовали на творение нового здания Мира. В мифопоэтическом сознании всех народов, которое отразилось прежде всего в фольклоре, представление о существующем мире, концепция этого мира как мироздания получает образ дерева — мирового древа. «„Общепролетарское здание“, модернизированный вариант Вавилонской башни» М. Золотоносов тоже называет «новым мирозданием, которому возвращен его буквальный, деметафоризованный смысл». Критик подчеркивает: «котлован предназначен именно под новое мироздание, образом которого становится башня в середине мира, „куда войдут на вечное счастливое поселение трудящиеся всей земли“. В этой башне нетрудно увидеть вариант мирового древа — образ мифопоэтического сознания, который воплощает универсальную концепцию мира. Попытка практического воплощения этого проекта, задача изготовить „брус во всю Русь“, „который встанет — до неба достанет“, оформленная в технократическом стиле эпохи, есть еще один вариант буквальной реализации социальной утопии. В „Котловане“ строится вечное, неподвижное, неразрушимое Здание Мира, которое является целью <…>; в жертву же этой цели приносится конечный, обремененный „той излишней теплотой жизни, которая названа однажды душой“, подверженный разрушению человек»[195].

«Общепролетарский дом» как модель социальной утопии имеет в русской литературе XX века предшественников, в «перекличку» с которыми и вступает: Хрустальный дворец из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и «здание судьбы человеческой» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»[196].

Несмотря на срыв планов строителей Вавилонской башни и остановку всего строительства, Вавилонская башня, с которой Платонов сопоставляет «общепролетарский дом», на заре социалистической эры стала одним из любимых образов молодой пролетарской литературы, символом человеческой смелости и готовности на жертвы ради осуществления великой идеи, зовущим к подражанию примером бунта против несправедливого миропорядка. К этому образу обращаются многие поэты и писатели Пролеткульта, в том числе и один из лучших

пролеткультовцев Алексей Гастев. В новелле «Башня» он символически изображает путь к будущей победе всемирного пролетариата в виде строительства башни. На этом трудном пути к светлому будущему неизбежны жертвы и гибель многих «безымянных, но славных работников» башни, так что она оказывается построенной над пропастью могилы. Однако Гастева это не пугает и он воспевает жертвенность и прометеевскую дерзость ее строителей. Свой образ котлована под фундамент «обшепролетарского дома» Платонов создает с учетом и этого образа могилы строителей башни из новеллы Гастева, но переосмысляет выводы последнего. В могильнике котлована оказывается воплощающая социалистическое будущее девочка Настя, что «означает крушение надежд на построение „нового исторического общества“»[197].

Но ту же самую мысль об отсутствии у социализма будущего Платонов подкрепляет еще одной литературной аллюзией. В его творчестве идеальные устремления человека часто символически изображаются в виде чувства к женщине. Таким образом, женщина — мать или невеста[198] — это, как правило, символ какого-то идеала. Семантика данного образа-символа и содержание воплощенного в нем идеала в разных произведениях писателя различны. В «Котловане» этот идеальный образ представлен двумя женщинами — Юлией и ее дочерью Настей, которые олицетворяют разные исторические стадии России: старой, ушедшей в прошлое, и новой, советской. Аллегорический смысл имеет некое чувство к Настиной матери, которое в молодости возникло у двух персонажей «Котлована»: пролетария Чиклина и интеллигента Прушевского — двух будущих строителей «дома». О Насте мы много писали как в первой, так и во второй частях нашей работы: несчастная сирота непролетарского происхождения, она олицетворяет новое историческое общество и вместе с «общепролетарским домом» под разными углами зрения представляет социализм, обещавший стать идеальным общественным устройством. У этого двойного образа, как было показано выше, мог быть литературный источник и прообраз — изображенное Ермом видение Церкви, основного «строения» грядущего Града, Небесного Иерусалима. К «Видениям» Ерма в своих духовных поисках истины обращается лирический герой книги П. Флоренского «Столп и Утверждение Истины».

Но мы отмечали также и то, что сюжет путешествия, которое предпринимает герой, в возрасте духовной зрелости расстающийся со старыми идеалами и ищущий новых жизненных ориентиров, опирается на еще один известный литературный

образец — «Божественную комедию» Данте, внутреннюю связь которой с «Котлованом» увидел А. Харитонов. С помощью этой литературной параллели писатель также оценивает социалистическую реальность, ее идеал и возможность его достижения. В аллегорической поэме Данте и в его гармоничном мире три части: Ад, Чистилище и Рай. В путешествие по этому запредельному миру героя толкает желание найти в жизни «правый путь» и тоска по своей рано умершей возлюбленной, которая, он уверен, находится в Раю — Беатриче, его идеалу любви и чистоты. Основную часть своего путешествия лирический герой Данте проделывает в сопровождении Вергилия, лучшего из дохристианских поэтов. Но вот в конце странствия по Чистилищу ему является Беатриче и доводит до Рая. В аллегорической повести «Котлован» две части, которые А. Харитонов сравнивает с двумя частями дантевского загробного мира. В образе героини «Котлована» Насти он отмечает определенные дантевские реминисценции и связь с идеальной девой Беатриче. Ради Насти трудятся строители «общего дома», ей предназначается будущий земной рай; она — продолжение умершей возлюбленной двух строителей — «цель и смысл путешествия героев по запредельному миру „Котлована“». Как и Беатриче, Настя является странствующим по колхозному Чистилищу героям, но умирает и «не достигает, в отличие от Беатриче, Рая»[199]. Так, свою мысль о недостижимости социалистических идеалов Платонов подкрепляет и литературной параллелью с «Божественной комедией».

Можно назвать еще один известный сюжет, который Платонов тоже учитывал в футурологии «Котлована». Эта знакомая с детства история о печальной судьбе одного дома — сказка «Теремок». В финале повести есть совершенно очевидная аллюзия на ситуацию «Теремка», содержащая и прогноз о будущей судьбе «общепролетарского дома». «Пускай в наш дом влезет всякий человек из барака и глиняной избы» (115), — говорит Чиклин, приглашая пришедших на котлован колхозников. Все знают, чем закончилась сходная ситуация для жителей теремка, и Платонов, безусловно, понимал, какие выводы следуют из этого сравнения. Возможно, мысль о подобной аналогии пришла ему в голову только в конце работы над «Котлованом». Однако любопытно, что к ситуации «Теремка» он попытался вернуться в следующем после «Котлована» произведении — пьесе «Шарманка». Там роль общего пристанища, в который приходят разные люди без определенного места жительства, играет кооператив «Дружная пища». Эти советские «перекати-поле» приветствуют друг друга такими

«теремковскими» репликами: «Вы кто — ударники или нет? — Мы, барышня, они. — А мы культработники»; «Вы кто? — Мы пешие большевики. — Куда же вы идете теперь? Мы идем по колхозам и постройкам в социализм»; «А у вас здесь строится социализм? <…> А можно, мы тоже будем строить? — А вы можете массы организовывать? — Я могу дирижабль выдумать» и т. д. До конца, реализовать в «Шарманке» ситуацию «Теремка» у Платонова не получилось: под впечатлением от очередных событий в стране он изменил основную идею своей пьесы. Но следы этого замысла остались в тексте.

Приведенные примеры из двух произведений Платонова относятся к фольклорным мотивам его творчества, на роль которых в платоновском повествовании впервые указала Е. Толстая. В число фольклорных мотивов входит и прощание Насти с умирающей матерью, которая дает дочери наказ: уйти далеко-далеко и никому не говорить, от кого она родилась. Девочка-сирота — частая героиня русских народных сказок, таких, например, как «Крошечка-Хаврошечка» или «Василиса Прекрасная». И ситуация прощания с умирающей матерью — типично сказочная. Так, Хаврошечка прощается с коровой, заменявшей сироте мать. Перед смертью корова советует девочке сохранить ее кости и в трудных ситуациях прибегать к их помощи. И восьмилетняя Василиса расстается с умирающей матерью, которая благословила дочку и дала ей ценный совет — в несчастье прибегать к помощи куклы. Настина история отличается от сказочных тем, что ни совет матери, ни ее кости не помогли сироте — она умерла.

Из всей системы образов «Котлована» только основной двойной символ повести («общепролетарский дом» и Настя) мы рассмотрели параллельно в двух контекстах — историческом и культурном. Такой анализ выявил сложный смысловой компонент этого образа-символа и его философский подтекст. Но столь же необычны и персонажи «Котлована»: некоторые из них предполагают «сдвиги» своей смысловой составляющей, в том числе за счет исторических аналогий и литературных реминисценций (например, Прушевский); некоторые — дополнительную символическую трактовку, иногда трудно совместимую с сюжетной характеристикой героя (например, Жачев). Чтобы полнее представить специфику платоновской образности, вернемся к этим двум персонажам и в дополнение к нашему предыдущему разбору рассмотрим некоторые их черты в литературно-философском контексте.

В первой главе мы писали об инженере Прушевском, «производителе работ общепролетарского дома» — о том, как

связаны его научные интересы и принадлежность к интеллигенции с реальной историей нашей страны и ее первыми руководителями, а также, на каком основании Платонов объединил столь разные формы деятельности этого персонажа: планирование «общего дома пролетариату», руководство его строительством и «хождение в народ» в качестве «кадра культурной революции». У Прушевского есть предшественники в произведениях Платонова, мы их тоже отчасти называли: Прушевский продолжает дело инженеров-преобразователей мира, героев раннего платоновского творчества. Но кроме этой «родословной» в платоновском творчестве автор проекта «общего дома» имеет своего рода «родственников» и в мировой литературе — это герои, с которыми Платонов сознательно сопоставляет Прушевского. Таковым Л. Дебюзер назвала Фауста, героя одноименной поэмы Гете[200]. Интеллигент Прушевский долго изучал природу, но так и не постиг того, «откуда волнуется жизнь» (104), в чем ее истина и тайна. И вот этот умный и образованный человек задумал с помощью своего «общепролетарского дома» изменить жизнь людей и сделать их счастливыми. По всем законам науки он спланировал «общий дом», который должен оградить своих будущих обитателей, условно говоря, от непогоды и беды. Однако в процессе строительства гибнут многие его участники, так что котлован под будущий дом воспринимается как огромная могила. Фауст — тоже знаток всех наук, которые, однако, не раскрыли ему тайну бытия и внутреннюю связь вселенной. Отчаявшись разгадать загадку природы с помощью книг, Фауст решает постичь смысл человеческой жизни через собственный опыт и переживания. Длинный жизненный путь Фауста, ищущего истину и абсолютный идеал и не в чем не находящего своего счастья, заканчивается попыткой осчастливить других людей. Потрясенный бедствием, которое морское наводнение причиняет прибрежной полосе и ее жителям, Фауст решает построить плотину и таким образом отвоевать у стихии кусок земли. Но своим строительством он беспощадно разрушает патриархальный быт и физически истребляет беспомощных поселян. При строительстве канала гибнут и многие его строители. Упоенный собственным желанием делать добро и уверенный в правильности своего поведения, Фауст не замечает того горя, которое он принес людям. С этим несостоявшимся благодетелем человеческого рода, дерзнувшим своим одиноким умом понять причины добра и зла и изменить привычную жизнь к лучшему, как считает Дебюзер, Платонов сравнивает Прушевского, тоже в одиночку задумавшего осчастливить людей строительством «общего дома»: писатель

всегда «измеряет современную историю опытом человеческой истории с библейских времен» и высказывает суждение о событиях современности с позиций высших проявлений человеческой мудрости, запечатленной в лучших произведениях мировой культуры. Замысел и дело инженера, по мнению Дебюзер, Платонов описывает с опорой на ту оценку, которую проекту Фауста дал Н. Ф. Федоров и с которой писатель мог быть знаком: «ложен сам проект, ибо за ним — насилие».

В первой главе мы также писали об инвалиде Жачеве и реальном контексте этого образа. В стране, пережившей две войны, таких «увечников» было немало. Многие из них были искалечены на гражданской войне, но после победы нового строя оказались ненужными и выброшенными из жизни. Именно «выброшенность» бывших борцов за революцию дала Платонову основание привязать к образу Жачева еще и тему Л. Д. Троцкого — активного участника революции, в 1918–1925 гг. наркома по военным делам, члена Политбюро ЦК и второго лица в государстве, которого в 1929 г. выставили из страны. При этом увечности Жачева и отсутствию у него половины туловища, как свидетельствуют воспоминания современников Платонова (ссылка на них дана в первой главе), сам писатель придавал еще и какое-то символическое значение. Какое именно, из текста «Котлована» не совсем ясно, но для Платонова это обычно: дополнительная смысловая нагрузка его сложных образов может быть отдельной темой, только обозначенной, но не раскрытой. Однако Жачев положил начало целой плеяде платоновских персонажей-калек. Об одном из них, герое рассказа «Мусорный ветер» (1934) немецком физике Альберте Лихтенберге, Платонов напишет так: «прошло время теплого, любимого, цельного тела человека: каждому необходимо быть увечным инвалидом». Поэтому следует, вероятно, сказать и о возможном философском контексте символики целого (или искалеченного) тела в художественном творчестве Платонова — символики, которая берет начало в образе Жачева. Тем более что этот контекст может быть тоже как-то связан с уже упомянутыми при характеристике раннего платоновского творчества идеями А. Богданова (а с ним вместе — и других теоретиков пролетарской культуры, например А. Луначарского), а также П. Флоренского. При этом нужно учитывать и то, что в художественном мире Платонова искалеченность, или отсутствие какой-то части тела, — это не только личная ущербность, но и знак-символ каких-то нарушений, недостатков в обществе.

Идеал пролетарской культуры ее теоретики видели в грядущем объединении всего человечества в единый, «цельный»

коллектив, который и считали настоящим субъектом бытия: «Нераздельная жажда жизни и жажда свободы <…> может найти свое законченное выражение лишь в идеале совершенной **целостности** и внутреннего **единства** настоящего субъекта общественного бытия — коллектива»[201]. И для Богданова, и для Луначарского наиболее важным в идее «коллектива» как субъекта истории и «коллективизма» как творческого принципа пролетарской литературы является возможность «цельности», «целостности», «единства». Приведем характеристику взглядов А. Богданова и А. Луначарского по вопросу об этих идеалах пролетарской культуры — «цельное человечество» и «цельный человек» — по современному исследованию о раннем творчестве Платонова. Взгляды главных идеологов пролетарской культуры на будущую «цельность» человека и общества таковы: «Индивидуалистическая культура прошлого, оставаясь оторванной от массовой жизни и ее трудовых ритмов, породила „дробление“ (А. Богданов) жизни, культуры и человека. Идеал — „целое социалистическое человечество“ (А. Луначарский) — находится в прошлом и в будущем. В далеком прошлом человечество было единым, затем в силу ряда причин произошло „дробление человека“ — отделение „головы“ от „рук“, повелевающегося от повинующегося, и возникла авторитарная форма жизни. Раздробленное состояние оказалось неестественным, оно не было, по Богданову, преодолено индивидуалистической культурой, в высших проявлениях которой выражена тоска по „цельному“ человеку. Кто может вырвать человечество из порочного круга исторического бытия? Конечно, пролетариат, который даже стихийно и в силу его особого положения в производстве стремится к самоорганизации. <…> Именно пролетариат в сфере культуры должен заняться „собиранием“ человека»[202].

Тему «целого тела» П. Флоренский поднимает в связи с проблемой идеала цельной личности. Он рассуждает о внутреннем значении слова «тело» («родственно, — предполагает Флоренский, — слову „цело“, т. е. означает нечто целое, неповрежденное, в себе законченное»[203]); о связи телесной целости и неповрежденности с внутренней цельностью личности; о симметрии верхней и нижней частей тела и о необходимости такой же внутренней гармонии их, которая и характеризует цельную личность. В связи с важностью упомянутого нами символа в платоновском творчестве приведем в сокращении рассуждения Флоренского о строении и связи двух тел в человеке — внешнего, воспринимаемого глазами, и внутреннего, которое и является «истинным телом» человека и к цельности которого

нужно стремится, а утратив — восстанавливать: «Тело — нечто целое, нечто индивидуальное, нечто особливое. Тут <…> есть какая-то связь, какое-то соответствие между тончайшими особенностями строения органов и малейшими извивами личной характеристики; <…> везде за безличным веществом глядит на нас единая личность. В теле повсюду обнаруживается его единство. <…> То, что обычно называют телом, — не более как онтологическая поверхность; а за нею, по ту сторону этой оболочки, лежит мистическая глубина нашего существа. <…> Что же можно сказать о строении истинного нашего тела? Пусть <…> „тело“ эмпирии укажет его органы и особенности его строения» и т. д.).

Ту или иную проблему Платонов часто разрабатывал, опираясь на несколько источников, поэтому возможность совмещения в одном символе столь разных философских контекстов велика. Так в образе столь необычного персонажа, которого Платонов характеризует словами «не полностью весь» — типичного для времени инвалида, выброшенного из советской действительности, за которую он воевал, как и один из ее главных устроителей Л. Троцкий, — намечается важнейшая проблема платоновского творчества, а перед читателем открывается новая грань философской проблематики «Котлована».

На примере нескольких персонажей «Котлована» мы показали всю нетрадиционность построения образов у Платонова, а также их смысловую и структурную неоднородность. Платоновский персонаж может быть более или менее обычным литературным героем, воспроизводящим определенный тип эпохи. Таковы, например, Козлов, Сафронов, Чиклин и Пашкин. Он может быть сказочным, как молотобоец Миша Медведев, и, как в бытовой сказке, не нарушающим естественного хода вещей, но содержащим определенные политические аллюзии. Платоновский образ может быть фантастическим, например самостоятельно заготавливающие себе корм колхозные лошади. Однако и фантастика у Платонова имеет свою природу: в случае с сознательно марширующими лошадьми это философская идея, наглядно иллюстрированная примером из современной деревенской жизни. Идею Платона о переселении души человека после его смерти в тело, соответствующее главной в жизни заботе, а также представление о душе-колеснице, которую везут две лошади, одна из которых тянет вверх, к небу, а другая вниз, к земным заботам, Платонов привязывает к конкретной исторической ситуации (обобществление имущества в ходе коллективизации) и воплощает с учетом современных

политических представлений (высказываний Ленина о «двух душах» крестьянина). Платоновский образ может быть иносказательным по смыслу (таковы Настя и ее мать Юлия), но сочетающим в себе аллегорическое изображение тех или иных идей или понятий (Настя аллегорически изображает строящийся социализм и «девочку-эсесершу», Юлия — аллегория ушедшей в прошлое России) с очень неопределенными символическими значениями (и Юлия, и Настя являются одновременно символами некоего идеала — силы, толкающей человека на подвиги и на деятельность; такой силой может быть как юношеская любовь, так и забота о будущем благе людей). Платоновский образ может быть очень широким по значению и «размытым» по своим внешним очертаниям — таков «общепролетарский дом» и «другой город». Платоновский образ может быть построен как многозначное слово, допускающее в употреблении семантические сдвиги, которые, однако, понятны всем участникам коммуникации — таков Прушевский. Платоновский образ может предполагать несколько разных смысловых прочтений, в том числе замкнутое на себе и не раскрытое символическое — таков Жачев. Вне всякого сомнения, абсолютно необычно сосуществование в одном художественном пространстве столь разных по внутренней организации образов.

Высокая степень внутренней организации прозы Платонова, приближающая ее к поэзии, впервые была замечена Е. Толстой. По предположению исследовательницы, поэтическое начало платоновских текстов проявляется прежде всего в единстве их построения на языковом, сюжетном и идеологическом уровнях, в «многомерности» и «поэтической глубине» его словесных образов. Объектом исследования Толстой стал в основном нижний уровень организации текста — язык и имена собственные. Так как мы почти ничего не говорили об именах персонажей «Котлована» — а это очень важная и наиболее разработанная проблема поэтики Платонова — в заключение приведем некоторые наблюдения Толстой и других исследователей, касающиеся конкретных именований героев повести и общих тенденций в построении имени собственного у Платонова.

Имя — важная деталь характеристики платоновского героя. Его образование подчинено определенным закономерностям, в числе которых Е. Толстая называет и такие: слияние нескольких корней в один; связь имени с окружающим контекстом и мотивация им; образование имени на литературном материале и даже в результате наложения нескольких литературных аллюзий и др. Так, в фамилии главного героя «Котлована» Толстая отмечает слияние нескольких корней: «корень ассоциируется не

только с *воск/вощ* (как в вощеный), но также и с фонетически неотличимым *вообще*, в просторечии *ваще*; с близкими *вотще* и *во щи*, ср.: попал как кур во щи — переосмыслено в *ощип*; эти добавочные смыслы взаимодействуют друг с другом, в результате получается как бы веер значений: *воск/вощ* — „обыденный, природный и хозяйственный материал“; вообще — идея общности и общести; связанная с *вотще* идея *тщеты*, комические обертоны, подсказываемые поговоркой. Странным образом этот спектр значений совпадает с основными семантическими и сюжетообразующими характеристиками персонажа»[204]. Некоторые особенности имен в «Котловане» увидеть очень легко и без специального анализа. Это прежде всего связь имени с главной темой данного персонажа и его сюжетной характеристикой, а также дополнительное акцентирование основного мотива образа в ближайшем к имени тексте. Например, фамилию «Вощев» чаще всего производят от устаревшего наречия «вотще», т. е. тщетно, напрасно, которое характеризует и результаты его поисков истины. Эта же связь прямо указана в тексте: «а он, **Вощев**, устраняется спешащей, действующей молодостью в тишину безвестности, как **тщетная** попытка жизни добить: я своей цели» (25). В одном из первоначальных набросков к повести (под названием «Один на свете»[205]) этот герой носил фамилию Отчев, произведенную от его основного вопроса, тут же воспроизведенного: «Так отчего же нам быть с тобой счастливыми, товарищ Сафронов? — Не от чего, товарищ Отчев! — Нет, — сказал Отчев». Платонов дублирует имя и основную идею образов Козлова («Козлов, ты скот! — определил Сафронов») и жены Пашкина («Ольгуша, лягушечка, ведь ты гигантски чуешь массы»). Словосочетание «землекоп Чиклин» Е. Толстая считает фонетическим повтором, а А. Харитонов — семантическим (фамилию героя, как мы уже писали, он производит от звукоподражательного глагола «чикать», т. е. бить). В фамилии «Прушевский» Харитонов подчеркивает этимологическую связь со словом «прах» (слово неоднократно повторено в тексте), указывающим на основной мотив его образа: Прушевский «заживо мертв», и все его интересы связаны со смертью. О том, как Платонов через фамилию показывает лояльность режиму социалиста Сафронова и одновременно изъян в его мировоззрении, мы писали выше. В имени партийного функционера Льва Ильича Пашкина Харитонов отмечает контаминацию имен двух вождей революции, Льва Давидовича Троцкого и Владимира Ильича Ленина. Платонов дает своему герою «именно символические, клишированные почти до партийной клички компоненты их именования, и мы в результате

имеем легко прочитываемый знак», который указывает на «этих деятелей как основателей этого строя и этого государства»[206], породившего бюрократизм и бюрократов, а также на важность темы Троцкого для Платонова и «Котлована», считает Харитонов.

«Через имя собственное, — пишет Е. Толстая, — осуществляется самая эффективная связь низших уровней текста с высшими: в отличие от прочего словесного материала, получающего смысл лишь в комбинациях, внутри отдельного имени, даже вырванного из контекста, могут заключаться смыслы, релевантные для высших уровней — например, сюжетного, идеологического, а также связанные с метауровнями.

В некоторых случаях имя собственное может представлять собой мельчайшую единицу сюжетного уровня. <…> Основным принципом построения имени у Платонова является семантический сдвиг: это сдвиг привычного звучания и смысла, возникающий в результате замены одной буквы, слияния нескольких корней в один, сочетания обычного имени с обычным же, но семантически или морфологически несовместимым суффиксом, обрубания корня»[207].

Разбор конкретных имен платоновских персонажей Толстая сопровождает следующим рассуждением, выводы которого согласуются и с нашим анализом образно-идейной системы «Котлована»: «Из наблюдений над фоносемантической и морфологической структурой имени собственного вне контекста вырисовывается набор поэтических принципов, на наш взгляд, центральных для прозы А. Платонова на всех уровнях. Это — мерцание многих смыслов, не отменяющих друг друга, ассоциация этих смыслов с противоречащими понятиями, вплоть до ядерных семантических оппозиций, либо с целым „веером значений“: часто семантическое напряжение между элементами имени таково, что можно говорить о семантическом конфликте как свернутом сюжете имени».

Гипотеза Толстой о поэтической организации прозаических текстов писателя подтверждается на композиционном уровне. Композиция «Котлована» настолько строгая, что Харитонов, например, говорит даже не о построении, а об архитектонике «Котлована», понимая под архитектоникой «общее построение произведения как единого целого, содержательно генерализующую взаимосвязь основных его частей и системных элементов»[208]. По сравнению с композицией архитектоника предполагает большее соотношение всех составляющих произведение единиц: «Это высший уровень композиции произведения, подчиняющий себе все другие композиционные структуры, которые организуют текст и реализуются на разных

его уровнях. Архитектоника при этом не является лишь механической суммой или даже органической совокупностью структурных приемов, но характеризуется обычно использованием специальных способов построения произведения в целом».

Можно выделить несколько композиционных структур «Котлована» и рассмотреть их соотношение. Первое внутреннее деление повести проходит между вступлением (которое называют иногда первой главой: от сообщения об увольнении Вощева в «день тридцатилетия личной жизни» до входа его в «другой город») и собственно сюжетом. Между этими композиционными единицами текста существует любопытная связь, которую проследил Харитонов. «Первая глава повести, которая описывает путь Вощева от „завода“ (где получен расчет) до „города“ (где строят котлован) и завершается фразой „Вощев продолжал томиться и пошел в этот город жить“, — пишет Харитонов, — занимает в произведении особое место. Эта глава, заслуживающая отдельного рассмотрения, носит экспозиционный (по своей сюжетной роли), мотивно-эмбриональный (по своему тематическому содержанию) и эстетически программный (по степени концентрации черт и приемов авторского стиля) характер. Первая глава повести и ее заключительный эпизод оказываются „эмбрионом“ всего „Котлована“, не только намечая все основные философские темы произведения, но и заключая в себе в свернутом виде его важнейшие сюжетные мотивы. В этой главе в своих главных частях закодирована философская, этическая и эстетическая система повести, представлены основные элементы ее предметного мира и даже „анонсированы“ сюжетные роли некоторых героев „Котлована“, пока еще не вступивших в действие. Пионерка, за которой наблюдают Вощев и инвалид, обернется в повести девочкой Настей; кузнец Миша — медведем-молотобойцем; на автомобиле, который чинят „от бездорожной езды“, будет передвигаться председатель окрпрофсовета товарищ Пашкин, а безногий калека придет на котлован и будет известен под фамилией Жачев»[209].

Во введении в несюжетной до времени форме заданы важные для «Котлована» мотивы труда и «общего дела» («среди общего темпа труда»), сиротства («приучали бессемейных детей к труду и пользе»), источника жизни и счастья («счастье произойдет от материализма»). Во введении анонсирована проблема физической и духовной смерти и победы над ней («умерший палый лист лежал рядом с головою Вощева», «я узнаю, за что ты жил и погиб»), предстоящая «собирательная» деятельность Вощева («Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное

отделение мешка») и безуспешность его будущих поисков истины («Вощев устраняется <…> как тщетная попытка жизни добиться своей цели»). Тема путешествия как основа сюжета повести и принцип организации ее фабулы («Вощев взял на квартире вещи и вышел наружу, чтобы на улице лучше понять свое будущее») тоже «предопределена» во введении, равно как и тема «отходников» с их отверженностью («там была лишь пивная для отходников и низкооплачиваемых категорий»). Во введении задана актуальная для всей повести антитеза «Вощев — природа» («было жарко, дул дневной ветер, и где-то кричали петухи на дороге, — все предавалось безответному существованию, один Вощев отделился и молчал») и т. д. Общая симметричность введения и основного сюжета «Котлована» проявилась и на уровне главных символов повести — будущий котлован и «общепролетарский дом» как основные образы и формы существования нового мира, во введении тоже имеют свои прообразы и одновременно альтернативные аналоги в старом мире. Это овраг, в котором ночует Вощев, и старое дерево, росшее «одно среди светлой погоды», которое герой наблюдает из окна пивной. «Строительство социализма» как основная тема и источник сюжетообразующего образа «Котлована» тоже названо во введении: «Его пеший путь лежал среди лета, по сторонам строили дома и техническое благоустройство — в тех домах будут безмолвно существовать доныне бесприютные массы». Такой композиционный принцип, когда введение является «эмбрионом» целого произведения, ставит «Котлован» в один ряд с эпической поэзией, в частности с «Божественной комедией» Данте, на содержание и построение которой Платонов, вероятно, и ориентировался.

Второе композиционное деление «Котлована» проходит внутри основного сюжета: по содержанию и месту действия повесть распадается на две части, приблизительно равные по объему, — городскую и деревенскую. О реальных причинах и литературных прообразах такого деления, а также их удивительном совмещении в тексте «Котлована» мы писали выше. Но в дополнение к этому высокая степень организации платоновского повествования, как считает А. Харитонов, проявилась в глубинной связи и внутреннем единстве двух частей повести. Это «единство поддерживается многими сюжетными и тематическими скрепами», общими мотивами и параллельными эпизодами. Например, упомянутый в первой части петух, съесть которого якобы подговаривал Сафронов одного бедняка, во второй части становится «метафорой грядущего колхозного изобилия»[210]. Более того, исследователь считает, что подобный

композиционный и тематический параллелизм дает основание для «метафорического переосмысления заглавия произведения», для «перехода от сюжетной его трактовки к символизации»: «„котлованом“ оказывается и деревня. <…> Деревня — тоже котлован, и еще более глубокий, чем городская окраина первой половины повести». Наблюдения Харитонова над текстом «Котлована» говорят о том, что параллелизм в широком смысле этого слова играет весьма значительную роль в архитектонике повести: это и образно-психологический параллелизм «Вощев — природа», к которому Платонов прибегает для характеристики внутренних устремлений героя; и антитеза «природа — город». Можно привести примеры и композиционно-содержательных параллелизмов в «Котловане», например город в видении Прушевского — башня «общепролетарского дома».

Более мелкая разбивка текста на главки, отделенные друг от друга разрывами в несколько строк, принадлежит самому Платонову: «Пробелы в произведении — знак смены точки зрения, они генетически и функционально родственны монтажному стыку в кинематографе»[211].

И наконец, совершенство построения «Котлована» проявилось в его кольцевой композиции: повесть начинается с темы «отходников» и образа оврага, который вскоре превращается в котлован, и завершается ими же, но на более высоком эмоциональном уровне.

Вся эта композиционная стройность и смысловая насыщенность «Котлована», о которых здесь шла речь, стали возможными благодаря «строительному материалу» повести — необычному языку, позволившему реализовать и ее «семантическую плотность». Мы почти ничего не говорили о языке «Котлована», а между тем первое, что поражает читателей, — это неповторимая манера письма Платонова, «неправильная прелесть» его языка. «В том, как складывает Платонов фразу, — пишет С. Бочаров, — прежде всего очевидно его своеобразие. Читателя притягивает оригинальная речевая физиономия платоновской прозы с ее неожиданными движениями — лица не только необщее, но даже как будто неправильное, сдвинутое трудным усилием и очень негладкое выражение»[212]. По мнению скульптора Ф. Сучкова, именно поэтому Платонову трудно подражать — все равно что вторично использовать затвердевший гипс.

То, что обычно называют «языком Платонова», складывается к концу 20-х годов и наиболее ярко проявляется именно в «Котловане». «Уже во второй половине 20-х годов Платонов находит свой собственный язык, который всегда является

авторской речью, однако неоднородной внутри себя, включающей разные до противоположности тенденции, выходящие из одного и того же выражаемого платоновской прозой сознания»[213], — делает вывод С. Бочаров, подчеркивая одновременно и единство платоновского языка, в котором нет границ между речью автора и героев, и его внутреннюю неоднородность. В прозе писателя 30-х годов его язык, сохранив все свои закономерности, внешне станет менее эффектным. Но именно в «Котловане» особенности платоновского языка наиболее наглядны. Одну из них Бочаров охарактеризовал с помощью искусствоведческого понятия «гротеск» (изображение чего-либо в фантастическом виде, основанное на преувеличениях и резких контрастах) и назвал платоновские фразы «речевыми гротесками», которые «возникают из грамматического объединения особо несовместимых слов». Бочаров приводит примеры таких необычных с точки зрения литературного языка гротескных словосочетаний: «вследствие роста слабосильности и задумчивости среди общего темпа труда», «вследствие тоски», «в направлении счастья», «член общего сиротства»[214].

Другая черта платоновского языка, на которую обратил внимание С. Бочаров, — это яркая метафоричность, совмещенная с ослаблением самого принципа метафоры, который состоит в перенесении признаков одного ряда явлений (вещественных) на явления другого ряда (невещественные). Платоновские метафоры воспринимаются буквально и почти наглядно реализуются в сюжете повести: «Платоновская метафоричность имеет характер, приближающий ее к первоначальной почве метафоры — веры в реальное превращение, метаморфозу». Приведем примеры таких «деметафоризованных» метафор, которые фактически одушевляют неодушевленные предметы перенесением на них признаков живых существ: «неподвижные деревья бережно держали жару в листьях» (21), «музыка уносилась ветром в природу через приовражную пустошь» (21), «полевой свет тишины и вянущий запах сна приблизились сюда из общего пространства и стояли нетронутыми в воздухе» (26), «во время сна живым остается только сердце, берегущее человека» (27), «сердце мужика самостоятельно поднялось в душу, в горловую тесноту и там сжалось, отпуская из себя жар опасной жизни в верхнюю кожу» (79).

Одним из первых Бочаров назвал и то, что стоит за всеми случаями «неправильного согласования, грамматического смещения, прямления» в языке Платонова — новый, дополнительный смысл платоновской фразы, «многосмысленность» и «амбивалентность» его метафор. Об этих

особенностях платоновского языка, напрямую связанных с содержанием его произведений, писали и другие современные исследователи. Вот как, например, объясняет А. Харитонов смысл отклонения от литературной нормы в первой фразе «Котлована» «в день тридцатилетия личной жизни»: с лингвистической точки зрения это необычное сочетание (вместо правильного «в день своего тридцатилетия») — факт реализации существующей в русском языке «конструкции „в день N-летия чего-либо“», которая используется, однако, для обозначения «годовщины события, стороннего по отношению к грамматическому субъекту высказывания, в котором эта модель употреблена, в данном случае к Вощеву. „Личная жизнь“, таким образом, получает здесь оттенок чего-то внешнего по отношению к Вощеву, как бы противополагаясь той жизни, которой он живет на самом деле». Данная оценка «жизни» героя соответствует сюжету: «личной жизни» у него нет, да она в условиях «общего темпа труда» и не предполагалась.

Важную роль в реализации «многосмысленности» платоновских текстов играет черта, указанная Е. Толстой, — одновременная актуализация в слове нескольких значений и даже возможность их внутреннего конфликта. Один из таких случаев относится к характеристике тех людей, которых встречает Вощев в пивной: «Здесь были невыдержанные люди, предававшиеся забвению своего несчастья». «Включение официального, осуждающего и ханжеского эвфемизма „невыдержанные люди“ по отношению к пьяницам в авторскую речь, представляющую сознание героя», который является одним из таких же несчастных бездомных, — считает Толстая, — «создает конфликт, в котором официальная точка зрения побеждается именно той щедростью и снисходительностью, с которой герой принимает ее в круг своего сознания. Одновременно воскрешается факт производности от глагола „выдерживать“ в обоих залогах; невыдержанные — это те, кого „не выдержали“, и те, кто „не выдержал“. Тем самым усиливается идея того злого начала, которое „выдерживает“ людей и судит их в зависимости от их покладистости и от которого, „не выдержав“, бегут в пьянство»[215].

Обилие всевозможных отклонений от языковых норм — характерная черта платоновских текстов. Многие из них в настоящее время достаточно хорошо проанализированы. При описании общих тенденций в построении платоновской фразы чаще всего называют такие формы грамматических аноманий[216]: нарушение традиционной сочетаемости слов; лексическая и смысловая избыточность фразы; создание неологизмов по существующим в языке моделям; совмещение в одном глаголе

действий разных временных пластов; замена глагольного управления; совмещение синонимов в одной конструкции; замена слова на синоним с другой сочетаемостью, квазисиноним или же пароним, т. е. частичный синоним, и т. д. Характерно, однако, что во всех формах неправильного согласования и грамматического смещения видят обычно не простую словесную игру и увлечение внешними эффектами, а проявление общей поэтики Платонова, его особой литературной и философской позиции. Итог же всех отклонений от литературной нормы в структуре платоновской фразы сходен с результатом необычного семантического построения имени собственного в произведениях писателя, о чем мы уже писали со ссылкой на Е. Толстую: «мерцание многих смыслов, не отменяющих друг друга»[217]. Чтобы лучше представить принципы построения платоновской фразы, все ее очарование и «многосмысленнось», а порой очень тонкую связь с другими фрагментами текста, разберем некоторые образцы языка «Котлована». Например, такой: «Многие люди живут как былинки на ветру руководящих обстоятельств» (182).

Данная фраза образована в результате соединения фрагментов из нескольких устойчивых речевых оборотов русского языка, включая фразеологические. Во-первых, «живет, как» о человеке обычно говорят, только если он «живет, как собака». Тем более что данное сравнение Платонов уже использовал в повести, но в перевернутом виде: в примере, который мы приводили ранее, собака «жила, как» Вощев («скучно собаке, она живет благодаря одному рождению, как и я»). Герой сравнил некую собаку с собой, живущим «благодаря одному рождению», без высшего смысла и цели — и эти «многие люди» живут так же. Далее, сравнение людей с былинками («многие люди живут как былинки») предполагает их худобу и слабость: люди были (худы), как былинки и качались от слабости, как былинки на ветру. Но тут выясняется, что ветер, качающий людей, есть не движение воздуха, а «ветер <…> обстоятельств». В данном значении слово «ветер» входит в два фразеологических оборота: «держать нос по ветру» (т. е. приспосабливаться к обстоятельствам), а также «куда ветер дует» (беспринципно применяясь к обстоятельствам). Следовательно, эти «многие люди» являлись еще и беспринципными приспособленцами. Наконец, причастие «руководящие» (допускающее два значения: «которыми следует руководствоваться» и «которые руководят») в той конкретной исторической ситуации чаще всего употреблялось в выражениях типа «руководящие указания» и «руководящие партийные кадры» и, таким образом, конкретизировало те обстоятельства, к которым «многие люди» бездумно приспосабливались, несмотря

на то что от этих «обстоятельств» они становились «как былинки».

Конечно, не во всех платоновских фразах так легко выделятся дополнительный смысл, но во всех он «мерцает». Рассмотренное только что предложение входит во фрагмент, который Платонов из текста исключил (эпизод с профуполномоченным), и было взято нами за свою наглядность. Но к той же самой синтаксической модели — слиянию нескольких устойчивых глагольных сочетаний, от которых в итоговую фразу переходят лишь части, в результате чего действий становится как бы больше, а общий смысл фразы расширяется — Платонов прибегает очень часто. Приведем несколько таких примеров.

«Козлов по-прежнему уничтожал камень в земле, ни на что не отлучаясь взглядом». Ненормативное «ни на что не отлучаясь взглядом» образовано в результате слияния трех глагольных сочетаний: «никуда не отлучаясь», «ни на что не отвлекаясь» и «не отводя взора, взгляда».

«Некуда жить, вот и думаешь в голову». Предложение построено, как и в предыдущем примере, в результате слияния нескольких употребительных глагольных сочетаний: «некуда идти» и «незачем жить», а также совмещения частичных синонимов: «думаешь» и «мысли приходят в голову»[218].

«Вощев смирно не двигался» — образовано в результате совмещения двух синонимов: «стоять смирно» и «не двигаться».

Проанализируем еще несколько фрагментов «Котлована» с точки зрения их лексики и синтаксиса, нарушений традиционной для литературного языка сочетаемости слов и прочих отклонений от нормативной грамматики и общепринятого в языковой практике словоупотребления.

«Артель мастеровых заснула в бараке тесным рядом туловищ, и лишь огонь ночной припотушенной лампы проникал оттуда сквозь щели теса, держа свет на всякий несчастный случай» (32). «Артель <…> заснула <…> тесным рядом туловищ»: глагол «заснуть» с творительным падежом в русском языке употребляется только в выражении «заснуть крепким сном»; прилагательное «тесный» (в данном случае означает «расположенный совсем близко друг к другу, плотно») в сочетании с существительным «ряд» встречалось, как правило, в выражении «тесные ряды демонстрантов»; «туловищем» (частичный синоним слова «тело») называется часть тела без головы и конечностей. «Огонь <…> лампы <…> проникал» употреблено вместо «свет лампы проникал»; «припотушенной» — неологизм, образован в результате слияния двух глаголов: «притушить» (ослабить, убавить) и «потушить» (прекратить действие) свет, огонь. «Артель <…> заснула <…>, огонь <…

>, держа свет» — характерное для малограмотной речи и школьных сочинений неправильное употребление деепричастия: «держа свет», т. е. лампу зажженной, — по смыслу согласуется со словами «артель мастеровых», которая на всякий случай и держала лампу зажженной, грамматически же — со словом «огонь»; соединение деепричастия с подлежащим того фрагмента, где оно употреблено, порождает метафору «огонь <…> держа свет». Выражение «на всякий несчастный случай» есть результат совмещения двух устойчивых оборотов: «на всякий случай» и «произошел несчастный случай»; итог же такого совмещения — ощущение частоты и повседневности этих «несчастных случаев».

«Миновав с точным допросом, давшим лишь пассивные результаты, дворов десять, актив устал и прислонился к одной избе подумать — как быть дальше» (72) (речь идет о поисках человека, съевшего первого петуха в деревне, отчего погиб и последний). «Миновав <…> дворов десять»: миновать — значит, пройти мимо, нигде не останавливаясь и ни на что не отвлекаясь; вероятно, доля халатности в исполнителях данного поручения была. «С точным допросом»: «допросом» называется опрос подозреваемого на следствии или суде — очевидно, так «актив» и опрашивал крестьян; «точным» (т. е. действующим как должно, аккуратным), вероятно, старался быть сам «актив», чтобы продемонстрировать свою лояльность власти, несмотря на реальное безразличие к проводимому мероприятию. Выражение «давшим лишь пассивные результаты» получено в результате объединения в одном глагольном сочетании действий обеих сторон этого конфликта: «дать сведения» (имеются в виду крестьяне) и «получить результаты» (имеется в виду проводивший опрос актив). «Пассивными», т. е. не проявляющими активности, бездеятельными, вялыми, должны были быть крестьяне, дававшие свои показания: перенос признака «по смежности» — характерное для платоновского языка явление (например, «точный допрос»).

«Вощев <…> со скупостью скопил в мешок вещественные остатки потерянных людей» (99). «Со скупостью скопил»: употребление рядом двух близких по звучанию и значению слов (скопить — «собрать, сберегая»; скупость — «бережливость, избегание расходов») усиливает общую составляющую их смысла, в данном случае подчеркивает бережное отношение героя к собранным вещам. Согласованное определение «вещественные остатки» для характеристики сбора утиля употреблено вместо более правильного в данном случае несогласованного «остатки вещей»: Платонову важны оба значения, которые есть именно у прилагательного «вещественный», т. е. «состоящий из вещества, материальный», поэтому Вощев и собирает эти остатки «для

утиля»; и «состоящий из вещей, относящийся к вещам (доказательства, улики)», поэтому Вощев собирается их «предъявлять к лицу власти и будущего <…>, чтобы добиться отмщения — за тех, кто тихо лежит в земной глубине», т. е. на некий будущий суд. Существительное «остатки» может быть понято здесь тоже в нескольких значениях: «то, что осталось от прежде существовавших» людей и является, как считал Н. Федоров, «материалом воскрешения», поэтому герой и собирает эти остатки — для будущего воскрешения; «то, что остается как отходы и отбросы» и выброшено как ненужное, поэтому герой и собирает эти «остатки» — для утиля; и наконец, «оставшаяся часть», т. е. то последнее, что осталось у несчастных и растерянных современных людей и что Вощев собирает, чтобы их спасти. «Потерянные люди» — результат слияния двух словосочетаний: «потерянные вещи», поэтому их и можно собирать, что Вощев и делает, и «растерянные люди», которые потому и потеряли свои вещи. Кроме того, прилагательное «потерянный» по отношению к человеку означает «расстроенный и растерянный» (потому и вещи потерял) и «морально опустившийся, конченый», каковыми многие и были в это время, поэтому их и надо было спасать.

«Двое пришедших кровельщиков вытерли фартуками жаждущие рты» (22). Причастие «жаждущий», т. е. сильно желающий, является высоким по стилю и обычно соединяется с соответствующей лексикой («алчущие и жаждущие правды»); оно должно характеризовать самого субъекта действия (т. е. человека, сильно желающего чего-то жизненно важного, что относится, как правило, к области духа). Употребленное для характеристики пришедших в пивную кровельщиков и согласованное с существительным «рты» — фактическим субъектом утоления жажды, одновременно создает и сатирический образ людей, променявших одну жажду на другую, и комический эффект, и поэтическую метафору. По той же модели (перенесение признака предполагаемого субъекта действия на фактического носителя данного действия) построена и такая фраза: «Поп остановил молящуюся руку» (81).

Язык Андрея Платонова удивительно гибкий и равно открытый и для современного политического жаргона, и для просторечья, и для изящной литературы, и для высокой философии. Он легко обращается с языковыми нормами и тенденциями, осваивает и совмещает разные языковые пласты, уровни и сферы употребления, не знает тематической несовместимости, барьеров и ограничений. О том, как вольно писатель обращается с политическими фразеологизмами, мы

писали в первой главе. Платонов воспроизводит и сам популярный фразеологизм, и экспериментирует на его лексико-синтаксической конструкции (что, впрочем, было общей тенденцией времени). В качестве примера мы приводили многочисленные вариации Платонова на тему оборота «ликвидировать как класс», включая пародию на него: «Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме» (63). Определение дамы как «средней», очевидно, содержало указание одновременно на ее возраст (была средних лет), вес, рост и классовую принадлежность (родственно распространенному в это время слову «середняк»), Один из излюбленных Платоновым приемов — актуализация одновременно прямого и переносного значения слова или выражения, будь то устойчивое общеупотребительное сочетание со стершимся метафорическим значением или необычный поэтический образ, современный политический фразеологизм или старая языковая идиома. При этом особое внимание Платонов уделяет именно буквальному смыслу слова и словосочетания. Так, выражение «идти навстречу», кроме прямого значения, имеет и переносное: «сочувствуя, оказывать содействие кому-нибудь»; Платонов обыгрывает оба эти значения: «Я уж и так, чем мог, всегда тебе шел навстречу. — Врешь, ты, классовый излишек, — это я тебе навстречу попадался, а не ты шел» (39).

Мы перечислили много особенностей платоновского языка — и назвали далеко не все его черты. Ю. Левин отмечает в стилистике Платонова также необычное совмещение «элементов научного стиля» с поэтическим. При этом научный стиль проявляется как формально (в самой структуре фразы с нагромождением поясняющих придаточных), так и содержательно (в научных или наукоподобных объяснениях), например: «Козлов работал <…> спуская остатки своей теплой силы в камень, который он рассекал, — камень нагревался, а Козлов постепенно холодел» («описывается простейший термодинамический процесс перераспределения тепла между телами разной температуры»). Поэтический же стиль платоновской прозы обнаруживается в построении ее по законам лирики: «В прозе „Котлована“ широко используются тропы и фигуры, более свойственные поэтической речи», например оксюморон: «вечная память о забытом человеке», «рыл, не в силах устать»; сравнение: «муха <…> пролетела <…> как жаворонок под солнцем»; метафоры-олицетворения: «терпеливые плетни», «вопрошающее небо»; «дерево <…> качалось от невзгоды <…> и с тайным стыдом заворачивались его листья»; метафора с переносом эпитета: «на лице его получилась морщинистая мысль жалости»[219] и т. д.

Приведем еще несколько примеров платоновского языка — нестандартного подбора слов, лексически и синтаксически необычных однородных членов, неожиданных эпитетов, что в итоге разрушает стереотипы языкового восприятия и обнажает в слове какое-то особое, истинное значение. «Ему предстояло снова жить и питаться, поэтому он пошел в завком — защищать свой ненужный труд» (22). «Тело Вощева побледнело от усталости, он почувствовал холод на веках и закрыл ими теплые глаза» (22). «Во рту его терлись десна, произнося неслышные мысли безногого» (24). «Скудное печальное существо, погибшее от утомления своего труда» (31). «Жалобно пели птицы в освещенном воздухе» и ласточки «смолкали крыльями от усталости» (31). «Один Вощев стоял слабым и безрадостным, механически наблюдая даль» (62). «Вощев боялся ночей, он в них лежал без сна и сомневался» (74). «Близ церкви росла старая, забвенная трава и не было тропинок или прочих человеческих проходных следов» (80).

Завершая наш анализ формально-содержательных сторон «Котлована», прокомментируем один небольшой фрагмент текста — как образец платоновского языка, как наиболее открытую декларацию проблематики «Котлована» и дополнительный пример его композиционной стройности.

«Изо всякой ли базы образуется надстройка? Каждое ли производство жизненного материала дает добавочным продуктом душу в человека? А если производство улучшить до точной экономии — то будут ли происходить из него косвенные, нежданные продукты?» (33).

Данное рассуждение привязано к размышлениям «производителя работ» инженера Прушевского о предстоящем строительстве «единственного общепролетарского дома» и на первый взгляд кажется чисто техническим, специальным, чему способствуют и строительная лексика, и слова типа «улучшить», «точный», и общий наукоподобный стиль отрывка. Однако «технический» уклон рассуждения обманчив, в нем перемешались и современная политическая фразеология, и термины политэкономии, и выражения из раннего платоновского творчества. В целом же этот отрывок является одним из предвестников финала повести и предупреждает о возможности строительства, которое не поднимется выше котлована.

«Изо всякой ли базы образуется надстройка?» В основе этого сомнения лежат термины, введенные в оборот К. Марксом и ставшие важными понятиями исторического материализма[220]: базис и надстройка. Базисом общества, т. е. его реальным основанием, Маркс называл экономическую структуру той или иной общественно-исторической формации (рабства, феодализма,

капитализма и коммунизма) — совокупность производственных отношений, в которые люди вступают «в общественном производстве своей жизни» и которые «соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил». На реальном экономическом базисе, по мнению К. Маркса, возвышается политическая, духовная и культурная надстройка, в которую входят государство и право, а также мораль, религия, философия, искусство и т. д. Экономическому базису каждого исторического общества соответствует своя идеологическая надстройка[221]. В этой двуединой паре понятий — базис и надстройка — Платонов заменяет первое на его частичный синоним. Вместо «базис» он пишет «база» — слово, которое входит в устойчивые обороты времени: «на базе индустриализации» и «на базе социализма». Таким образом, писатель уточняет, к какой именно «базе» относятся его опасения, что «надстройки», т. е. духовной и культурной жизни, в данном обществе не будет. Кроме того, оба эти понятия — и база, и базис — распространяли данное сомнение на близкое по значению слово «фундамент» (напомним: входило в устойчивую политическую метафору «фундамент социализма»), на котором предстояло возводить само «здание социализма».

«Каждое ли производство жизненного материала дает добавочным продуктом душу в человека?» «Производство жизненного материала» — это двойной политэкономический термин («производство средств производства и производство предметов потребления»), который Платонов слил в один, сделав акцент на второй части. «Добавочный продукт» — тоже политэкономическое понятие, переосмысленное писателем, — является частью «продукта труда», материального результата труда человека. «Продукт труда» в свою очередь распадается на «средства производства» (машины, сырье и пр.) и «предметы потребления» (продукты питания, одежда и пр.). «Добавочным продуктом» называется та часть произведенных человеком материальных ценностей, которая превышает необходимое для его пропитания и воспроизведения жизни. Платонов нетрадиционно называет этот «добавочный продукт» душой. За данной ревизией экономической мысли скрывались определенные автореминисценции: когда-то, на заре социалистической эры, в статье «О нашей религии» сам Платонов возражал тем, кто говорил, что «большевизм, построенный будто бы на брюхе и удовлетворении низших потребностей животного человека, <…> не сможет дать людям ведущей общей цели, ради которой можно жить». К таким людям была обращена его

апология социализма: «Наши противники, буржуазная интеллигенция, люди, белые духом, говорят, что большевики, разрушая церковь и религию народа, ничего не дают взамен, душа народа изголодалась по духу и нигде не находит его, ибо все старое рушится <…>. Нового, истинно утоляющего открытую душу человека, нового ничего не дает большевизм русскому народу. <…> На всю голубую высь мы не променяем комка лошадиного навоза, потому что и навоз пойдет в дело, от него земля добреет, а из хорошей земли вырастет много хлеба, и этот хлеб пойдет на питание многих наших детей, которые выйдут на завоевание смысла и истины вселенной. <…> Мы начали строить свою правду снизу, мы только кладем фундамент, мы сначала дадим жизнь людям, а потом потребуем, чтобы в ней были истина и смысл. <…> Сначала оно (человечество. — Н.Д.) поест», а потом уже у народа появится душа.

И вот теперь, когда, по официальной версии, фундамент (т. е., говоря языком Маркса, базис) социализма был построен и даже, как утверждал Сталин, в стране больше не было хлебного кризиса, когда все усилия страны направлялись на производство материальных ценностей, и появилась острейшая необходимость именно в этом «добавочном продукте» ввиду превращения многих современных людей в «мертвые души».

«А если производство улучшить до точной экономии — то будут ли происходить из него косвенные, нежданные продукты?» В первой половине этой фразы — формулировке возможного условия желаемого результата — содержится определенный намек на недавний политический курс, о котором мы писали в первой главе: «режим экономии». Экономией называется «бережливость при расходовании чего-нибудь», а также «выгода, получающаяся при бережном расходовании чего-нибудь»[222]. Прилагательное «точный» («полностью соответствующий заданному, должному») с существительным «экономия» в русском языке обычно не соединяется. Данное словосочетание — точная экономия — может быть рассмотрено как сокращенная, стяженная форма такой формулировки: точное, аккуратное исполнение одного из политических курсов страны, «режима экономии». В общее положение (из базы то ли образуется, то ли не образуется надстройка) Платонов вводит частный случай — недавние попытки руководства страны улучшить экономическую ситуацию и одновременно как-то повлиять на современного человека. Кроме того, выражение «улучшенное до точной экономии производство» содержит и намек на коммунизм как высшую, с точки зрения идеологов марксизма-ленинизма, экономическую формацию. Главное предложение этого условного

периода (будут ли происходить из такого производства косвенные, нежданные продукты?) по форме должно было бы указывать на желаемый результат названного условия, в данном случае — душа человека. Но поставленные рядом прилагательные «косвенный» (т. е. не непосредственный, побочный) и «нежданный» (неожиданный, случайный) предупреждают о возможности не только желаемого, положительного результата производства, улучшенного до «точной экономии», но и неизвестного отрицательного.

Данный фрагмент, разобранный нами, — один из «атомов» повествования, содержащих элементы всего текста. В нем так же, как и во вступлении, есть указание и на основную проблему «Котлована» (живая, «теплая» душа человека), и на главную тему (строительство дома), и на будущий итог этого строительство (котлован).

А. Платонов создал в литературе новый тип повествования, наиболее полным воплощением которого и стал «Котлован». Эта новизна — в «слиянии реального и конкретно-социального исторического фона и онтологического подтекста»[223]; в символическом смысле образов; в особой «семантической плотности» и «многомерности» текстов, в организации их по законам поэзии и др. «Котлован» не укладывается ни в какие привычные жанровые рамки: это не производственный роман, не роман-путешествие, не политический памфлет, не утопия, не антиутопия, не философская притча. Это нечто совершенно особое, что М. Геллер назвал «моделью „новой повести“», так охарактеризовав возможные научные подходы к ней: «„Котлован“ может быть исследуем с многих точек зрения: как модель „новой повести“, как лучший образец „платоновского языка“, как исторический источник»[224].

Отношение к «Котловану» как к историческому источнику позволило по-новому увидеть и содержание повести, и особенности ее поэтики, и значение Андрея Платонова для русской литературы XX века. Приоритет Платонова не в стилистическом новаторстве, а в том, что он глубже других понял весь трагизм произошедшего с нашим народом в эпоху ленинских и сталинских преобразований. Он — единственный из писателей своего времени, кто сумел это адекватно изобразить на своем необычном языке.

Рекомендуемая литература о «Котловане»

Андрей Платонов: «Котлован»: Текст, материалы творческой истории. СПб., 2000.

Гюнтер Г. Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1995.

Дебюзер Л. Некоторые координаты фаустовской проблематики в повестях «Котлован» и «Джан» // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994.

Золотоносов М. А. «Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов//Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994.

Кулагина А. Тема смерти в фольклоре и прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000.

Левин Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее: «Котлован» А. Платонова // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998.

Малыгина Н. М. «Котлован» А. Платонова и общественно-литературная ситуация на рубеже 20–30-х годов // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Воронеж, 1993.

Маркштейн Эл. Дом и котлован, или Мнимая реализация утопии // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994.

Харитонов А. А. Архитектоника повести А. Платонова «Котлован» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.

Харитонов А. А. Система имен персонажей в поэтике повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1995.

notes

Примечания

1

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Репринтное воспроизведение стабильного издания 30–40-х годов. М., 1997. С. 261.

2

Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. М., 1999. С. 267.

3

Золотоносов М. А. «Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 274.

4

Ершов Л. Ф. История русской советской литературы. М., 1982. С. 99.

5

Павловский А. Яма: О художественно-философской концепции повести Андрея Платонова «Котлован» // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 38.

6

Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1937. С. 301, 302, 310.

7

Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован»: Дис. <…>канд. филол. наук. СПб., 1993. С. 195.

Здесь и далее курсив принадлежит автору цитаты.

9

Сталин И. Год великого перелома. Указ. изд. С. 290, 289.

10

См. об этом: Плакат ГИЗ «Ты знаешь завет Ильича?» с цифрами о прогулах и невыработке продукции в 1929 г. // Культурная революция. 1929. № 20. С. 17; Василевский В. Через пень-колоду // Культурная революция. 1929. № 20. С. 31 и др.

11

См. об этом: А.Р. На переломе // Культурная революция. 1929. № 11. С. 27–28; Уголь и нефть — отстающие участки (общее название для подборки материалов) // Правда. 1930. 3 марта; Т. На черной доске // Рабочая газета. 1930. 21 марта; 6-й маршрут «культэстафеты»: Вопросы культурной революции (общее название для подборки материалов) // Правда. 1930. 11 октября и др.

12

См. об этом: Расширение экспорта — рычаг для выполнения пятилетки в четыре года (общее название для подборки материалов) // Правда. 1930. 3 января; Месячник сбора ценных отбросов начался (б. п.) // Рабочая газета. 1930. 11 января; В поход за утилем (общее название для подборки материалов)) // Вечерняя Москва. 1930. 11 января и др.

13

См. об этом: Месячник по сбору утильсырья протекает слабо (б. п.) // Рабочая газета. 1930. 17 января; Позорные итоги (общее название для подборки материалов) // Вечерняя Москва. 1930. 11 февраля.

14

Догоним и перегоним: (экономический обзор) // 30 дней. 1930. № 2. С. 81.

15

О контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 г: Резолюции ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) // Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. Ч. II. М., 1930. С. 90.

16

Сталин И. Год великого перелома. Указ. изд. С. 296.

17

См.: Левенстерн П. Законодательное регулирование трудовой дисциплины // Вопросы труда. 1930. № 4. С. 54.

18

Работу в корне реорганизовать! (передовая) // Культурная революция. 1930. № 2. С. 2 и др.

19

Сталин И. О правом уклоне в ВКП(б). Указ. изд. С. 245.

20

Изменить темп работы профсоюзов: Основные итоги II Пленума ВЦСПС и задачи культработников (передовая) // Культурная революция. 1929. № 11. С. 1–2.

21

Решения Пленума ВЦСПС и задачи культработников (редакционная статья) // Культурная революция. 1929. № 23. С. 1–2.

22

Дулин С. Ф. Физическая культура в клубе // Культурная революция. 1930. № 1. С. 5.

23

См. об этом: Яковленский Н. Без руля и без ветрил // Культурная революция. 1929. № 20. С. 21; Веселов С. Культработа на службе соцсоревнования // Культурная революция. 1929. № 20. С. 26–28 и др.

24

Изменить темп работы профсоюзов: Основные итоги 11 Пленума ВЦСПС (редакционная статья) // Культурная революция. 1929. № 11. С. 2.

25

Решения III Пленума ВЦСПС и задачи культработников (редакционная статья) // Культурная революция. 1929. № 23. С. 1–2.

26

Рафаил М. Перестроить культработу // Культурная революция. 1929, № 14. С. 1.

27

Лицом к производству! (редакционная статья) // Культурная революция. 1929. № 18. С. 2,-

Цыбульский В. Заработная плата за период 1927–1929 гг. // Вопросы труда. 1930. № 5.

29

Ведомость справ, цен на рабочие руки по Тамбовскому, Орловскому, Острогожскому, Льговскому, Белгородскому и др. на 1-е полугодие 1929/30 г. // Справочник цен на строительные материалы, рабсилу и транспортные средства на II квартал 1930 г. (январь — апрель месяцы) в разрезе округов ЦЧО. Воронеж, 1930; Справочник строителя. М., 1930.

30

Сталин И. О правом уклоне в ВКП(б). Указ. изд. С. 251.

Харитонов А. А. Указ. соч. С. 173.

32

До начала 1929 г. Котов В. А. был соратником Угланова Н. А. по работе в МК и МГК ВКП(б)и причислялся к группе «правых». Однако «отрекся» и получил пост начальника Цустраха, каковым в 1931 г. еще оставался. Мы не отслеживали его судьбу дальше, но, кажется, в конце 30-х гг. он был репрессирован как бывший «правый».

33

См. об этом: Е.К. Сводки правил // Вопросы страхования. 1929. № 3. С. 14; М. и Ш. 5-летний план Соцстраха в РСФСР // Вопросы страхования. 1929. № 6. С. 8–9; Об установлении на 1931 г. контингента пенсионируемых в порядке государственного обеспечения и о нормах пенсий для этих лиц: Постановление СНК РСФСР от 7 ноября 1930 г. // Вопросы страхования. 1931. № 7. С. 34.

См. об этом: Мирский С. Экспертиза инвалидности: Выправить работу // Вопросы страхования. 1929. № 2. С. 18–19.

Москва или Рочдель: Доклады Шарля Жида и Н. Л. Мещерякова. М., 1925.

Рочдельские принципы // МСЭ. М., 1930. Т. 7. С. 437–438.

Четырнадцатая конференция РКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 188.

Сталин И. К вопросам ленинизма. Указ. изд. С. 142.

39

Лавочные комиссии или рабочее шефство? (общее название для подпорки материалов) // Труд. 1930. 7 апреля.

За немедленную перестройку работы рабочей кооперации (общее название для подборки материалов) // Правда. 1930. 9 января.

41

Платонов А. Котлован: Примечания // Платонов А. Котлован: Текст, материалы творческой истории. С. 155.

42

Усилим вооружение ленинского комсомола в борьбе с оппортунизмом в теории и на практике (общее название для подборки материалов) // Правда. 1929. 1 декабря.

43

Радыгин Г. Новый этап борьбы с правой опасностью // Спутник коммуниста. 1929. № 21–22. С. 4.

44

Не ослаблять борьбы с правым уклоном (б. п.) // Крестьянская газета. 1930. 17 января.

45

На музыкальном фронте (редакционная статья) // Культурная революция. 1929. № 4. С. 19.

Бугославский С. За музыкальную культуру в клубе // Культурная революция. 1929. № 4. С. 21.

См. об этом: Харитонов А. А. Указ. соч. С. 174.

См. об этом: Платонов Л. Котлован: Примечания // Платонов А. Котлован: Текст, материалы творческой истории. С. 145.

49

Реклама этих препаратов размещена в таких, например, органах ЦК ВКП(б), как газеты «Правда» и «Рабочая газета». Толька за февраль-март 1930 г. см. рекламу «Спермоли» в след, номерах «Правды»: 1, 15 февраля; 1, 15 марта; «Секарской жидкости»: 4, 18 февраля; 4, 11, 18, 26 марта. Реклама «Секарской жидкости» в «Рабочей газете» за первые три месяца 1930 г.: 1, 5, 14, 21 и 28 января; 4, 18 и 25 февраля; 6, 11, 18 и 27 марта 1930 г. и т. д.

50

О борьбе за режим экономии: Обращения ЦК ВКП(б) // Справочник партийного работника. Выпуск шестой. Ч. I. М., 1927. С. 460–461.

51

Об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом: Резолюции XVI партконференции (23–29/IV 1929 г.) // Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. Ч. I. М., 1930. С. 248.

52

О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г.: Резолюции ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. // Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. Ч. I. С. 287.

53

О контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 г.: Резолюции ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) // Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. Ч. II. С. 90.

Арский И. Люди, строящие социализм // Рабочая газета. 1930. 19 января.

М.Д. Там, где кипит стройка // Культурная революция. 1929. № 17. С. 35.

Двенадцать лет пролетарской диктатуры: (передовая) // Деревенский коммунист. 1929. № 20. С. 1.

57

См.: Немчинский Н. Повесть о Турксибе // 30 дней. 1930. № 5. С. 5.

58

См. об этом: Золотоносов М. А. Указ. соч. С. 270; Гюнтер Г. Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 2. М., 1995. С. 146; Маркштеин Э. Дом и котлован, или мнимая реализация утопии // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994 и др.

59

Ожегов С. И. Словарь русского языка // Дом: словарная статья.

60

Коннотация (от лат. con- прист. со знач. совместного действия и noto — обозначаю, указываю, намекаю; connoto — в то же время намекаю, указываю на) — дополнительное значение лексической единицы, которое накладывается на ее основное значение; возникает в речи или литературном произведении в результате взаимодействия исходных значений слова с той или иной бытовой, политической, литературной ситуацией и как результат наложения разных контекстов. Термин часто используется в современном литературоведении.

Маркштейн Эл. Указ. соч. С. 288.

62

Аллюзия (от лат. allusio — шутка, намек) — одна из стилистических фигур в литературе, ораторской и разговорной речи: намек на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным.

63

Сталин И. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. Указ. изд. С. 101.

Сталин И. К вопросам ленинизма. Указ. изд. С. 140.

Золотоносов М. А. Указ. соч. С. 275.

Геллер М. Я. Указ. соч. С. 283.

Малыгина Н. «Рассказ о многих интересных вещах» в контексте творчества Андрея Платонова // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 186.

Синявский А. Основы советской цивилизации. М., 2001. С. 75–82.

69

См. об этом: Толстая Е. О связи низших уровней текста с высшими // Толстая Е. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. М., 2002.

Здесь и далее: выделение слов полужирным шрифтом принадлежит нам. — Н.Д.

Александров А. О повести «Котлован» // Грани. 1970. № 77. С. 140.

Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. № 1. М., 1993. С. 120–121.

Харитонов А. А. Указ. соч. С. 223, 224 и др.

Письмо школьниц А. В. Луначарскому (26/XII 29 г.) // Письма во власть (1928–1939). М., 2002. С. 105.

75

Письмо Яворской в Деткомиссию при ВЦИК (3/V— 30 г.) // Письма во власть: 1928–1939. С. 128.

Маркштейн Эл. Указ. соч. С. 296.

См.: Кулагина А. Тема смерти в фольклоре и прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып.4. М., 2000. С. 346.

Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР. Указ. соч. С. 314.

79

См. об этом: Протоколы № 1–2 совместного заседания коллегии ОГПУ с полномочными представителями и руководящими работниками отделов ОГПУ о ликвидации кулачества (30–31 января 1930 г.); Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса (2 февраля 1930 г.); Сводка Кохозцентра о ликвидации кулачества как класса по материалам печати с 25 января по 9 февраля 1930 г.; Доклад И. М. Варейкиса в ЦК ВКП(б) о ходе коллективизации и о мероприятиях по ликвидации кулачества в ЦЧО (18 февраля 1930 г.) и др. // Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 т. Т. 2: ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000.

Все документы цитируются по сборнику: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание.

81

Новый закон о самообложении: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР // Крестьянская газета. 1929. 17 сентября.

82

См. об этом: Что нужно знать о самообложении? // Справочник строителя. М., 1930 г.; Лифшиц М. Больше партруководства самообложением //Деревенский коммунист. 1929. № 19; Новый закон о самообложении // Крестьянская газета. 1929. 17 сентября; Самообложение — рычаг культурной революции: (редакционная статья) // Правда. 1929. 27 сентября и пр.

83

Шуваев К. Новый этап колхозного строительства // Деревенский коммунист. 1929. № 22. С. 9.

Акулов И. Новые методы профсоюзной работы. М., 1930. С. 2.

85

Проект постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации, подготовленный комиссией // Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. С. 65, 66.

Сталин И. О правой опасности в ВКП(б): Речь на пленуме МК и МКК 19 октября 1928 г. Указ. соч. С. 232.

87

Сталин И. О правом уклоне в ВКП(б): Из речи на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. Указ. соч. С. 253.

88

Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства: Резолюция ноябрьского пленума 1929 г. // Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. Ч. II. С. 103.

89

Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР. Указ. соч. С. 317.

90

Михаил. Деревенские организации — лицом к производству: Лицо ячейки и беспартийный актив // Деревенский коммунист. 1930. № 1. С. 27.

91

Гривун С. Работа с колхозным активом // Деревенский коммунистˆ 1930. № 9–10. С. 63.

92

Письма цитируются по кн.: Тепцов Н. В дни великого перелома: История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям: 1929–1933. М., 2002.

93

См. об этом: Нестюрин Ф. Б. Кулаки в колхозе // Крестьянская газета. 1930. 7 января; Огонь по правому уклону на практике (название рубрики) // Крестьянская газета. 1930. 17 января и др.

Сведения приведены по кн.: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание.

95

«Место дикое, необжитое, кругом тайга<…>» // Тепцов Н. Указ. соч. С. 170.

Сталин И. Год великого перелома. Указ. изд. С. 294.

Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР. Указ. изд. С. 304.

Сталин И. Головокружение от успехов Указ. изд. С. 323.

«Благодаря усиленной работе среди бедноты» //Тепцов Н. Указ. соч. С.89

100

«Если бы т. Ленин был жив<…>» // Тепцов Н. Указ. соч. С. 276.

101

Золотоносов М. А. Указ. соч. С. 272; Платонов А. Котлован: Примечания // Платонов А. Котлован: Текст, материалы творческой истории. С. 160.

102

Наумов Н. 16-й съезд партии: В полосе великого подъема // Деревенский коммунист. 1930. № 11–12. С. 1.

103

См. кн.: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание.

Тепцов Н. Указ. соч. С. 162, 274.

105

Сталин И. Об основах ленинизма. Указ. изд. С. 14.

106

Сталин И. О задачах хозяйственников. Указ. изд. С. 444.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М., 1986. С. 291.

108

Работать по-ленински: (передовая) // Культурная революция. 1930. № 1. С. 1.

109

Сталин И. Ответ товарищам колхозникам. Указ. изд. С. 329.

110

Не ослаблять борьбы с правым уклоном (б. п.) // Крестьянская газета. 1930. 17 января.

111

См.: Тепцов И. Указ. соч. С. 260, 262, 281.

112

Письмо Тарановича В. М. Молотову // Письма во власть. С. 147.

113

См.: Тепцов Н. Указ. соч.

114

См. кн.: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. С. 521.

115

Радыгин Г. Новый этап борьбы с правой опасностью // Спутник коммуниста. 1929. № 21–22. С. 7.

116

Анонимное письмо А. В. Луначарскому // Письма во власть. С. 175.

117

Сталин И. Ответ товарищам колхозникам. С. 338.

118

Конский волос на тракторы // Известия. 1930. 9 января.

119

Нет больше отбросов, есть утиль — ценное сырье для нашей промышленности и для вывоза за границу (общее название для подборки материалов) // Крестьянская газета. 1929. 17 декабря.

120

Товарищи крестьяне и крестьянки! Учитесь извлекать доход из отбросов (б. п.) // Крестьянская газета. 1929. 9 апреля.

121

Нет больше отбросов, есть утиль — ценное сырье для нашей промышленности и для вывоза за границу (общее название для подборки материалов) // Крестьянская газета. 1929. 17 декабря.

122

Там же.

123

Реминисценция (от познелат. reminiscentia — воспоминание) — в художественном тексте черты, наводящие на воспоминание о другом произведении; реминисценция — воспроизведение автором чужих образов или ритмико-синтаксических ходов, автореминисценция — своих старых.

124

Колдомасов Е. Значение утиля в нашем хозяйстве // Советский активист. 1930. № 3. С. 7.

Харитонов А. А. Указ. соч. С. 80.

См.: Тепцов Н. Указ. соч. С. 132, 235.

127

Самообложение — рычаг культурной революции: (редакционная статья) // Правда. 1929. 27 сентября.

128

Расширение экспорта — рычаг для выполнения пятилетки в четыре года (общее название для подборки материалов) // Правда. 1930. 3 января

129

Н.И. Радиовещание и культработа // Культурная революция. 1929. № 17. С. 28.

130

Сталин И. О правой опасности в ВКП(б). Указ. изд. С. 230, 234,237.

131

Сталин И. Ленин и вопрос о союзе с середняком. Указ. соч. С. 223.

132

Партия о культработе: Резолюция оргбюро ЦК ВКП(б) о культурно-просветительной работе профсоюзов // Культурная революция. 1929. № 9. С. 1.

133

Под руководством партии: (передовая) // Культурная революция. 1930. № 15. С. 2.

134

Бондарев П. Укреплять собственные ряды // Культурная революция. 1929. № 3. С. 3.

135

Дебюзер Л. Некоторые координаты фаустовской проблематики в повестях «Котлован» и «Джан» // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 320.

136

Золотоносов М. А. «Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // Андрей Платонов: Мир творчества. С. 247.

137

Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован». Дис. <…> канд. филол. наук. СПб., 1993. С. 234–235.

138

Толстая Е. Литературный материал в прозе Андрея Платонова // Возьми на радость: To Honor Jeanne van der Eng-Leidmeier. Amsterdam, 1980. С. 193.

139

Этот термин используют в лингвистике для обозначения многозначности слова, его способности соединяться с другими словами и в разных сочетаниях актуализировать различные оттенки своих значений. Поэт в прошлом, А. Платонов обладал тончайшим лингвистическим слухом. Может быть, поэтому в «Котловане» образы построены по принципу «поливалентного» слова: они многозначны и в ходе повествования актуализируют разные значения из своего образного арсенала.

140

Долгов И. Хронотоп «Котлована». Вопросы истории текста // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. С. 770.

141

«К начинающим пролетарским поэтам и писателям» (1919).

«Культура пролетариата» (1920).

«Живая ехидна» (1920).

Воронский А. Демьян Бедный // Литературные портреты: В 2 т. М., 1929. Т. 2. С. 51.

«Луначарский» (1920).

«Да святится имя твое» (1920).

147

«Да приблизится царство сына (будущего человечества)»: «Два мира» (1920).

148

«До конца будет Сын с смертью, с тайнами биться»: «Сын земли» (1920).

149

«Новый хозяин земли — пролетариат — еще не выровнял их сознание, не дал им своего духа»: «Воспитание коммунистов» (1920);

«обрести силу сознания, умственную одаренность, т. е. приобрести „дух“ <…> „Дух“ есть наиболее экономное проявление все той же материи <…> Мы <…> завоевали эту материю <…> и обеспечили себе возможность <…> вырастить мощный интеллект — сознание»: «Революция „духа“» (1921).

«Пролетарская поэзия» (1922).

«Новое евангелие» (1921).

152

«Жизнь» как время существования чего-либо от его возникновения до конца, например «прожить долгую жизнь».

153

«Жизнь» как высшее и наиболее полное проявление бытия; в таком значении данное слово употребляется в большинстве евангельских выражений, например: «в Нем была жизнь» (Ин. 1: 4); «Я пришел для того, чтобы имели жизнь, и имели с избытком» (Ин. 10: 10) и др.

154

«Жизнь» как оживление, появление деятельности и энергии, например: «Улицы полны жизни», «Больше жизни!» (Ожегов С. И. Словарь русского языка).

155

«Жизнь» как деятельность общества или человека в тех или иных ее проявлениях, например: «семейная жизнь», «общественная жизнь», «производственная жизнь».

См. об этом: Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: Поэтика загадки. СПб., 2004.

157

По воспоминаниям Л. Гумилевского, Платонов считал очевидность мысли писателя недостатком художественного произведения. Он наставлял менее опытного собрата по перу: «Я думаю, главное, что вы чересчур доводите до конца свою мысль, а читателю додумывать ничего не остается» (Гумилевский Л. Судьба и жизнь / Андрей Платонов: Воспоминания современников. М., 1994. С. 57.)

См. об этом: Вьюгин В. Ю. Указ. соч.

159

Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Кн.1. М., 1989. С. 69.

160

См. об этом: Антонова Е. Комментарии // Андрей Платонов. Сочинения. Т. I, кн. 2. С. 345.

Богданов А. А. Указ. соч. С. 70.

162

См. об этом: Антонова Е. Комментарии // Платонов А. Сочинения. Т. I, кн. I. М., 2004. С. 485.

163

Там же. С. 469.

О влиянии В. Соловьева на А. Платонова см.: Малыгина Н. Образы-символы в творчестве А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова. М., 1994; Вьюгин В. Указ. соч. и др.; о перекличках с П. Флоренским см.: Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова // Здесь и теперь. № 1. М., 1993. С. 17; Яблоков Е. На берегу неба: Роман Андрея Платонова «Чевенгур». СПб., 2001; Антонова Е. Комментарии // Андрей Платонов. Сочинения. Т. I, кн. 2. С. 372.

165

Соловьев В. Россия и Вселенская Церковь // Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. СПб., 2000. С. 282, 276, 275.

Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. СПб., 2000. С. 129, 71.

167

Флоренский П. Л. Столп и Утверждение Истины (I). М., 1990. С. 11, 347, 43, 167, 323, 348, 352, 326.

Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 66, 75, 65, 90.

169

Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Трубецкой Е. Н. Избранное. М., 1995. С. 63.

170

Левин Ю. От синтаксиса к смыслу и далее: («Котлован» А. Платонова) // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 413.

Флоренский П. А. Указ. соч. С. 176, 178.

См. об этом: Малыгина Н. Указ. соч.

Харитонов А. А. Указ. соч. С. 118.

См. об этом: Толстая Е. Мир после конца: Работы о русской литературе XX века. М., 2002.

Флоренский П. А. Указ. соч. С. 110–111.

176

Здесь и далее в цитатах из книги «Столп и Утверждение Истины» орфография П. Флоренского.

177

«Чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3: 15).

Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. 70, 72.

179

Луначарский А. В. Религия и социализм: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 8, 145.

Синявский А. Указ. соч. С. 11.

181

Платонов А. Город Градов // Платонов А. Взыскание погибших. М., 1995. С. 88.

Флоренский П. А. Указ. соч. С. 489.

Кулагина А. В. Указ. соч. С. 354–355, 346.

См.: Пастушенко Ю. Поэтика смерти в повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 2. М., 1995. С. 195.

185

См. об этом: Харитонов А. А., Колесникова Д. В. I–VI Платоновские семинары в Пушкинском Доме (1990–1994); Вахитова Т. М. Фольклорные особенности произведений А. Платонова // Творчество Андрея Платонова: Исследования й материалы. Библиография. СПб., 1995. С.280.

См. об этом: Кулагина А. Указ. соч. С. 350.

187

Касаткина Е. «Прекращение вечности времени», или Страшный Суд в котловане: Апокалиптическая тема в повести «Котлован» // «Страна философов» Андрей Платонова: Проблемы творчества. Вып. 2. М., 1995. С. 183.

Геллер М. Указ. соч. С. 276.

Федоров Н. Ф. Указ. соч. С. 59, 576–577.

Александров А. Указ. соч. С. 137.

191

Бочаров С. Г. «Вещество существования»: Мир Андрея Платонова // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 254.

Федоров Н. Ф. Указ. соч. С. 80.

193

См. об этом: Левин Ю. От синтаксиса к смыслу и далее: («Котлован» А. Платонова). О ритмической организации всех платоновских текстов, включая его записные книжки, было также сделано несколько устных сообщений на Платоновских конференциях Ю. Орлицким.

См. об этом: Гюнтер Г. Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 2. М., 1995.

Золотоносов М. А. Указ. соч. С. 276.

См. об этом: Шеппард Дж. Любовь к дальнему и любовь к ближнему в творчестве А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1994; Золотоносов М. Указ. соч.

197

См. об этом: Малыгина Н. Образы-символы в творчестве А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 1. М., 1994. С. 175.

См. об этом: Малыгина Н. Указ. соч. С. 167–168; Вьюгин В. Ю. Примечания к тексту «Котлована» // Андрей Платонов «Котлован»: Текст, материалы творческой истории. С. 149.

Харитонов А. А. Указ. соч. С. 243.

См. об этом: *Дебюзер Л.* Некоторые координаты фаустовской проблематики в повестях «Котлован» и «Джан» // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994.

201

Луначарский А. В. Указ. соч. С. 335.

Антонова Е. Комментарии // Андрей Платонов. Сочинения. Т. I, кн. 1. С. 488.

Флоренский П. А. Указ. соч. С. 264.

Толстая Е. О связи низших уровней текста с высшими. Указ. изд. С. 259–260.

205

Этот отрывок опубликован в кн.: Вьюгин В. Ю. Поэтика загадки. Приложение 2.

Харитонов А. А. Система имен персонажей в поэтике повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 2. М., 1995. С. 161.

207

Толстая Е. О связи низших уровней текста с высшими. Указ. изд. С. 258, 259, 261.

208

Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован». С. 226.

Харитонов А. А. Архитектоника повести А. Платонова «Котлован» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995. С. 71.

210

Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован». С. 229.

Харитонов А. А. Архитектоника повести А. Платонова «Котлован». Указ. изд. С. 71.

Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 249.

213

Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 288.

214

Статья С. Бочарова об А. Платонове впервые была опубликована в 1968 г. В это время «Котлован» только что издали на Западе, а до публикации его на родине писателя пройдет еще двадцать лет. Однако С. Бочаров приводит примеры речевых гротесков именно из «Котлована» (естественно, без ссылок), так как для этой повести речевые гротески наиболее характерны.

215

Толстая Е. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк // Толстая Е. Мир после конца: Работы о русской литературе XX века. М., 2002. С.286.

216

См. об этом: Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990; Левин Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее: «Котлован» А. Платонова. Указ. изд.

217

Толстая Е. О связи низших уровней текста с высшими. С. 261.

218

Данный пример есть в указанной выше статье Кобозевой И. М., Лауфер Н. И.

219

Левин Ю. И. Указ. соч. С. 408, 410.

220

Исторический материализм — один из разделов марксистско-ленинской философии, предает которого — общество и общественные отношения.

221

Большая советская энциклопедия.

Ожегов С. И. Словарь русского языка.

Геллер М. Указ. соч. С. 267.

Там же. С. 279.